

№ 3(14)
Сентябрь 2015

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера: **Социология еды**

/Рождение не-еды

/Питание – маркер социального неравенства

/Еда как контркультура

/Существует ли альтернатива разграблению земли?

Состав международного редакционного совета

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия);

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия);

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН (Москва, Россия);

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (Москва, Россия);

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета, Почётный доктор ИС РАН (Хельсинки, Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии образования ИС РАН (Москва, Россия);

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Варшава, Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва, Россия);

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Берлин, Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН (Москва, Россия);

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия);

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Ниш, Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Ноттингем, Ноттингемшир, Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия);

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Шанхай, Цзянсу, Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия);

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия);

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета ИС РАН (Москва, Россия);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия);

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Монгольской АН, профессор, директор Академии управления Монголии (Улан-Батор, Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

YADOV Vladimir A., Ph.D., Professor, Head of the center of the theoretical, historical and sociological studies of the Institute of Sociology, RAS (Russia);-

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Institute of Sociology of RAS;

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOŚEŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia);

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; заместитель директора ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – научный сотрудник ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, проф.; главный научный сотрудник ИС РАН, профессор Социологического факультета НИУ ВШЭ;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат философских наук, заведующая отделом теоретического анализа социальных трансформаций ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д.социол.н.; профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки ИС РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, проф.; руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Research;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia);

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: «Социология еды»	12
<i>Кравченко С. А.</i> Парадоксы «стрелы времени»: рождение не-еды	12
<i>Зарубина Н. Н.</i> Аскетические, дисциплинарные и самоограничительные практики как фактор формирования стратегий питания в современной России	30
<i>Носкова А. В.</i> Питание как объект социологии и маркер социального неравенства	49
<i>Карпова Д. Н.</i> Еда как контркультура или движение антикапитализма	65
К методологии научных исследований.....	74
<i>Михайленок О. М.</i> Общественно-политическое согласие в контексте демократической консолидации (аналитический обзор)	74
Межэтнические отношения	92
<i>Арутюнова Е. М.</i> Межэтническое согласие в контексте общественно-политических ориентаций (опыт московского региона)	92
Дискуссионная трибуна	106
<i>фон Верльхоф К.</i> Глобализация и неолиберализм: существует ли альтернатива разграблению земли?	106
Научные форумы.....	140
<i>Тихонов А. В., Мерзляков А. А., Богданов В. С.</i> Реализация кластерной политики в регионах РФ (семинар по результатам исследования)	140

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue.....	9
The Theme of the Issue: Sociology of Food.....	12
<i>Kravtchenko S. A.</i> Instead of Introduction to the Theme of the Issue. Forecasting Social Projection ...	12
<i>Zarubina N. N.</i> Ascetic, Disciplinary and Self-limiting Practices as a Factor of Dietary Strategies in Modern Russia	30
<i>Noskova A. V.</i> Food as a Sociology Object and a Social Inequality Marker	49
<i>Karpova D. N.</i> Food and Counterculture or Anti-capitalist Movement.....	65
On the Methodology of Scientific Researches.....	74
<i>Mikhaylionok O. M.</i> Socio-Political Accord in the Context of Democratic Consolidation (Analytical Review)	74
Interethnic Accord.....	92
<i>Arutyunova E. M.</i> Interethnic Accord in the Context of Some Socio-political Orientations (According to Moscow Region Experience).....	92
Discussion Platform.....	106
<i>Claudia von Werthof.</i> Globalization and Neo-liberalism: Is there any Alternative to Pillage of the Earth?.....	106
Scientific Events.....	140
<i>Tikhonov A. V., Merzliakov A. A., Bogdanov V. S.</i> Realization of Cluster Politics in the Russian Federation Regions (Workshop on the Research Results)	140

И. А. Халий,
заместитель главного редактора
журнала «Вестник Института социологии»

Представляю номер

Тема данного выпуска «Социология еды» в науке стран Запада получила широкое распространение как “Food studies”, в которые включены любые аспекты, связанные с тем, что является едой для человека. Социология еды имеет свои определённые рамки. В них еда не изучается как таковая, но исследуется отношение общества/сообщества к ней, причины её изменений, отношение людей к количеству и качеству пищи, и т. п. Иными словами, социология еды изучает отношение людей к еде и взаимоотношения различных социальных групп и даже целых сообществ по её поводу.

В российской социологии уже насчитывается немало работ по названной теме. В нашем подборе материалы представлены коллективом учёных, профессоров и преподавателей МГИМО (У) МИД России. Ими реализован проект, непосредственно посвящённый этой теме. Результаты этого исследования они и представляют в своих статьях.

Открывает тему номера работа доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России С. А. Кравченко «Парадоксы “стрелы времени”»: рождение не-еды», в которой автор рассматривает причины изменений, происходящих с едой под воздействием процессов глобализации. Автор утверждает, что в силу ряда бифуркаций в социокультурной динамике еды произошло становление «текучей» еды, а также рождение не-еды, понимаемой как социальная форма, которая централизованно производится и контролируется на глобальном уровне, но которая по существу лишена специфического социального и культурного контекста.

Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД России Н. Н. Зарубина в статье «Аскетические, дисциплинарные и самоограничительные практики как фактор формирования стратегий питания» рассматривает аскетические и дисциплинарные практики и принципы самоограничения, применяемые современными россиянами при формировании стратегий питания. Показано,

что социализация практик питания связана с их рационализацией и регулированием на основе норм и ценностей, имеющих культурную и социальную природу.

[А. В. Носкова](#), доктор социологических наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД в статье [«Питание как объект социологии и маркер социального неравенства»](#) раскрывает социальные и научные причины обращения социологов к проблеме потребления пищи. Среди научных детерминант выделяется гуманистический поворот в западной социологии, в переориентации социологов с осмысления макропроблем на микроисследования повседневной жизни людей, различных поведенческих практик. Приводятся результаты эмпирического исследования практик питания московских студентов.

В статье [«Еда как контркультура или движение антикапитализма»](#) преподаватель кафедры социологии МГИМО (У) МИД [Д. Н. Карпова](#) рассматривает проблематику еды как маркера современного капиталистического общества, которому свойственны принципы сверхпотребления, быстрого питания, стандартизации и предсказуемости. Отмечено, что в ответ на глобальные тренды макдональдизированного общества образуются многочисленные протестные движения.

Регулярно появляющаяся в нашем журнале рубрика [«К методологии исследований»](#) в этот раз включает аналитический обзор доктора политических наук, профессора, заведующего отделом исследования социально-политических отношений ИС РАН [О. М. Михайленка](#). Его статья [«Общественно-политическое согласие в контексте демократической консолидации»](#) посвящена теоретическим аспектам демократической консолидации и вопросам общеполитического согласия. Автор показывает, что в мировой науке под результатом консолидации понимается такое состояние общества, при котором граждане и субъекты власти различных уровней приходят к согласию, чтобы деятельность общества была целенаправленной и согласованной.

В рубрике [«Межэтнические отношения»](#) размещена статья кандидата наук, старшего научного сотрудника ИС РАН [Е. М. Арутюновой](#) [«Межэтническое согласие в контексте общественно-политических ориентаций \(опыт московского региона\)»](#), в которой на основании данных социологического исследования проблем межэтнического согласия рассмотрены некоторые общественно-политические ориентации москвичей в сочетании с вопросами межэтнического взаимодействия, а также то, как состояние сознания в общественно-политической сфере влияет на их консолидацию как россиян.

В рубрике [«Дискуссионная трибуна»](#) выступает австрийский учёный, профессор [К. фон Верльхоф](#) (Инсбрук, Австрия). В её статье [«Глобализация и неолиберализм: существует ли альтернатива разграблению земли?»](#) подробно анализируется

суть неолиберализма и его негативное влияние на жизнь мирового сообщества, за исключением «сильных мира сего». Мы поместили статью в эту рубрику, поскольку полностью уверены, что она вызовет массу вопросов, альтернативных мнений и позиций.

Завершает номер рубрика [«Научные форумы»](#). В ней представлена статья доктора социологических наук, главного научного сотрудника, руководителя Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН [А. В. Тихонова](#), кандидата социологических наук, старшего научного сотрудника ИС РАН [А. А. Мерзлякова](#), кандидата социологических наук, старшего научного сотрудника ИС РАН [В. С. Богданова](#), [«Реализация кластерной политики в регионах РФ»](#), повествующая о внешнем семинаре Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН, состоявшемся в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН по результатам исследования. Основной темой семинара стало подведение итогов трёхлетней исследовательской работы по оценке реализации кластерной политики в регионах в рамках программы Президиума РАН № 43 «Прогноз технологического развития России с учётом новых мировых интеграционных процессов».

Т е м а н о м е р а : С о ц и о л о г и я е д ы

Парадоксы «стрелы времени»: р о ж д е н и е н е - е д ы

Кравченко Сергей Александрович –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии,
Московский Государственный университет
международных отношений МИД РФ, Москва

E-mail: sociol7@yandex.ru

Парадоксы «стрелы времени»: рождение не-еды

Аннотация

Еда не только удовлетворяет первичные, врождённые, генетически обусловленные инстинктивные влечения человека, но и формирует социокультурные условия его существования. Сама еда под влиянием фактора «стрелы времени», обоснованного лауреатом Нобелевской премии И. Пригожиным, развивается ускоряющимся и усложняющимся образом. Сегодня становится всё более очевидным, что динамика еды находится в контексте динамики природы и общества. Автор предлагает постулат о «стреле времени» еды: мы едим то, в каком обществе мы живём, со всеми его достижениями, рисками и уязвимостями, а также то, какова природа, точнее, социоприродная среда. При всех достижениях человеческой цивилизации в производстве еды существуют ненамеренные последствия, несущие новые уязвимости как самому человеку, так обществу и природе. В силу ряда бифуркаций в социокультурной динамике еды произошло становление «текучей» еды, а также рождение не-еды, понимаемой как социальная форма, которая централизованно производится и контролируется на глобальном уровне, но которая, по существу, лишена специфического социального и культурного контекста. Отныне в питании человека доминируют «текучая» еда и не-еда, что порождает новые риски и уязвимости для людей. Автор¹ показывает и анализирует факторы, способствующие производству не-еды. Среди них: глобализация; глоубализация; индустриализация и «зелёная» революция; производство «продуктов-чужаков»; играизация, приведшая к зарождению перформативной не-еды; детрадиционализация. К основным силам, стоящим за сохранением и распространением собственно еды, автор относит процесс глокализации, демакдональдизации и следование традициям питания. По мнению автора, пришло время переоткрытия еды как важнейшей биологической, социальной и культурной ценности для человека. Сегодня важно не просто производить еду, а бороться за сохранение её аутентичности. Необходимо поддерживать новые социальные движения, неподконтрольные глобо-сетевому агробизнесу, которые выступают за «пищевую демократию», контроль качества поставляемых на рынок продуктов питания со стороны горожан.

Ключевые слова: «стрела времени», глобализация, глокализация, ничто, не́что, еда, «текучая» еда, не-еда

Еда играет огромную роль в развитии человека и его культуры. Чтобы решить проблему питания, человек постоянно преобразовывал еду, а вместе с ней и всё общество. Первые орудия труда были созданы для того, чтобы миними-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, грант № 14-03-00710.

зировать неопределённости в питании. На этом историческом пути достигнуты воистину выдающиеся достижения. Человек, используя потенциал индустриализаций, модернизаций, создал *определённости* в производстве продуктов питания, что позволило противостоять природным бедствиям и катастрофам неурожая, вызванным засухой, наводнениями. Постепенно еда стала выходить *за пределы национально-культурного пространства*, что не только делало пищу более разнообразной, но и оказывало влияние на её качество. Сегодня становится всё более очевидным, что динамика еды находится в контексте динамики природы и общества. При всех достижениях человеческой цивилизации в производстве еды у них есть *ненамеренные последствия*, несущие новые *уязвимости* как самому человеку, так и обществу, и природе.

В настоящее время активно идёт процесс формирования новой социальной реальности, обладающей качествами *сложного общества*. Мир как на глобальном, так и на локальном уровнях сталкивается с *усложняющейся социокультурной динамикой общества*, невиданными ранее бифуркациями, рисками, травмами, разрывами, парадоксами. Согласно постулату «стрелы времени», обоснованному лауреатом Нобелевской премии И. Р. Пригожиным, имеет место *саморазвитие материи и ускоряющаяся динамика человеческих сообществ*. «Человеческие сообщества, особенно в наше время, имеют свои, существенно более короткие временные масштабы... С увеличением динамической сложности (от камня к человеческому обществу) роль стрелы времени, эволюционных ритмов возрастает», – пишут И. Пригожин и И. Стенгерс [Пригожин, Стенгерс 2000: 265]. По нашему мнению, будучи частью живой и социальной материи, еда развивается в контексте «стрелы времени», эффект которого распространяется и на социокультурную динамику еды [Кравченко 2014].

К социологическому определению еды

Еда, будучи *сложным* феноменом, является предметом диетологии, медицины, антропологии, культурологии, экономики и ряда других наук. Социологов, как правило, интересуют биологическая, социальная и культурная составляющие еды. Дж. Ковеней, современный исследователь еды из Австралии (Флиндерский университет), определяет её следующим образом: «Еда есть то, кто мы. Это буквально так, ибо наши материальные тела состоят из компонентов, которые прежде были едой. Это также справедливо в метафорическом смысле, так как еда была и до сих пор остаётся идентификатором и маркером класса, культуры и цивилизации» [Coveney 2014: 2]. Д. Габачия, социолог, исследователь еды, акцент

Постепенно еда стала выходить за пределы национально-культурного пространства, что не только делало пищу более разнообразной, но и оказывало влияние на её качество.

делает на её динамику под влиянием процесса космополитизации и утверждает, что «мы представляем то, что едим», добавляя: жизнь современного большого города «предлагает потребителям даже с низкими доходами, происходящими из самых широких слоёв населения, недорогой способ приобретать новую и инновационную еду и создать свою собственную версию мульти-этнического космополитизма» [Gabaccia 2000: 105]. По Ж. Бодрийяру, смысл современной еды как товара состоит в том, что она производится «в качестве знака, стоимости/знака» [Бодрийяр 2003: 160].

Полагаем, эти и другие подходы к анализу еды весьма интересны, оригинальны, содержат антропологическое, структуралистское, социолингвистическое, интерпретативное, рациональное и другие толкования еды. Однако они дают в целом *линейные* трактовки природы еды. Мы же исходим из того, что сегодня необходимо *переоткрыть* еду с позиций обоснования её *нелинейной* природы развития в контексте соответствующей динамики социума, особенно под влиянием таких факторов, как глобализация и детрадиционализация еды.

В самом общем виде под едой мы понимаем пищу, содержащую интегрально, как минимум, четыре компонента, находящихся в *нелинейной динамике*: 1) *биоприродную субстанцию*, осуществляющую воспроизводство физической и психической функциональности человека; 2) *социальный компонент* в виде характера социальных действий по отношению к ней; 3) *институционализованные культурные ценности и нормы, традиции*, регулирующие не только характер диеты и вкуса, но и собственно человеческие отношения, складывающиеся во время принятия пищи; 4) *биополитические дискурсы*, «систематически формирующие те объекты, о которых они говорят» [Фуко 2004: 112], соответственно осуществляющие своеобразную власть, «надзор» за «нормальностью» еды.

Подчеркнём, наше определение предполагает постулат о «стреле времени» еды: *Мы едим то, что предлагает нам общество, в котором мы живём, со всеми его достижениями, рисками и уязвимостями, а также то, какова природа, точнее, социоприродная среда.*

Рационализация: фактор стандартизации еды

Социокультурная динамика еды в контексте «стрелы времени» стала особенно очевидной с развитием *рационализации еды*. Изначально данный процесс зародился в сельском хозяйстве. Первые формы той рационализации выражались во внесении *удобрений* в почву, создании *искусственного орошения*, применении *различных технологий* по увеличению

урожайности возделываемых культур, *выкорчевывании леса* с целью получения пахотной земли. «Удобрение почвы путём унавоживания, – пишет М. Вебер, – известно Гомеру (растительное удобрение относится уже к позднему времени)» [Вебер 2001a: 216].

В разных культурах процессы рационализации проходили весьма *своеобразно* и *противоречиво*, что сказалось на специфике результатов в конкретных культурах. Плодами рационализации ресурсов обычно становилась лучшая адаптация к окружающей среде – увеличивалась предсказуемость в обеспечении продуктами питания, что в итоге способствовало совершенствованию социальных отношений. Э. Гидденс со ссылкой на исследования Т. Парсонса отмечает, что такие производственные технологии, как сохранение поля под паром, ирригационные системы, способы сбережения и накопления продуктов питания, способствовали «растяжению» социальных отношений в пространстве и времени [Гидденс 2003: 357], что свидетельствовало о развитии цивилизованности.

Однако если рационализация в своей основе носила варварский характер по отношению к природе, то это разрушало не только производство еды, но и основы функционирования самого общества. Вот лишь один из примеров, приводимый Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»: «Людам, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путём пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров скопления и сохранения влаги» [Энгельс. Т. 20: 496]. Как видно, общество и люди через конкретный способ производства и рационализации связаны многочисленными нитями с природой, которая *обратно* влияет на социальные отношения и, соответственно, на характер производства еды определённого качества. В самом крайнем случае деградация природы останавливает производство еды вообще.

Важным фактором, способствовавшим рационализации и всевозможным инновациям в питании, был город, по определению М. Вебера, – «место, где совершался переход из несвободного в свободное состояние» [Вебер 2001b: 362]. Это выражалось в том, что денежное хозяйствование снимало ограничения свободы городского населения путём различных табу, включая минимизацию запретов в сфере питания.

Радикальные изменения еды происходят под влиянием *урбанизации* и *индустриальной революции*. Переход к машинной технике, составляющей основу крупного капиталистического производства, привёл к сопутствующим экономическим и социальным трансформациям, которые коснулись *сферы производства и потребления еды* – она всё более и более подверга-

Если рационализация в своей основе носила варварский характер по отношению к природе, то это разрушало не только производство еды, но и основы функционирования самого общества.

лась индустриализации, основанной на принципах *формальной рационализации и прагматизма*. Это привело к *качественному сокращению неопределённостей в производстве продуктов питания*. Зарождаются и получают повсеместное распространение *специализированные* индустрии питания, функционирующие не как частные домовладения в ограниченном временном режиме, а *круглосуточно*.

Основной едой того времени был хлеб, который стал выпекаться не поштучно хлебобёрками, имеющими профессиональную родословную, а *массово*, на конвейерах хлебозаводов – прежний способ производства просто не мог поспевать за темпами урбанизации и удовлетворить всё возрастающие потребности городского населения. Создаются птицефабрики, обеспечивавшие за счёт технологических новшеств (круглосуточное освещение, внесение в корм стимулирующих рост добавок и т. д.) более *быстрое и стандартизированное* выращивание цыплят, поставлявшихся в продажу в виде готовых к употреблению тушек практически одного веса и размера. Аналогичные конвейерные технологии внедряются в производство мелкого и крупного рогатого скота.

Рационализация и индустриализация пришла и в дом, радикально изменив характер прежней еды и способы её приготовления. Она быстро *утрачивала «домашность»*, становясь более *универсальной и стандартизированной*. Среди наиболее значимых технических новаций можно выделить: 1) *холодильник*, с появлением которого существенно преобразовалась доставка пицци (недельные закупки), расширился её ассортимент; 2) *консервы*, которые становились всё более разнообразными и качественными, их производство увеличивалось в промышленных масштабах, чему способствовали *искусственные консерванты*; 3) индустриально произведённые *полуфабрикаты*, для приготовления которых достаточно опустить их в кипящую воду или разогреть на сковороде; 4) *средства для приготовления еды* также стали иными: *газовые и электро-плиты* вытеснили дровяные печи, керосинки и примусы, что существенно ускорило приготовление и сделало еду более безопасной.

На рационально-индустриальных принципах развивается *общественное питание*, которое, несмотря на все проблемы, имело огромные последствия для образа жизни людей. Если домашние завтраки и ужины ещё сохранили свою функциональность, то домашние обеды как характерные социальные практики для традиционного общества прекратили своё существование.

В итоге еда обрела *стандартизированный характер*, её качество стало *централизовано контролироваться*, но она *ещё сохраняла своё социально-культурное содержание*, была ориентирована на *национальный вкус, локальные дискурсы*

Переход к машинной технике, составляющей основу крупного капиталистического производства, привёл к сопутствующим экономическим и социальным трансформациям, которые коснулись сферы производства и потребления еды.

и специфическую *национальную диету*. Структуры «эндо-кухни» и «экзо-кухни», относящиеся к традиционным обществам, в определённой степени сохранили свою функциональность и в индустриальном обществе. Выбор «чужой» еды был практически невозможен, особенно это касалось широких масс населения. Положение стало радикально изменяться по мере становления сложного общества: «стрела времени» затронула весь социум, включая еду.

Рефлексии сложных структур: производство «текучей» еды

В настоящее время активно идёт процесс формирования новой социальной реальности, обладающей качествами *сложного общества*. Мир как на глобальном, так и на локальном уровнях сталкивается с *усложняющейся социокультурной динамикой общества*, невиданными ранее бифуркациями, рисками, травмами, разрывами, парадоксами. По меткому определению З. Баумана, такой становящийся социум может быть только «текучим» [Бауман 2008]. Его конкретные социальные сферы обладают тем же атрибутивным качеством: «текучие времена», «текучая любовь», «текучий страх» и соответствующая «культура в текущем современном мире» [Bauman 2011; 2006; 2003; 2009]. К этому мы бы добавили возникновение «текучей» еды.

Рефлексия современных коллективных и индивидуальных акторов предполагает ориентацию на *становление и инновации*, понимаемые как «введение в употребление значительно улучшенного продукта» – «минимальным требованием к инновации является *новизна* продукта» [Осипов, Климовицкий 2014: 128]. Конкретно для структур, производящих еду, это означает постоянное *отслеживание* увеличения производства *разнообразных* продуктов земледелия и животноводства и, соответственно, *самоизменение* как самой структуры, так и её функций в направлении увеличения производства и предложения инновационных продуктов питания.

Рефлексия касается и *популярности, жизненности* самих блюд, сервировки стола. Деликатесы советского прошлого (салат оливье, готовившийся к Новому году; котлеты по-киевски, подававшиеся по особому случаю; дулёвский сервиз, достававшийся из серванта к чаепитию, когда приходили гости) достаточно быстро забываются, но не исчезают вовсе, как может показаться, сохраняясь в виде «следа». Согласно Ж. Дерриде, «след» обозначает «первоначальное прослеживание и стирание», выступает универсальной формой *не-наличия*, при которой осуществляется соотнесённость всего со всем. По его мысли, «поскольку след запечатлевает себя отнесе-

Конкретные социальные сферы обладают тем же атрибутивным качеством: «текучие времена», «текучая любовь», «текучий страх» и соответствующая «культура в текущем современном мире». К этому мы бы добавили возникновение «текучей» еды.

нием к другому следу,... его собственная сила производства прямо пропорциональна силе его стирания» [След... 2001: 744]. Периодически возникает ностальгия по бабушкиным блинчикам со сметаной или вареникам с вишней, но она быстро растворяется в погоне за «текучей» едой – *гастрономическими приключениями*, инновационными блюдами, *приходящими к нам* практически ежедневно, зачастую неизвестно из какой культуры. Так утверждаются *неодетерминистские кулинарные отношения* – современная «текучая» еда детерминирована не столько прошлым питанием, к которому мы так привыкли благодаря первичной социализации, сколько создаётся через *игру структур*, производящих еду-знаки, «*вдруг-события*» и *сетевое «соприсутствие»* акторов-производителей еды, зачастую живущих на разных континентах.

Это привело к качественным изменениям в производстве еды, что прежде всего касается её *характера* – она становится *глобально-сетевой*. Тому, как считает М. Кастельс, способствуют зарождение и развитие «новой формы общества, сетевого общества... Глобальные сети включают одних людей и территории и исключают других» [Castells 2010: XVII]. Сказанное касается и сетевых структур, производящих еду. На глобальном уровне произошла «зелёная» революция, результатом которой стало резкое увеличение производства разнообразных продуктов земледелия и животноводства благодаря использованию новейших био-, медико- и информационных технологий [Lyson 2004] Возник *глобальный агробизнес*, функционирующий на основе сочетания новых сетевых и прежних либеральных принципов рационализма, сциентизма и меркантилизма. Он, по существу, олицетворяет глобально-сетевую биополитику, *контролирующую и администрирующую* производство еды во взаимозависимом мире. При этом, как отмечает Дж. Ритцер, «увеличивается глобальное неравенство (Север имеет тенденцию устанавливать стандарты, которым Юг должен следовать)» [Ritzer 2011: 280].

Появление в глобально-сетевой биополитике ориентиров на выборочную инклюзию и эксклюзию при сохранении прежних принципов (рационализм, сциентизм, меркантилизм) привело к изменениям в виде *культурных травм* и *неопределённостей* в обоих полушариях. По определению П. Штомпки, культурная травма – метафорическое обозначение «определённой патологии агентства», переживаемой социальной группой или обществом в результате «деструктивного воздействия на социальное тело непредвиденных, отчасти неопределяемых, имеющих непредсказуемый финал процессов» [Штомпка 2001: 6]. В частности, структуры стран Юга побуждаются производить фрукты и овощи, предназначенные главным образом для потребителей на Севере, что, конечно, несёт определённые социо-экономические приобретения, отя-

Качественные изменения в производстве еды прежде всего касаются её характера – она становится глобально-сетевой.

гощённые, однако, *дисфункциональностями* для местного сельского хозяйства – сокращается производство и потребление собственных традиционных продуктов. Но главное – под влиянием *меркантильной рефлексии* на новые биотехнологии традиционные сорта пшеницы, кукурузы, риса, картофеля стали вытесняться более «рациональными» и «эффективными» *генномодифицированными культурами*. Аналогичные меркантильные био- и медикотехнологии пришли и в животноводство, где получили распространение всевозможные стимуляторы веса и роста скота. Кроме того, погоня глобального агробизнеса за сверхприбылями диктует использование разного рода «рациональных» *добавок*, включая искусственно созданные, в конечный продукт. И, наконец, глобальный агробизнес контролирует и администрирует мировое «пространство потоков» [Castells 2010: XXXII] еды, обеспечивая её доставку во все страны.

Вместе с тем, до сих пор в мире сохраняются *анклавы питания*, в которых подавляющее большинство людей находятся на *самообеспечении едой*: «они выращивают еду, не нуждаясь в покупках чего-либо ещё» [Coveney 2014: 46]. И это, подчеркнём, *мировая тенденция*. Полагаем, прав В. А. Ядов, предложивший концепцию «гло-локал-анклавизации», утверждая, что «в реальности имеет место «гло-локал-анклавизация» мирового сообщества» [Ядов 2002: 358]. И в нашей стране остаются отдельные анклавы, не тронутые глобализацией, где нет «текучей» еды, а доминирует традиционная национальная еда.

Становящийся новый порядок еды

Сегодня утверждается социальный порядок иного качества. Как замечает английский социолог Дж. Урри, «Сложность утверждает “научные” основания неопределённости, но, тем не менее, она необычным образом организована... Порядок и хаос выражают определённое состояние баланса, в котором компоненты ни полностью замкнуты в конкретном месте, ни полностью исчезли в анархии» [Urry 2003: 19, 22]. Без преувеличения можно утверждать, что результатом становления сложного социума стал *упорядоченный хаос «текучей» еды*.

Данный хаос еды в значительной степени порождён эффектом «стрелы времени». Глобализационные процессы, основанные на культурной открытости стран и народов, привели к зарождению того, что может быть названо *космополитической формой еды*, под которой понимаются увеличивающиеся *пространственные потоки* продуктов питания, преодолевающие барьеры стран и континентов и выходящие за рамки границ первоначального места их зарождения (пицца, суши,

кока-кола, не говоря о самых «простых» брендах алкогольных и безалкогольных напитков, куриных ножек и т. д.). По образному выражению Дж. Ритцера, «мир превратился в “плавильный котёл” еды»: суши оторвались от своих японских корней, индийскую еду можно встретить в Сан-Франциско, равно как и по всему миру [Ritzer 2011: 7]. Вся эта *космополитическая еда* находит всё большее число потребителей, ибо усиленно воздействует на вкусовые рецепторы за счёт увеличения в ней соли, сахара, жиров, а также всевозможных добавок, стимулирующих аппетит. Космополитическая еда не только влияет на культурно-локальные вкусы, являющиеся своеобразным маркером класса, социальной или этнической группы, но формирует собственно *космополитический вкус*, существенно влияющий на *иерархию еды* в глобальном масштабе.

У космополитической еды есть всеми *видимые достоинства* – её относительная дешевизна; демократичность, исключая какой-либо фейсконтроль; востребованность в силу адекватности сформировавшимся вкусам; высокая калорийность, позволяющая быстро насытиться; сопричастность потребителя к устоявшимся брендам. Однако достоинствам сопутствует масса новых рисков, за которые нужно явно и латентно платить уже сегодня и ещё больше придётся потратиться завтра, так как многие из рисков зачастую отложены во времени. Вот лишь то, что лежит на поверхности: «кока-колонизация» вытесняет национальную еду, а также еду сезонную, в частности соленья, имеющие самостоятельную культурную и пищевую ценность.

Пока поддерживается институциональная регуляция упорядоченного хаоса еды за счёт определённой самоорганизации. Однако нам не известны исследования *границ* хаоса, за которой могут вообще начаться неуправляемые процессы. Вместе с тем, эти процессы нужно и можно изучать, в частности, с помощью инструментария аттракторов. Этим термином обычно обозначают устойчивое состояние системы, «притягивающее» к себе всё множество её траекторий: при попадании в сферу аттрактора система начинает эволюционировать к этому устойчивому состоянию. В некоторых сложных системах существуют «странные аттракторы», которые, считают Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, можно назвать «привлекающим хаосом» [Князева, Курдюмов 2005]. Данные аттракторы представляют собой, напротив, нестабильные пространства, однако притягивающие к себе траектории динамических систем за счёт многократных повторений определённых действий. В этом случае система как бы осуществляет своё самотворение, как правило, продолжая более или менее эффективное функционирование. На наш взгляд, примером «привлекающего хаоса» являются современные нелинейные процессы производства гибридной еды. *Многократно*

Вся эта космополитическая еда находит всё большее число потребителей, ибо усиленно воздействует на вкусовые рецепторы за счёт увеличения в ней соли, сахара, жиров, а также всевозможных добавок.

выраженные и повторённые локальные вкусовые предпочтения в сочетании с космополитическими вкусами в итоге обернулись сложной системой – возникла *гибридная еда* как составная часть «текучей» еды, включающая сочетание двух и более элементов питания, относящихся к разным культурам мира. В результате эклектичные формы еды практически утрачивают свою культурную идентичность, примером чему могут быть «тайский суп», «японские суши» или «швейцарский сыр», произведённые в России. Это уже гибридная еда, по существу, представляющая «третью культуру», которая амбивалентно влияет на характер ценностных ориентаций людей. С одной стороны, это предполагает естественное образование новых форм еды, через которые многие люди вообще получают возможность познать и интерпретировать культурно иную еду. Но, с другой стороны, при этом могут возникать новые напряжения и даже культурные травмы. По своей сути гибридная еда предполагает самые неожиданные кулинарные парадоксы, может содержать значительное количество ингредиентов из разных уголков мира, которые вполне функциональны в их родном локально-национальном контексте, но не отвечают в полной мере требованиям питания или культуры в других странах, что способно спровоцировать те или иные культурно обусловленные расстройства или заболевания, а также социальные коллизии. Так, гибридная еда, как правило, не отвечает принципам раздельного питания, диете верующих определённых конфессий: например, в иудаизме предполагается следовать требованиям кошерности – еда не может одновременно состоять из молочного и мясного продукта. Для ряда социокультурных групп данная еда представляет вполне реальные проблемы и фактически может выступать в виде *не-еды*.

Глобализация ничто: рождение не-еды

Эффект «стрелы времени» привёл к *глобализации ничто*. По мнению Дж. Ритцера, *ничто* представляет собой возникающие под влиянием процессов глобализации и десоциализации социальные формы, «лишённые определённого ценностного содержания», производство которых «централизованно задумано и контролируется». При этом *ничто* сосуществует лишь в паре с «*нечто*» – специфическими для конкретной культуры социальными формами, производимыми и контролируемыми на локальном уровне. По Ритцеру, *ничто* может выражаться в четырёх типах десоциализированных реалий: не-мест (супермаркеты), не-вещей (футболка), не-людей (телемаркетологи) и не-услуг (услуги, предоставляемые по интернету), т. е. в них по существу отсут-

Множественно выраженные и повторённые локальные вкусовые предпочтения в сочетании с космополитическими вкусами в итоге обернулись сложной системой – возникла гибридная еда как составная часть «текучей» еды, включающая сочетание двух и более элементов питания, относящихся к разным культурам мира.

ствуется характерный ценностно-культурный компонент [Ritzer 2004]. Мы полагаем, что к этому списку с полным основанием можно добавить *не-еду* – еду, которая централизованно производится и контролируется на глобальном уровне, но которая реально лишена специфического социального и культурного контекста.

Выделим ряд факторов глобального уровня, способствующих производству *не-еды* как разновидности «ничто». Во-первых, *глобализация*, основанная на культурной открытости стран, привела к появлению *космополитического массового потребления* в виде культурно «безграничных» продуктов. Эти продукты по сути вышли из своего прежнего национального, локального, сезонного и климатического контекста (сюда относятся практически весь «плавающий котёл» космополитической еды). Свой вклад в этот процесс вносит *глоубализация* (неологизм Дж. Ритцера, состоящий из двух слов: «grow» – рост и «глобализация»), понимаемая как «империалистические амбиции наций, корпораций, организаций в потребности навязать себя различным географическим районам» [Ritzer 2004: 73]. В результате появились транснациональные сети, производящие не-еду по всему миру, что сопровождается транснациональной *экспансией космополитических вкусов*.

Во-вторых, *макдональдизация*, в трактовке Ритцера, – «процесс, в ходе которого принципы работы ресторана быстрого обслуживания начинают определять всё большее и большее число сфер американского общества, как и остального мира... Макдональдизация затрагивает не только ресторанный бизнес, но и образование, труд, здравоохранение, туризм, отдых, питание...» [Ritzer 2013: 1]. Посредством макдональдизации не-еда (гамбургеры, хот-доги, пицца, чипсы, кока-кола и т. д.) производится по всему миру, подчас в национальных формах (хотя «Русское бистро» прекратило существование, ныне дискутируется новый проект подобного рода).

В-третьих, *индустриализация* и «зелёная» революция пришли в домашние и фермерские хозяйства, что в корне меняет характер еды, методы её производства с акцентом на *скорость*, рационализацию, включая конвейерные технологии. В результате еда быстро теряет свой национальный и «домашний характер», становится всё более универсальной и стандартизированной и, в конечном счёте, не-едой. С. Минц проследил динамику превращения сахара из роскошной пищи в основной товар повседневного спроса [Mintz 1985], фактически обладающий качествами не-еды.

В-четвёртых, генетически модифицированные продукты питания с заранее заданными количественными и качественными параметрами производятся и контролируются в глобальном масштабе. Это породило одну из разновидностей не-еды, которую мы обозначали как *продукты-чужаки* в отличие от

Эффект «стрелы времени» привёл к глобализации *ничто*. В состав этого ничто можно добавить не-еду – еду, которая централизованно производится и контролируется на глобальном уровне, но которая реально лишена специфического социального и культурного контекста.

экологически чистых продуктов. «Молодые» овощи и фрукты продаются круглый год, но все знают: это генетически модифицированные продукты без аутентичного вкуса и запаха. Производство собственно *своих продуктов* стало ограничиваться *сужающимся* пространством и продолжает носить сезонно-климатический характер. Благодаря биотехнологиям, успешно внедрённым в рыбопроизводные заводы, даже осетрина стала доступной. Но это не-еда – *осетрина-чужак* отличается от осетрины-еды своей неестественной белёсостью. По оценке академика РАН Г. Матишева, известного специалиста по рыбному хозяйству, «поднять осетровые на Каспии и Азове уже невозможно» [Губарев 2014].

В-пятых, играизация [Кравченко 2013: 231] привела к зарождению того, что может быть названо *перформативной не-едой*. Если в традиционном и даже индустриальном обществах еда, как правило, отделена и от профессиональной деятельности, и от игры, то сегодня еда, игра и дело подчас составляют гибридное целое. Перформанс стал органичной частью не только питания в ресторанах и кафе, но и при посещении магазинов и достопримечательностей, в случае ухаживаний и влюблённостей, политико-военных баталий (киевский майдан) и даже во время деловых переговоров.

В-шестых, детрадиционализация, на наш взгляд, способствует производству и распространению не-еды. Так, традиция поста, присутствующая практически во всех религиях, предполагает самые разные *сакральные* смыслы: обретение тотема, раскаяние в грехах, усмирение плоти, обретение яснovidения и т. д. Сегодня же многие видят смысл поста исключительно в *прагматических* целях – снизить вес, похудеть. «Там, где традиции отстают, – отмечает Гидденс, – нам приходится жить в условиях большей открытости и самостоятельности» [Гидденс 2004: 62]. Человек освобождается от прошлых ограничений в питании. Отныне что, сколько, как, когда есть определяет сам индивид, выбор которого ограничен лишь *структурными особенностями* питания, определяемыми культурой, а также характером его *социализации*. Однако выбор традиции, лишённой прежней власти, зачастую ведёт к «распространению непреодолимой зависимости», касающейся не только алкоголя, но и еды [Гидденс 2004: 63]. Более того, детрадиционализация породила фундаментализм, распространяющийся и на еду. В ряде стран Востока несоблюдение традиций еды, особенно употребление алкоголя, приводит к социальным конфликтам. Как видно, изменения культурных ценностей и норм имеют амбивалентные последствия: в сфере питания люди обрели невиданные ранее свободы, позволяющие им делать осознанные выборы пищи; однако появились и новые дисфункции в виде побочного ущерба от прихода в нашу жизнь не-еды.

Вместе с тем, можно также выделить основные силы, стоящие за сохранением и распространением собственно еды как выражения *нечто*. Во-первых, *глокализация* – процесс интеграции глобальных и локальных реалий, в котором, согласно концепции Р. Робертсона, акцентируются важность локальных культур и существование гетерогенности [Robertson 1994]. В то время как глобализация и глоубализация способствуют распространению *ничто*, глокализация, напротив, содействует производству еды в локальных контекстах, или хотя бы их *культурных гибридов*, расположенных между полюсами *ничто* и *нечто*.

Во-вторых, *демакдональдизация* – возрождение практик малого бизнеса, адекватных локальной культуре (кафе и рестораны *медленного питания*, специализирующиеся на дизайнерской еде), которые функционируют на совершенно других принципах, таких как разнообразие, непредсказуемость, контроль, опосредованный рынком. Наиболее очевидным выражением *демакдональдизации* является торговля посредством интернета, предоставляющая клиентам доступ к большему разнообразию еды. Кроме того, эпоха постфордизма принесла клиентам множество вариантов высококачественной еды, представляющей *нечто*.

В-третьих, социальные практики, бессознательно мотивированные, которые поддерживают традиции, сохраняя тем самым производство *нечто*.

На наш взгляд, пришло время *переоткрытия еды* как важнейшей биологической, социальной и культурной ценности для человека. Сегодня важно не просто производить еду, а бороться за сохранение её *аутентичности*. Необходимо поддерживать новые *социальные движения*, неподконтрольные глобо-сетевому агробизнесу, которые выступают за «пищевую демократию», контроль горожан за качеством поставляемых на рынок продуктов питания. Также следует всемерно развивать практики, направленные на производство «здорового питания» в качестве альтернативы не-еды, особенно «продуктам-чужакам», генетически изменённой еде.

Библиографический список

Бауман З. 2008. Текущая современность. М., СПб.: Питер. 240 с.

Бодрийяр Ж. К. 2003. К критике политической экономики знака. М.: Билтон-Русская книга. 272 с.

Вебер М. 2001а. Аграрная история Древнего мира. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле. 560 с.

Вебер М. 2001b. История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле. 576 с.

Гидденс Э. 2004. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир. 120 с.

Гидденс Э. 2003. Устроение общества. М.: Академический проект. 528 с.

Губарев В. 2014. Осетровые на Азове мы потеряли // Правда.ру. 01.03.2014. URL: <http://wwwpravda.ru/science/academy/01-03-2014/1196108-matishov-0/> [Дата посещения: 22.07.2015].

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. 2005. Основания синергетики. М.: КомКнига. 232 с.

Кравченко С. А. 2013. Играизация // Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь М.: МГИМО-Университет. 914 с.

Кравченко С. А. 2014. Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики. Монография. М.: МГИМО (У) МИД России, Институт социологии РАН. 198 с.

Осипов Г. В., Климовицкий С. В. 2014. Индикаторы науки и технологии: история, методология, стандарты измерения. М.: ЦСП и М. 180 с.

Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.

Пригожин И., Стенгерс И. 2000. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС. 312 с.

Фуко М. 2004. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия. 416 с.

Штомпка П. 2001. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. № 1. С. 6–16.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2 изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1974. Т. 20. 828 с.

Ядов В. А. 2002. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М.: Academia. С. 349–363.

Bauman Z. 2011. Culture in a Liquid Modern World. Cambridge: Polity Press. 121 p.

Bauman Z. 2006. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press. 188 p.

Bauman Z. 2003. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge: Polity Press. 176 p.

Bauman Z. 2009. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press. 115 p.

Castells M. 2010. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell. 624 p.

Coveney J. 2014. *Food*. London and New York: Routledge. 108 p.

Gabaccia D. R. 2000. *We are What we Eat: Ethnic Food and the Making of Americans*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 288 p.

Lyson T. A. 2004. *Civic Agriculture: Reconnecting Farm, Food and Family*. Medford: Tufts University Press. 138 p.

Mintz S. 1985. *Sweetness and Power*. New York: Viking Penguin. 274 p.

Ritzer G. 2004. *The Globalization of Nothing*. University of Maryland: Pine Forge Press. 259 p.

Ritzer G. 2011. *The Globalization: the Essentials*. Malden, MA: Wiley-Blackwell. 368 p.

Ritzer G. 2013. *The Mcdonaldization of Society*. Sage, Thousand Oaks, CA. 184 p.

Robertson R. 1994. Globalization or glocalization? // *Journal of International Communication*. № 1. P. 33–52.

Urry J. 2003. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press. 184 p.

Paradoxes of Time's Arrow: Birth of Non-food

Kravtchenko Sergey Alexandrovitch

Dr. Sci. (Soc.), Professor, Moscow State University of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, chief researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: sociol7@yandex.ru

Abstract. Food not only meets primary, innate, genetically determined instinctive requirements of people, but forms socio-cultural conditions of their existence. The food itself influenced by the factor of Time's Arrow that was substantiated by I. Prigozhin, Nobel Prize Winner, is developing faster and in a more complex way. Today it becomes more and more evident that food dynamics is placed in the context of natural and social dynamics. The author proposes a postulate of food Time's Arrow: We eat things consistent with the society in which we live with all its achievements, risks and vulnerabilities, and also consistent with nature, or, to be more exact, socio-natural environment. With all the achievements of human civilization, food production bears some unintended consequences fraught with new vulnerabilities both for a human being and for society and nature. Socio-cultural dynamics of food, by virtue of a number of bifurcation has brought about «liquid» food and generated the so called non-food, i.e. a social form produced in a centralized way and controlled globally, being however devoid of specific social and cultural context. From now on «liquid» food and non-food dominate in the human diet causing new risks and vulnerabilities for people. The author shows and analyzes factors favorable for non-food production. They are as follows: globalization, growbalization, industrialization and «green» revolution, «alien food» production, gamization that generated performative non-food, detraditionalization. The main forces contributing to preservation and dissemination of food as it is, are in the author's point of view the process of glocalization, de-McDonaldization and observing dietary traditions. The author thinks that the time has come to rediscover food as one of the most important biological, social and cultural values for a human being. Today it is necessary not only to produce food, but to fight for preserving its authenticity. It is necessary to support new social movements, free from global networking domination and advocating «food democracy» and quality control of the food market on the part of townsfolk.

Keywords: «Time's Arrow», globalization, glocalization, nothing, something, food, «liquid» food, non-food

References

- Bauman Z. Culture in a Liquid Modern World. Cambridge, Polity Press, 2011. 121 p.
- Bauman Z. Liquid Fear. Cambridge, Polity Press, 2006. 188 p.
- Bauman Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge, Polity Press, 2003. 176 p.
- Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge, Polity Press, 2009. 115 p.
- Bauman Z. Tekuchaja sovremennost' [Liquid Modernity]. Moscow, Saint-Petersburg, Piter. 2008. 240 p.
- Bodriyar J. K. K kritike politicheskoy ekonomii znaka [Pour une critique de l'economie politique du signe]. Transl. from French. Moscow, Biblton-Russkaja knigam, 2003. 272 p.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford, Wiley-Blackwell, 2010. 624 p.
- Coveney J. Food. London and New York, Routledge, 2014. 108 p.
- Engels F. Rol' truda v processe prevraschenija obeziany v cheloveka [The Role of Labor in the Transition from Ape to Human]. K. Marx, F. Engels. Sochinenija. Transl. from German. Second edition. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955–1974. Vol. 20. 828 p.
- Foucault M. Arheologija znaniya. Transl. from French. Saint-Peterburg, Gumanitarnaja Akademija, 2004. 416 p.
- Gabaccia D. R. We are What we Eat: Ethnic Food and the Making of Americans. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 2000. 288 p.
- Giddens A. Ustroenie obschestva [The Constitution of Society]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2003. 528 p.
- Giddens A. Uskol'zajuschy mir: kak globalizacija meniaet nashu zhizn' [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Transl. from English. Moscow, Ves' mir, 2004. 120 p.
- Gubarev V. Osetrovye na Azove my poteriali [Sturgeon in the Azov we have lost]. Website "Pravda.ru". URL: <http://www.pravda.ru/science/academy/01-03-2014/1196108-matishov-0/> [date of visit 22.07.2015].
- Kniazeva E. N., Kurdiunov S. P. Osnovaniya sinergetiki [Synergetics base]. Moscow, KomKniga, 2005. 232 p.
- Kravtchenko S. A. Igraizacija. Kravtchenko S. A. Sociologicheskij enciklopedicheskij russko-anglijskij slovar' (Fundamental Russian-English Sociological Dictionary). Moscow, MGIMO – University, 2013. 914 p.
- Kravtchenko S. A. Sociokul'turnaja dinamika edy: riski, ujazvimosti, vostrebovannost' gumanisticheskoy biopolitiki [The Socio-cultural Dynamics of Food: Risks, Vulnerability, a Humanistic Relevance of Biopolitics]. Monografija. Moscow, MGIMO – University, IS RAS, 2014. 198 p.
- Lyson T. A. Civic Agriculture: Reconnecting Farm, Food and Family. Medford, Tufts University Press, 2004. 138 p.
- Mintz S. Sweetness and Power. New York, Viking Penguin, 1985. 274 p.
- Osipov G. V., Klimovitzky S. V. Indikatory nauki i tehnologii: istorija, metodologija, standarty izmerenija [Indicators of science and technology: history, methodology, measurement standards]. Moscow, CSPiM, 2014. 180 p.
- Postmodernizm. Enciklopedija. Minsk, Interpresservis, Knizhny Dom, 2001. 1040 p.
- Prigozhin I., Stengers I. Poriadok iz haosa [The Order out of Chaos]. Novy dialog cheloveka s prirodoy. Moscow, Editorial URSS, 2000. 312 p.
- Ritzer G. The Globalization of Nothing. University of Maryland, Pine Forge Press, 2004. 259 p.

Ritzer G. The Globalization: the Essentials. Malden. MA: Willey-Blackwell, 2011. 368 p.

Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. Sage, Thousand Oaks, CA. 2013. 184 p.

Robertson R. Globalization or glocalization? Journal of International Communication, 1994, no 1, pp. 33–52.

Shtompka P. Social'noe izmenenie kak travma. Sotsiologicheskiye issledovaniya, 2001, no 1, pp. 6–16.

Urry J. Global Complexity. Cambridge, Polity Press, 2003. 184 p.

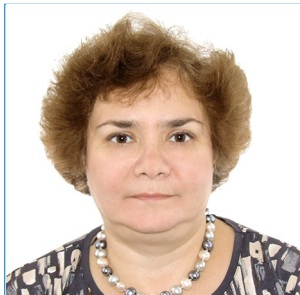
Veber M. Agrarnaja istorija Drevnego mira [The Agrarian History of the Ancient World]. Transl. from German. Moscow, Kanon-press-C, Kuchkovo pole, 2001. 560 p.

Veber M. Istorija hoziaystva. Gorod. Transl. from German. Moscow, Kanon-press-C, Kuchkovo pole, 2001. 576 p.

Yadov V. A. Nekotorye sociologicheskie osnovanija dlia predvidenija buduschego rossiyskogo obschestva [Some Sociological Basis for Predicting the Future of Russian Society]. Rossiya reformirujuschajasia. Moscow, Academia, 2002. P. 349–363.

Т е м а н о м е р а : С о ц и о л о г и я е д ы

Аскетические, дисциплинарные и самоограничительные практики как фактор формирования стратегий питания в современной России

Зарубина Наталья Николаевна –
доктор философских наук,
профессор кафедры социологии,
Московский Государственный университет
международных отношений МИД РФ, Москва

E-mail: n-zarubina@yandex.ru

Аскетические, дисциплинарные и самоограничительные практики как фактор формирования стратегий питания в современной России

Аннотация

В статье¹ рассматриваются аскетические и дисциплинарные практики и принципы самоограничения, применяемые современными россиянами при формировании стратегий питания. Социализация практик питания связана с их рационализацией и регулированием на основе норм и ценностей, имеющих культурную и социальную природу. В качестве таких норм выступают: методика религиозной аскезы, предписывающей пищевые ограничения в качестве предпосылки духовного очищения; дисциплинарные практики, регламентирующие пространство, время, технологию приёма пищи; принципы самоограничения, обусловленные императивами поддержания социально одобряемой телесности. В современной России следование нормам православной аскетики не всегда обусловлено институциональной религиозностью и принадлежностью к Церкви. Оно бывает мотивировано соображениями идентичности, принадлежности к традиции, обыденными представлениями о физиологии питания. Дисциплинарные практики распространились на питание в контексте институтов общества модерна – промышленного предприятия, учебного заведения, медицинского учреждения. В дисциплинарных практиках находит отражение институционализированный контроль общества над индивидом. В современной России, как и в других странах, их подрывает, в частности, распространение фастфуда, позволяющего вывести еду из жёстких пространственно-временных ограничений. Практики самоограничения в еде распространяются в современном обществе под влиянием представлений об образцах нормативного тела, противопоставляемого естественной телесности и являющегося результатом сознательных усилий. Нормативная телесность становится формой контроля общества над его членами, осуществляемого ими самими на основе самостоятельного выбора в пользу самоограничения, здорового питания и диеты. В нашей стране возникло противоречие между традиционным габитусом питания, ориентированным на насыщение, и императивом самоограничения в целях формирования здорового и стройного тела. Это противоречие усугубляется ослаблением институционального контроля над нормативной телесностью и ценностями потребительского гедонизма. Большинство россиян пока решают это противоречие в пользу традиционных практик питания. Этому способствует медиализация повседневности, представляющая средства для поддержания нормативной телесности без самоограничения в еде.

Ключевые слова: практики питания, аскезы, дисциплинарные практики, самоограничение, нормативная телесность

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-03-00710.

Социализация практик питания сопряжена с их рационализацией, т. е. упорядочиванием в соответствии с некими принципами, внешними по отношению к их непосредственной физиологической функции. Чувство голода и удовольствие, получаемое как вследствие насыщения, так и вкуса потребляемой пищи, ставится под контроль разнообразных нормативных стандартов – от ритуального и этикетного порядка до сложных ограничений морального и духовного типа. Непосредственная природная связь между человеческой телесностью и едой, поддерживающей жизнеспособность, опосредуется культурными и социальными ценностями и нормами.

Бесконтрольное потребление пищи становится атрибутом дикости, внесоциального, животного существования, в то время как цивилизованный человек должен обладать способностью контролировать и регулировать свой аппетит, т. е. дистанцироваться от еды как физиологической потребности и простого источника наслаждения. Неспособность контролировать пищевое поведение стала маркером духовного и душевного несовершенства. В психоанализе тучность рассматривается как захваченность эго-комплексом, неспособность контролировать и подавлять желания, которые и реализуются в бесконтрольном избыточном употреблении пищи [Сохань 2013].

Проблема аскетики, дисциплины и самоограничения в питании приобретает особую актуальность в современном обществе, ориентированном на массовое потребление и максимизацию удовольствий. Соблазн вкусом, наслаждение трапезой, кулинарные изыски и новые ощущения, экзотический телесный опыт являются одной из основных тем дискурса средств массовой информации – рекламы, специализированных кулинарных изданий и телешоу. Это провоцирует современного человека снижать контроль над пищевым поведением, в результате чего в развитых странах возникла проблема избыточного веса и сопутствующих заболеваний. По данным Всемирной организации здравоохранения, большая часть населения мира проживает в странах, где избыточный вес и ожирение приводят к смерти большее число людей, чем пониженная масса тела, а в России около четверти населения имеет ожирение II и III степени [Ожирение... 2013].

В данной статье мы рассмотрим некоторые виды практик, связанных с рационализацией пищевого поведения как фактором формирования стратегий питания в современной России. Мы разделили их на *аскетические*, обусловленные религиозным мировоззрением; *дисциплинарные*, истоки которых можно, вслед за М. Фуко, проследить в институтах общества модерна, и *самоограничительные*, связанные с рационализацией стратегии питания на основе стремления соответствовать нормативной телесности современного общества.

Непосредственная природная связь между человеческой телесностью и едой, поддерживающей жизнеспособность, опосредуется культурными и социальными ценностями и нормами.

Пищевое самоограничение в религиозной аскетике мирян

Разные культуры сформировали различные системы рационализации практик питания. Особенно богаты и разнообразны эти системы в различных религиях, практически всегда предполагающих ритуальные запреты и ограничения на употребление определённых продуктов, сочетаний продуктов, времени и места трапезы. В то же время М. Фуко не относит религиозную регламентацию поведения непосредственно к дисциплинарным практикам, поскольку их целью является не «политэкономия тела» с целью достижения максимальной эффективности какой-либо деятельности, а «скорее достижение отрешённости, чем увеличение полезности», и они «нацелены главным образом на более полное владение каждым индивидом собственным телом», а не на увеличение полезности [Фуко 1999: 201].

Для религиозной регламентации питания больше подходит определение *аскезы*, которую М. Вебер рассматривал в качестве методики достижения спасения через активную деятельность, регламентированную и рационализированную религиозными принципами. Пищевые ограничения можно отнести к особо выделенной М. Вебером «гигиенической аскезе», ориентированной на активную самодисциплину, самоограничение, подчинённое идее духовного самосовершенствования [Вебер 1985: 234].

В христианстве, например, представления о сложных соотношениях духа, души и плоти в человеке сформировали идеал аскетической воздержанности в пище, обусловивший жёсткие нормы самоограничения, принимаемые в «виртуозных» (термин М. Вебера) религиозных субкультурах – монастырских, церковных и т. п. В повседневной жизни большинства мирян они нашли выражение в обязательных регулярных постах различной продолжительности и строгости, в периоды которых ужесточались правила регламентации приёма пищи. Основной целью пищевой аскезы являются духовное очищение, самосовершенствование, осуществлявшиеся путём контроля над желаниями и удовольствиями плоти для сосредоточения всех сил на духовной и нравственной сторонах бытия. Несоблюдение религиозных постов, кроме принятых церковью условий, во многих культурах рассматривалось и продолжает рассматриваться как проявление «вольнодумства», ставящего человека вне социально одобряемых форм поведения. Обжорство, в особенности избыточное употребление мяса, рассматривается как греховное потакание плотской стороне человеческого существа, как приверженность примитивным, животным удовольствиям в ущерб духовному началу¹.

¹ В данной статье мы не рассматриваем традицию вегетарианства и другие субкультуры питания, обусловленные мировоззренческими, этическими и др. представлениями, они станут предметом специальных исследований.

Реконструкция принципов советской коллективности в сравнении с современной позволяет выявить факторы сплочённости–разобщённости трудового коллектива, основы его функциональной эффективности, что в итоге показывает роль социально-экономических условий в формировании определённых типов трудовых коллективов и их социальную востребованность.

Несоблюдение религиозных постов, кроме принятых церковью условий, во многих культурах рассматривалось и продолжает рассматриваться как проявление «вольнодумства», ставящего человека вне социально одобряемых форм поведения.

В постсоветской России на протяжении последних десятилетий отмечается рост религиозности. Однако приверженность религиозным принципам регламентации питания на этом фоне остается очень незначительной. По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, в 2011 г. количество россиян, соблюдающих религиозные и традиционные ограничения в сфере питания, составило 1,2% среди женщин и 0,7% среди мужчин [Козырева, Сафронова, Старовойтов 2014: 161], что существенно ниже доли россиян, называющих себя верующими и приверженцами той или иной религии. Согласно данным Европейского социального исследования 2008 г., в России глубоко религиозны 4% населения. По данным российских социологов, 10–11% россиян, называющих себя православными, регулярно посещают церковь и участвуют в богослужениях [О чём мечтают... 2013: 242–243].

Столь незначительное количество россиян, соблюдающих религиозно обусловленную аскетическую традицию в отношении питания, можно отчасти объяснить сложностью соблюдения всех норм и запретов в современных условиях, в особенности при городском образе жизни. Необходимость следовать рабочему графику, отсутствие времени на приобретение и приготовление соответствующих блюд, наконец, утрата за советский период соответствующих традиций, укоренённых в семейном стиле жизни, привели к уходу религиозной аскетики из повседневных практик питания большинства россиян.

Тем не менее, в последние годы можно наблюдать всё большее число горожан всех возрастов, соблюдающих Великий Пост. На основе серии неформализованных глубинных интервью мы выявили несколько типов мотивов, которыми руководствовались москвичи в 2015 г. Эти мотивы далеко не всегда обусловлены приверженностью православию и вообще религиозными убеждениями. Наряду с объяснением соблюдения поста необходимостью духовного очищения, укрепления веры путём самоограничения, присущим воцерковлённым православным («*Я не только не вкушаю скоромное, но и отказываюсь от своих любимых блюд, даже если они разрешены, чтобы не доставлять себе удовольствие*». Женщина, 49 лет), можно встретить и ссылки на желание приобщиться к традиции своего народа, к русской культуре, продемонстрировать свою идентичность: «*Наши предки всегда так поступали, значит, и мы должны*» (мужчина, 30 лет). У некоторых доминирует мотив «тренировки воли»: «*Пост – это самоограничение. Если другие могут «продержаться», то и я тоже смогу*» (женщина, 34 года).

Кроме того, абсолютно чуждые религии люди, практически никогда не посещающие церковь и не участвующие в богослужениях, во время Великого Поста соблюдают все или

некоторые ограничения питания, объясняя это диетическими соображениями, подменяющими религиозную мотивацию. Некоторые находят обыденное «объяснение» генезиса религиозной традиции: *«К весне организм ослаблен, ему трудно усваивать мясную пищу, поэтому в этот период и возникла традиция поститься. Надо соблюдать пост для укрепления здоровья» (женщина, 19 лет)*. Некоторые воспринимают Великий Пост как что-то вроде традиционной коллективной диеты: *«Это такое мягкое очищение организма» (женщина, 28 лет)*. Те, кто при соблюдении Великого Поста не ориентируются на духовные цели, обычно не соблюдают и другие, менее широко известные посты, и еженедельные постные дни. Они же и не сопровождают воздержание от скоромной пищи посещением богослужений или домашними молитвами, исповедью и усилением морального самоконтроля. Таким образом, как мы видим, религиозно мотивированные аскетические практики питания утрачивают свою изначальную институционализацию в рамках церкви и становятся в значительной степени делом свободного выбора и произвольного применения.

Практически все, соблюдающие Великий Пост, интересуются православной кулинарной традицией и стараются разнообразить постный стол. При этом часто возникают вопросы о допустимости тех или иных продуктов, которые разрешаются обычно обращением к интернету для обсуждения в социальных сетях или поиском ответа на православных интернет-ресурсах. Лишь воцерковлённые верующие обращаются к специальной литературе или задают вопрос своему духовнику. Они же обычно отвергают предлагаемые пищевой промышленностью постные заменители запрещённых продуктов, вроде соевого мяса, сыра, майонеза и т. д.: *«Суть не в том, из чего сделан майонез или сыр, а в отказе от них в качестве источников вкуса и удовольствия» (мужчина, 55 лет)*.

В контексте темы данной статьи обратимся к религиозно мотивированному самоограничению как форме самоидентификации. Общность соблюдаемых принципов повседневной регламентации питания становится маркером принадлежности к социальной группе единоверцев и к её исторической традиции. Эта идентичность основывается на единстве телесного опыта, формируемого аскетической практикой, а также на глубинном представлении о «подобающей», «чистой» пище, употребление которой формирует телесность, отвечающую культурной норме сообщества. Поскольку «человек есть то, что он ест», нарушение пищевых запретов приводит к извращению или потере идентичности [Сохань 2013].

Подобная телесная идентичность, сохраняемая и укрепляемая соблюдением традиционных и религиозных принципов регулирования питания, тем более интересна в современ-

Общность соблюдаемых принципов повседневной регламентации питания становится маркером принадлежности к социальной группе единоверцев и к её исторической традиции.

ном обществе с его ориентацией на миксофилию [Кравченко 2013: 389], познание нового за рамками всяких ограничений. Характерно, что воцерковлённые православные христиане, строго соблюдающие посты и еженедельные постные дни, в разрешённое время, как и все остальные, проявляют интерес к разнообразным экзотическим блюдам и продуктам, не типичным для русской кулинарии, и не считают, что им «не подобает» попробовать, например, лягушачьи лапки или улиток.

Пищевые запреты и ограничения, в том числе регулярные посты, входят в состав аскетических методик и других религий, получивших распространение в современной России – ислама, иудаизма и т. д. Их влияние на практики питания россиян в будущем также станут предметом наших исследований.

Дисциплинарные практики в формировании стратегий питания

За рамками религиозной регламентации существуют и другие формы и методы упорядочивания и рационализации практик питания. Прежде всего, это этикетные и дисциплинарные практики, предполагающие различные формы самоконтроля и самоограничения и подчиняющие питание определённому нормативному порядку. Даже такие простые повседневные практики традиционных обществ, как, например, семейный или артельный обед, не знающие этикета в собственном смысле, подчинялись строгим правилам старшинства и статуса, за нарушение которых следовало наказание. Н. Элиас в известной работе «Придворное общество» исследовал развитие в европейской культуре этикетных норм, маркирующих высшие социальные слои, а затем превратившихся в атрибут цивилизации. Эти нормы не только стали весьма сложными, но и сопровождались развитием материальной культуры трапезы – созданием разнообразной утвари, столовых приборов, столового белья, которые нередко отличались высокохудожественной отделкой и использованием дорогостоящих материалов. Регламентированная традициями и этикетом трапеза, в процессе которой удовлетворение физической потребности в утолении голода и получение удовольствия от еды подчинены определённому правилу, противопоставляется нецивилизованным практикам дикарей или чистой физиологии насыщения животных.

Становление общества модерна с его массовыми производственными, образовательными, военными и т. п. институтами сопровождалось дополнением и постепенной заменой традиционной ритуальной регламентации приёма пищи его

Становление общества модерна с его массовыми производственными, образовательными, военными и т. п. институтами сопровождалось дополнением и постепенной заменой традиционной ритуальной регламентации приёма пищи его дисциплинарной регламентацией.

дисциплинарной регламентацией. Специфика дисциплинарных практик, по определению М. Фуко, состоит в том, что они принуждают человека не просто делать нечто предписанное, но «действовать определённым образом», применяя необходимые приёмы и техники с заданной быстротой и эффективностью [Фуко 1999: 201].

Дисциплинарные практики ориентированы на сам процесс деятельности, его подчинение чётким правилам. Эти правила, во-первых, регламентируют *размещение в пространстве*, которое специфицируется соответствующим образом, когда каждому действию соответствует определённая локализация в специально предназначенных для этого местах. Как отмечает М. Фуко, дисциплинарные практики «кодируют» пространство, помещая действующих индивидов в чётко определённые места и препятствуя их «свободной циркуляции», т. е. бессистемному размещению [Фуко 1999: 208–209]. В отношении питания такое кодирование означает чёткое отделение мест, предназначенных для приёма пищи, от прочих помещений – рабочих, спальных и т. д. Если специальные трапезные и столовые были раньше атрибутами лишь элитного жилья, то в конце XIX–начале XX вв. появляются столовые на предприятиях, а вместе с ними и запреты еды на рабочем месте. Ещё раньше специальные места для приёма пищи появились в армии и учебных заведениях, в особенности монастырских, военных и военизированного типа. Еда в непредназначенных для этого местах постепенно превратилась в маргинальную практику или атрибут особого, часто ущербного, статуса, например, больного, наказанного и т. п. Сложилось представление о ненормативности, «неприличности» еды в «неположенных» местах.

Во-вторых, ещё одна составляющая дисциплинарных практик – регламентация *распределения времени* [Фуко 1999: 218–219]. Питание издавна было привязано не просто к возникновению чувства голода, но к определённому более или менее чётко фиксированному времени трапезы. В дисциплинарных институтах, в особенности в медицинских и учебных заведениях, на промышленных предприятиях, в государственных учреждениях, офисах, и т. д. обеденные перерывы стали формально отделяться от рабочего времени, а еда в неположенное время рассматриваться как нарушение дисциплины. Необходимость следовать определённому времени трапезы получила и легитимацию от науки, объяснившей её необходимость физиологией человеческого организма, который «привыкает» выделять пищеварительные ферменты в одно и то же время.

В-третьих, дисциплинарные практики предполагают *использование определённых технологий и инструментов*, устанавливающих порядок взаимодействия тела

человека с манипулируемым объектом [Фуко 1999: 223]. Распространявшиеся на питание этикетные нормы, бывшие изначально достоянием элитарных и высших социальных слоёв, распространились в массовых масштабах, хотя и в сильно упрощённых формах. Человек должен поглощать пищу и напитки определённым образом, признанным в данной культуре «цивилизованным», социально приемлемым, и для этого правильно использовать соответствующие инструменты (приборы), будь то вилки и ножи или палочки. Навыки правильного использования столовых приборов стали обязательными или хотя бы желательными практически во всех социальных группах, за исключением маргинальных. Более того, неспособность правильным образом использовать соответствующие приборы воспринимается как патология социализации – «недостаток воспитания», неприемлемый для современного человека.

При этом сложные правила столового этикета и использование соответствующих им приборов остаются маркером элитных групп, для которых коммуникативный и символический аспекты трапезы доминировали над функцией непосредственного насыщения. П. Бурдьё отметил, что внимание к сервировке стола и соблюдение правил этикета остаются характерными для групп с высоким культурным и экономическим капиталом, в то время как представители низших классов придают большее значение насыщению самому по себе. Поэтому они склонны «упрощать» сервировку стола, сокращая количество и разнообразие приборов, например, используя чайные ложки для десерта, заменяя настоящие тарелки картонными, которые не надо мыть, и т. д. [Бурдьё 2004: 553–559]. Российские социологи, исследовавшие потребление продуктов питания в разных социальных группах, также отметили большее внимание к сервировке стола в семьях с высоким и средним достатком [Захарова 2005: 107–108].

В-четвёртых, главное содержание дисциплинарных практик, по мнению М. Фуко, состоит не только в кодировании пространства и распределении времени, но в *социальном ранжировании*, в «распределении и циркулировании» тел людей в «сети отношений» [Фуко 1999: 213]. Это ранжирование берёт начало от традиций соблюдения старшинства при раздаче пищи, от распределения мест за царским (великокняжеским) столом в зависимости от древности рода и места в придворной иерархии, от подарков в виде продуктов как знака особой милости. В дисциплинарных институтах нового времени оно выражается в лишении еды как санкции за различные нарушения норм или неуспехи в других дисциплинарных практиках – работе, учёбе и т. д., становится непременным атрибутом системы наказания, и по сей день применяется в пенитенциарных учреждениях. Отголоски подобного ранжи-

рования можно найти в распределительной системе снабжения продуктами, утвердившейся в первые десятилетия Советской власти в России, когда «более значимые» для государства категории граждан, прежде всего представители партийной верхушки, снабжались «усиленным» «лечебным» питанием, а затем всё население было разделено на категории снабжения [Кондратьева: 2006].

В современных массовых обществах дисциплинарные практики, формировавшиеся в период становления базовых институтов общества модерна в XVII–XIX вв., претерпевают изменения. Они обусловлены трансформациями практик питания в контексте их массовизации и стандартизации, формирования универсальных меню, а также возникновения фастфуда как особого института, ориентированного на быстрое утоление голода «на ходу». Его особенности выявлены в теории макдональдизации Дж. Ритцера: эффективность, предсказуемость, приоритет количества над качеством, технический контроль исполнения [Ritzer 2000: 64, 77–78]. Фастфуд позволяет одновременно большому количеству людей насытиться достаточно качественной и вкусной, но стандартно приготовленной пищей.

Это «быстрая еда», которая изначально предназначена для употребления не только в специализированном пространстве ресторана, закусочной, а вообще в любом месте, в том числе на улице. Диффузия пространства употребления фастфуда обусловлена сокращением времени трапезы, которая в данном случае полностью лишается своего символического и коммуникативного смысла и остаётся чисто функциональной процедурой.

Возможность есть «на ходу» позволяет вообще снять необходимость выделения какого-либо специального времени приёма пищи, жёстко фиксированного среди других занятий: трапеза легко совмещается с перемещениями по городу, прогулкой, работой и т. д. Многие современные работающие горожане рассматривают обеденный перерыв не как фиксированное время трапезы, а как просто свободное время, которое можно потратить на любые личные дела.

Трансформируются и техники питания, и необходимые для него столовые приборы. Тяжёлая и хрупкая стеклянная и фарфоровая посуда и металлические приборы заменяются лёгкими бумажными и пластиковыми, появляются специальные приспособления для питья на ходу – стаканы со специальными крышками, трубочки и т. д. При этом отпадает и необходимость в овладении правилами обращения со столовыми приборами: еда, уже разделённая на порции, упаковывается в картонные или пластиковые коробочки, из которых её допустимо брать руками или откусывать. Современные люди уделяют внимание сервировке стола, главным образом по празд-

никам, при приёме гостей и т. д. В повседневной жизни, даже в условиях домашнего питания, она максимально упрощается (Захарова 2005: 107–108).

Распространение фастфуда переносит питание из дома в общественное пространство, поэтому оказывает деструктивное влияние на традиционные основы семейных практик приготовления пищи и совместной трапезы, всегда служивших не чисто функциональным, а коммуникативным и эмоциональным инструментом поддержания отношений. Ритуальные и дисциплинарные составляющие семейной трапезы («не хватай куски!», «сядь за стол, как следует!») постепенно утрачивают прежний смысл. Роль хозяйки как автора домашних блюд, главной «кормилицы» семьи и «хранительницы домашнего очага» постепенно подрывается соблазнительной возможностью просто купить готовую еду по дороге домой. Императиву заботы о близких противопоставляется получающий всё большее значение императив высвобождения времени за счёт использования фастфуда.

Предельная функциональность фастфуда, его ориентация на быстрое насыщение, на первый взгляд, выводит его за рамки ритуальных и дисциплинарных норм. Но само его распространение и превращение в массовую привычку современных горожан актуализирует иные, более тонкие и глубокие аспекты дисциплинарных практик. Это обусловлено тем, что «быстрая еда» обладает ярко выраженным влиянием на телесную форму, его постоянное употребление способствует избыточному весу и развитию сопутствующих ему заболеваний, что подтверждает опыт стран, где фастфуд получил наибольшее распространение – США, Канады и др. Поэтому экспансия быстрого питания актуализирует проблемы медицинской нормы и диеты.

Клиника и современная медицина была, по М. Фуко, важнейшим институтом, в рамках которого формировались дисциплинарные практики. В этой логике осуществлялся надзор за телами и их ранжирование по отношению к принятым в обществе представлениям о физической норме, а также их соответствующее размещение в пространстве и регламентация времени, контроль исполнения определённых лечебных процедур. Дисциплинирование тела как объекта медицинского контроля оказало существенное влияние и на такую физиологически значимую практику, как питание. Современная медицина сильнее, чем другие социальные институты, повлияла на формирование представлений о социально одобряемом образце человеческого тела – о нормативной телесности, и на представления о том, какими способами она должна достигаться и поддерживаться. Медицина издавна рассматривает регламентацию питания как одну из важнейших составляющих процесса лечения. Поэтому в рамках лечебных прак-

Распространение фастфуда переносит питание из дома в общественное пространство, поэтому оказывает деструктивное влияние на традиционные основы семейных практик приготовления пищи и совместной трапезы, всегда служивших не чисто функциональным, а коммуникативным и эмоциональным инструментом поддержания отношений.

тик, в особенности в медицинских учреждениях, строжайше регламентируется порядок приёма пищи (лечебное голодание, дробное питание и т. п.) и сам рацион, состав допустимых продуктов и способов их обработки. Нарушение диеты является нарушением дисциплины как важнейшего условия эффективного лечения вообще.

Помимо непосредственно лечебных практик, современная медицина распространяет свои представления о физической и физиологической норме и на здоровых людей и их повседневную жизнь, формируя представления о том, что полезно или вредно для организма. М. Фуко назвал этот процесс «медикализацией» [Фуко 1998: 70]. В рамках медикализации здоровье и соответствующая телесная норма рассматриваются не в качестве естественной данности, а как продукт целенаправленных усилий – диеты, режима, «правильного» образа жизни. В обществах модерна регулирование питания, выбор продуктов, соответствующие дисциплинарные практики (диеты, самоограничение) стали важнейшими механизмами достижения нормативной телесности и одновременно способами контроля, явно или латентно осуществляемыми обществом над индивидами.

В явной форме медикалистские представления о нормативной телесности реализуются в биополитике государства, направленной, в частности, на утверждение того стандарта питания, который считается «нормальным», «здоровым», посредством институтов (здравоохранения, социальной защиты и т. д.) на основе универсального рационального знания [Кравченко 2014: 51]. В медикализации и биополитике наиболее ярко проявляется универсальная и безличная природа современных представлений о социально одобряемом, нормативном теле, её историческая связь с социальными институтами и властными структурами, предписывающими и навязывающими членам общества представления о том, какими должны быть их тела.

Самоограничительные практики в формировании стратегий питания: проблемы и противоречия

С медикализацией связана экспансия представлений о человеческом теле, обоснованных научным знанием, в противоположность обыденным представлениям о его «естественности». Однако специфика современной науки такова, что подобные знания практически никогда не укладываются в целостную, логически завершённую картину мира, они всегда оказываются фрагментарными и противоречивыми, что ставит человека в ситуацию постоянного самостоятельного выбора

собственной стратегии поддержания телесной нормы. И в этом выборе он не может более полагаться на дисциплинарные институты, дающие однозначные и точные правила действий. Новая идеология нормативной телесности, получившая на Западе название «хелсизм», апеллирует к самому индивиду, на которого возлагается ответственность за его собственное здоровье как продукт *личного выбора* в пользу здорового образа жизни и предупреждения заболеваний (Гольман 2014: 510). В контексте хелсизма возвращается архаичное представление о болезни и любых отклонениях от нормативной телесности как результате аморального, неправильного образа жизни, неумении или нежелании самого индивида отвечать за своё тело и эффективно его контролировать. Невнимание к своему телу означает слабость воли, неспособность дисциплинировать его путём соблюдения режима и диеты, регулярных спортивных тренировок, постоянного ухода и т. д. с целью приобретения необходимой формы.

Тенденцию переноса дисциплинарных практик из ведения модернистских социальных институтов в сферу личной ответственности каждого индивида наиболее очевидно выражают именно *диеты* и сопутствующий им режим как формы самоограничения. Они рассматриваются как индивидуально избранный и поддерживаемый инструмент, во-первых, борьбы с избыточным весом; во-вторых, оздоровления и профилактики многих заболеваний; в-третьих, сохранения внешней привлекательности тела. Здесь следует отметить особый акцент на худобе как атрибуте нормативного тела в современном обществе, рациональность которого совершенно не очевидна. Ж. Бодрийяр отмечает, что императив худобы не обусловлен ни медицинскими, ни эстетическими нормами, ни культурой соблазна, а является знаком различия, маркирующим моду и престиж [Бодрийяр 2006: 182–183].

Несмотря на распространение медикалистских практик и идеологии хелсизма, ожирение и связанные с ним заболевания стали бичом многих экономически развитых стран. В нашей стране проблема проявляется в полной мере ещё и потому, что в XX веке в условиях голода, дефицита, нехватки продуктов у нас массово сформировался габитус питания, ориентированный на предпочтение обильной и сытной пищи [Зарубина 2014: 56–57]. Этому способствует сохранение традиционной структуры питания, включающей много жира животного происхождения и простых углеводов при недостатке в рационе овощей, фруктов, рыбы и морепродуктов, которые часто оказываются недоступны из-за высоких цен.

Современный россиянин, имеющий латентные или явные представления о нормативной телесности, о тех стандартах, которым ему следует соответствовать, сталкивается

Новая идеология нормативной телесности, получившая на Западе название «хелсизм», апеллирует к самому индивиду, на которого возлагается ответственность за его собственное здоровье как продукт *личного выбора* в пользу здорового образа жизни и предупреждения заболеваний.

Современный россиянин, имеющий латентные или явные представления о нормативной телесности, о тех стандартах, которым ему следует соответствовать, сталкивается с несколькими социокультурными противоречиями.

с несколькими социокультурными противоречиями: во-первых, между нормативными представлениями о здоровом, спортивном, стройном теле и реальными возможностями достижения этого идеала при наличных финансовых и институциональных условиях и сложившихся традициях питания; во-вторых, между потребностью в рациональных научно обоснованных знаниях о способах достижения телесной нормы и их реальной мозаичностью и противоречивостью; в-третьих, между нормативной телесностью и стереотипами наслаждений, навязчивыми соблазнами телесных удовольствий, предлагаемыми обществом потребления.

Сложность разрешения этих противоречий проявляется в росте отклонений от нормативной телесности и воспроизводстве практик неправильного питания. По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, в 2011 г. нормальный вес имеют лишь около 40% населения России, ожирение 2-ой и 3-й степени – около 25% [Козырева, Сафронова, Старовойтов 2014: 139]. При этом соблюдают диету, чтобы сбросить вес, лишь 8% опрошенных [Там же: 150].

Таким образом, россияне, в основном разделяя идеал нормативной телесности, на практике продолжают вести привычный, традиционный образ жизни и привержены традиционным практикам питания, т. е. ничего не предпринимают для достижения идеала. Можно согласиться с утверждением социологов о формировании среди образованной городской молодёжи дисциплинарной стратегии, получившей название «весорефлексивной культуры». Она предполагает постоянный мониторинг веса и размеров тела, рефлекссию собственной телесности на основе сопоставления с различными образцами, наличие компетенций по контролю и производству социально одобряемой телесности, т. е. знания о диетах, режиме питания и т. д. [Крупец, Нартова 2014: 529]. Однако невысокая доля респондентов, соблюдающих диеты, говорит о том, что самоограничение и «весорефлексивная культура» пока в России остаются скорее ценностным образцом, чем реальной нормой повседневной практики. Нередко к диетам, тренировкам и прочим дисциплинарным практикам, характерным для здорового образа жизни, прибегают не регулярно, а в «экстренных» случаях и на недолгое время, например, когда нужно «срочно похудеть» к какому-нибудь событию – отпуску, торжеству и т. д. [Крупец, Нартова 2014: 532].

Следование рациональным пищевым стратегиям, ориентированным на достижение нормативной телесности, предполагает, наряду с диетами, выбор «здоровых» продуктов питания. У современных людей на этот счёт уже сформированы представления о необходимости предпочтения низкокалорийной пищи, продуктов, содержащих необходимые витамины,

Россияне, в основном разделяя идеал нормативной телесности, на практике продолжают вести привычный, традиционный образ жизни и привержены традиционным практикам питания, т. е. ничего не предпринимают для достижения идеала.

микроэлементы, а также об исключении или минимизации употребления жира, соли, сахара. Однако исследования показывают, что современные россияне очень мало следуют нормам правильного питания. В 2011 г. низкокалорийные продукты предпочитали лишь 9,7% опрошенных, продукты с пониженным содержанием соли – 10,7%, жира 15,7%, а продукты, содержащие заменители сахара – только 5,3% [Козырева, Сафронова, Старовойтов 2014: 157–159]. Авторы исследования объясняют столь явное пренебрежение большинства россиян нормами здорового питания не только недостаточностью финансовой обеспеченности, но и отсутствием или недостатком знаний о правильном питании, хотя ничем эти утверждения не подкрепляют [Там же: 165]. Другие исследователи отмечают, что забота о составе и полезности употребляемых продуктов наиболее характерна для обладателей высокого культурного капитала – специалистов, занятых в сфере интеллектуального труда, а также для домохозяйств со средним и высоким уровнем дохода [Захарова 2005: 106].

Всё же такое объяснение представляется не вполне достаточным, поскольку распространению знаний о правильном питании уделяется весьма много внимания и в специализированном медицинском дискурсе, и в популярных СМИ. Скорее всего, дело не столько в незнании, сколько в пренебрежении нормами под влиянием устойчивости традиционного габитуса питания, а также и в самой противоречивости и неоднозначности научно обоснованных рекомендаций, которые не всегда укладываются в логически согласованную систему. Например, низкий процент россиян, употребляющих заменители сахара, можно объяснить и достаточно широко распространёнными представлениями об их вредных побочных воздействиях на организм. Аналогично и с продуктами пониженного содержания жира, например, замена сливочного масла спредами была подвергнута критике рядом специалистов. К тому же многие отдают себе отчёт в том, что информация о пользе или вреде тех или иных продуктов может быть связана с маркетинговыми стратегиями производителей и продавцов, поэтому не заслуживает особого доверия. На этом фоне растёт интерес к неинституционализированному, непрофессиональному знанию, к индивидуальному опыту успешного поддержания здоровья и физической формы – рекомендациям от «звёзд», разного рода целителей, просто неленивых сограждан, широкому распространению которого служит интернет.

Таким образом, существующее противоречие между императивом поддержания нормативной телесности с помощью самоограничительных практик питания и возможностями их реализации большинство россиян решают в пользу привычного следования традициям. Проведённый нами опрос показывает,

что у некоторых студентов «здоровое питание» ассоциируется с «болезнью», что свидетельствует о том, что в их привычном режиме к этим практикам прибегают только в экстренных случаях.

Ещё одно из описанных выше противоречий между предлагаемой обществом телесной нормой и реальными возможностями её достижения обусловлено императивом соблазна и наслаждения, присущим обществу массового потребления. В современном дискурсе питания акцентируется его значение в качестве одного из основных телесных и эстетических удовольствий, в котором «не может себе отказать» полноценный член общества потребления. Соблазн получить удовольствие от вкусной еды, от трапезы в приятной обстановке семейного или дружеского общения, путешествия и познания нового и т. п., акцентируемый рекламой, пересиливает дисциплинирующее опасение потерять форму, поправиться. Показательно, что в ассоциативном ряду «здорового питания» у студентов присутствует «скука», сопутствующая самоограничению и отказу от удовольствий.

Современный человек стремится не столько к нормативному образу жизни и правильному питанию, которые обеспечиваются самоограничением и самодисциплиной, сколько к «безнаказанному» удовольствию: объедаться, не поправляясь; худеть без диеты; сохранять здоровье, предаваясь привычным излишествам. И рынок, в том числе и медицинских услуг, предлагает богатый арсенал разнообразных средств, начиная от специальных продуктов, вроде «низкокалорийных» сладостей, и кончая биодобавками, лекарственными препаратами и даже хирургическими операциями, позволяющими избежать негативных последствий наслаждения едой. Таким образом, медиализация повседневных практик не только обуславливает формирование новых регулятивных и дисциплинарных стратегий пищевого поведения, но и сама же даёт вполне нормативные способы ухода от них.

В современной России сложившийся традиционный габитус питания, ориентированный на насыщение и удовольствие от еды, пока является определяющим в формировании массовых стратегий пищевого поведения. Аскетические, дисциплинарные и самоограничительные практики деинституционализируются и становятся предметом свободного выбора. В условиях гедонистического дискурса массового потребления это является существенным препятствием для их превращения в действенный фактор формирования массовых стратегий питания.

Современный человек стремится не столько к нормативному образу жизни и правильному питанию, которые обеспечиваются самоограничением и самодисциплиной, сколько к «безнаказанному» удовольствию: объедаться, не поправляясь; худеть без диеты; сохранять здоровье, предаваясь привычным излишествам.

Библиографический список

Бодрийяр Ж. 2006. Общество потребления. М.: Республика, Культурная революция. 269 с.

Бурдые П. 2004. Различие: социальная критика суждения // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН. 680 с.

Вебер М. 1985. Социология религии // Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии. М.: ИНИОН. 334 с.

Гольман Е. 2014. Новое понимание здоровья в политике и повседневности: истоки, актуальные направления проблематизации // Журнал исследований социальной политики. Т. 12. № 4. С. 509–522.

Захарова Ю. 2005. Формирование практик потребления продуктов питания в современном российском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: Изд-во НГУ. С. 93–109.

Зарубина Н. Н. 2014. Практики питания как маркер и фактор социального неравенства в России: история и современность // Историческая психология и социология истории. Т. 7. № 2. С. 46–62.

Козырева П. М., Сафронова А. М., Старовойтов М. Л. 2014. Анализ фактического питания и пищевого статуса различных групп населения // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 4. М.: НИУ ВШЭ. С. 131–165.

Кондратьева Т. 2006. Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв. М.: РОССПЭН. 208 с.

Кравченко С. А. 2013. Миксофилия // С. А. Кравченко. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет. С. 389.

Кравченко С. А. 2014. Социокультурная динамика еды. М.: МГИМО-Университет. 198 с.

Крупец Я., Нартова Н. 2014. «Худой значит нормальный»: управление телом в среде городской молодёжи // Журнал исследований социальной политики. Т. 12. № 4. С. 523–538.

Ожирение и избыточный вес. 2013 // Информационный бюллетень ВОЗ. № 113 // Официальный сайт ВОЗ. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs311/ru/> [Дата посещения: 13.07.2015].

О чём мечтают россияне. Идеал и реальность. 2013. М.: Весь мир. 400 с.

Сохань И. П. 2013. Императив худого тела в современном массовом обществе и актуальные гастрономические стратегии // Электронный ресурс. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/9b6c68ebafd6a0794852760a658dddbede648975.doc> [Дата посещения: 05.07.2015].

Фуко М. 1998. Рождение клиники. М.: Смысл. 310 с.

Фуко М. 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem. 480 с.

Ritzer J. 2000. The Macdonaldization of Society. Pine Forge Press. 430 p.

Ascetic, Disciplinary and Self-limiting Practices as a Factor of Dietary Strategies in Modern Russia

Zarubina Natalia Nikolaevna

Dr. Sci. (Soc.), Professor, professor in the Department of Sociology of Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.
Email: n-zarubina@yandex.ru

Abstract. This article¹ analyzes ascetic and disciplinary practices and principles of self-restraint applied by modern Russian people to the elaboration of dietary strategies. Socialization of dietary practices is related to their rationalization and regulation on the basis of standards and values having cultural and social nature. Such standards are: methods of religious ascesis, prescribing food limitations as prerequisites of spiritual purification; disciplinary practices regulating space, time, technology of nutrition; principles of self-restraint due to the imperatives of maintaining the socially approved physicality. In modern Russia following the norms of the Orthodox asceticism is not always dictated by institutional religiosity and belonging to the Church. It can be motivated by factors of identity, tradition, common views of nutrition physiology. Disciplinary practices were spread to nutrition in the context of the modern society institution, such as industrial enterprise, school of medical facility. Disciplinary practices reflect the institutionalized dominance of society over an individual. They are today undermined in Russia as in other countries, particularly by the spread of fast food allowing to liberate nutrition from the rigid space-time constraints. Self-restraint practices in nutrition are popularized under the influence of ideal body image, which is the result of conscious efforts as opposed to natural physicality. Regulatory physicality becomes a form of society control over its members on the basis of their own choice in favor of self-restraints, healthy nutrition and diet. There is a contradiction in our country between the traditional food habits aimed at satiety and the imperative of self-restraint for the purposes of forming a healthy and slim body. This contradiction is aggravated by the loosening of institutional control over regulatory physicality and consumer hedonistic values. The majority of Russians still solve this contradiction in favor of traditional nutrition practices. This is stimulated by medicalization of everyday life presenting means of maintaining regulatory physicality without restraints in eating.

Keywords: nutrition practices, ascesis, disciplinary practices, self-restraint, regulatory physicality

References

Bodriyar J. Obschestvo potreblenija . [Consumer Society]. Transl. from French. Moscow, Respublika, Kul'turnaja revoliucija, 2006. 269 p.

Bourdieu P. Razlichie: social'naja kritika suzhdenija [Distinction: a Social Critique of Judgment]. Zapadnaja ekonomicheskaja sociologija. Hrestomatija sovremennoy klassiki. Moscow, ROSSPEN, 2004. 680 p.

Foucault M. Rozhdenie kliniki [The Birth of the Clinic]. Transl. from French. Moscow, Smysl, 1998. 310 p.

Foucault M. 1999. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my. /transl. from French. [Discipline and Punish. Birth of the Prison]. M.: Ad Marginem. 480 p.

Gol'man E. Novoe ponimanie zdorovia v politike i povsednevnosti: istoki, aktual'nye napravlenija problematizacii [A new Understanding of Health Policy and Everyday Life: the Origins, Current Trends Problematization]. Zhurnal issledovaniy social'noy politiki, 2014, Vol. 12, no 4, pp. 509–522.

¹ This work was carried out with the Russian Humanitarian Scientific Fund financial support, grant No. 14-03-00710.

- Kondrat'eva T. Kormit' i pravit'. O vlasti v Rossii XVI–XX vv. [Feed and Regulations. About the Power in Russia XVI–XX centuries]. Moscow, ROSSPEN, 2006. 208 p.
- Kozyreva P. M., Safronova A. M., Starovoytov M. L. Analiz fakticheskogo pitaniya i pischevogo statusa razlichnykh grupp naseleniya [An analysis of dietary intake and nutritional status of different population groups]. Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya RLMS–HSE. Vol. 4. Moscow, NRU HSE, 2014. P. 131–165.
- Kravtchenko S. A. Miksofilija [Mixophilia]. Kravtchenko S. A. Sociologicheskyy tolkovyy russko-anglijskiy slovar' [Fundamental Russian-English Sociological Dictionary] Moscow, MGIMO-University, 2013. P. 389.
- Kravtchenko S. A. Sociokul'turnaya dinamika edy. [The socio-cultural dynamics of the food]. Moscow, MGIMO-University, 2014. 198 p.
- Krupetz Y., Nartova N. «Hudoy – znachit normal'ny»: upravlenie telom v srede gorodskoy molodiozhi [“Slim Means Normal”: Control Body Among Urban Youth]. Zhurnal issledovaniy social'noy politiki, 2014, Vol. 12, no 4, pp. 523–538.
- O chiom mechtajut rossijane. Ideal i real'nost'. [What the Russians are Dreaming About. Ideal and Reality]. Moscow, Ves' mir, 2013. 400 p.
- Ozhirenie i izbytochny ves [Obesity and overweight]. Informacionnyy bulleten' VOZ, 2013, no 113. WHO official website. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs311/ru/> [date of visit 13.07.2015].
- Ritzer J. The Macdonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000. 430 p.
- Sohan' I. P. Imperativ hudogo tela v sovremennom massovom obschestve i aktual'nye gastronomicheskie strategii [The imperative of Lean Body Mass in a Modern Society and Current Gastronomic Strategy]. NRU HSE official website. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/9b6c68ebafd6a0794852760a658dddbede648975.doc> [date of visit 05.07.2015].
- Veber M. Sociologija religii [Sociology of Religion]. Raboty M. Vebera po sociologii religii i ideologii. Transl. from German. Moscow, INION, 1985. 334 p.
- Zaharova Y. Formirovanie praktik potrebleniya produktov pitaniya v sovremennom rossiyskom obschestve [Formation of Practices of Food Consumption in Contemporary Russian Society] // Liudi i veschi v sovetskoj i postsovetskoj kul'ture. Novosibirsk, NSU publ., 2005. P. 93–109.
- Zarubina N. N. Praktiki pitaniya kak marker i faktor social'nogo neravenstva v Rossii: istorija i sovremennost' [Food Practice as a Marker and a Factor of Social Inequality in Russia: Past and Present]. Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii, 2014, Vol. 7, no 2, pp. 46–62.

Т е м а н о м е р а : С о ц и о л о г и я е д ы

Питание как объект социологии и маркер социального неравенства

Носкова Антонина Вячеславовна –
профессор кафедры социологии,
доктор социологических наук,
Московский Государственный университет
международных отношений МИД РФ, Москва

E-mail: avnoskova@mail.ru

Питание как объект социологии и маркер социального неравенства

Аннотация

Питание вошло в пространство социологического дискурса в конце XX – начале XXI вв. В последние тридцать лет сформировалось несколько специальных социологических теорий: социология еды, социология питания, социология меню и т. д. В статье осмысливаются причины всплеска интереса социологов к этой теме, рассматриваются предметность и методология изучения питания в социологии, обсуждается вопрос практической пользы эмпирического исследования рациона питания различных групп населения. Автор говорит о социальных и научных причинах обращения социологов к проблеме потребления пищи. Потребительское изобилие в современном западном обществе изменило точку зрения исследователей на сущность и функции питания. Практики питания все больше становятся подверженными новым социальным факторам влияния. Среди научных детерминант – гуманистический поворот в западной социологии, в переориентации социологов с осмысления макропроблем на микроисследования повседневной жизни людей, различных поведенческих практик. Приводятся результаты эмпирического исследования практик питания московских студентов. Проанализированы установки студентов на выбор продуктов и блюд питания. Показано влияние социальных/религиозных/диетических норм на пищевое поведение молодых людей. Раскрыто значение здорового питания в понимании молодёжи. Сделан вывод о том, что современная установка на индивидуализм в еде является проявлением социального давления на пищевое поведение молодёжи. В статье также отмечается, что изучение еды не потеряло своего значения для диагностики социального благополучия и результативности социальной политики. Статистические данные рациона питания россиян подтверждают наличие социальной проблемы обеспечения равного доступа к еде детей из различных категорий семей.

Ключевые слова: питание, исследование еды, социология питания, методологические подходы к изучению питания, дневники питания, практики питания молодёжи, социальное неравенство, социальное благополучие

Еда и питание относительно недавно попали в пространство социологического дискурса в качестве объекта изучения. Научная проблематизация питания получила активное развитие в социологии в конце XX – начале XXI вв. Благодаря всплеску интереса к данной проблематике число социологических исследований, публикаций и научных докладов по теме питания ежегодно увеличивается. Можно говорить, что за последние годы разнонаправленные социологические исследования питания оформились в институциональную

форму специальных социологических теорий о еде и питании: в словарях и справочных изданиях по социологии появились статьи о еде [Кравченко 2013: 204] и выражения «социология пищи» (sociologists of food) [DeSoucey], в университетах читаются социологические дисциплины, в названиях которых есть англоязычные эквиваленты русским словам «питание», «пища», «еда», «меню» и т. п. («food», «eating», «nutrition», «menu»); напечатаны учебники по социологии питания: «Социология меню: приглашение к изучению еды и общества» [Beardsworth, Teresa 1997]; «Социология еды и сельского хозяйства» [Carolan 2012] и др. В связи с этим попытаемся ответить на несколько вопросов:

1. Почему социологи обратились к проблеме питания, которая традиционно исследовалась в рамках медицины, гигиены, сельского хозяйства, этнографии?

2. Что и как исследуют социологи, изучая питание?

3. Какова практическая польза от социологического изучения питания?

Почему социологи обратились к проблеме еды и питания

О причинах можно говорить долго, в данной статье кратко обозначим социальную и научную обусловленность формирования новой темы для социологических исследований.

Во-первых, значение имеют новые вызовы времени, порождённые глобализацией продовольственных рынков, вопросами продовольственной безопасности, интересом к проблеме здоровья человека.

Во-вторых, следует отметить последствия процессов экономической и социальной модернизации западных обществ. По словам испанских исследователей Сесилии Диас Мендес и Кристобала Гомес Бенито, в течение второй половины XX в. еда приобрела новые значения [Méndez, Benito 2008: 11–13]. Огромные изменения в практиках питания происходили вследствие послевоенного преобразования европейского общества: *перехода от общества с нехваткой продовольствия к обществу с продуктовым изобилием*. Социальные трансформации изменили предпочтения в еде и восприятие того, что означает «питаться хорошо».

Учёные отчётливо осознали, что потребление пищи, отделяясь ускоренными темпами от своего примордиального биолого-физиологического значения, всё больше зависит *от социальных привычек* [Méndez, Benito 2008: 11–13]. Европейские социологи эмпирически обосновали, что, помимо социальных норм, пищевое поведение человека

Огромные изменения в практиках питания происходили вследствие послевоенного преобразования европейского общества: перехода от общества с нехваткой продовольствия к обществу с продуктовым изобилием.

в современном обществе регулируется так называемыми диетическими нормами [Hernández, Arnaiz 2008: 141]. Социальные нормы как регуляторы пищевого поведения – это социальные предписания, относящиеся к количеству, моменту, месту, типу приёмов пищи, а также условиям и социальным контекстам, в которых они происходят. Диетические нормы – это предписания, основанные на научных разработках. Они касаются правильного, сбалансированного питания. К ним относятся: необходимость питаться фруктами, овощами; использование такого способа приготовления пищи, при котором не теряются основные полезные вещества; отказ от большого количества жареного, сладкого, солёного и т. д. Учёные отмечают, что эти два типа норм (социальные и диетические) могут вступать в противоречие друг с другом [Hernández, Arnaiz 2008: 141].

В-третьих, еда стала модной темой для публичного обсуждения. Телевизионные ток-шоу, интернет-блоги, специализированные журналы о правильном питании отражают и раскручивают интерес публики к данному вопросу. Социологи, подмечая общественные настроения, тоже стремятся «быть в тренде».

В-четвёртых, повлияли методологические и тематические сдвиги в современной социологии. На рубеже XX–XXI вв. произошёл так называемый гуманистический поворот в западной социологии. Его суть – в переориентации с макропроблем на микроисследования повседневной жизни людей. Иногда просто удивляешься, как тонко подмечается социальность, казалось бы, мелких деталей повседневных жизненных практик. Конечно, при ближайшем рассмотрении понимаешь, что эти детали имеют важное практическое значение не только для человека, но и для общества в целом. Обращение к реальным жизненным проблемам индивида позволяет улавливать малейшие изменения в организации повседневных практик, выявлять новые потребности людей. Это задаёт темп науке, придаёт ей общественную значимость, что проявляется в перманентном приращении новыми исследовательскими фокусами, развитии оригинальных исследовательских подходов и методологий. Таким новым фокусом в последнее время, в частности, стало питание.

Что и как исследуют социологи, изучая питание?

По словам М. де Суси (Michaela DeSoucey), социолога из американского университета Северной Каролины, специализирующейся на социологическом изучении питания, в контексте классических для социологии подходов питание привязывалось к изучению социальных проблем и социального неравенства, но

Еда стала модной темой для публичного обсуждения. Телевизионные ток-шоу, интернет-блоги, специализированные журналы о правильном питании отражают и раскручивают интерес публики к данному вопросу. Социологи, подмечая общественные настроения, тоже стремятся «быть в тренде».

На рубеже XX–XXI вв. произошёл так называемый гуманистический поворот в западной социологии. Его суть – в переориентации с макропроблем на микроисследования повседневной жизни людей.

не рассматривалось как самостоятельный объект исследования. Сегодня социологи еды (sociologists of food) демонстрируют широкое разнообразие в своих теоретических подходах, исследовательских методах, эмпирических фокусах [DeSoucey]. Социологи опираются на классические и современные подходы в изучении производства, распределения и потребления еды; они исследуют, как еда и потребление пищи интегрированы в социальные институты, системы и связи. Иными словами, в социальной науке упор в изучении питания делается на роль еды и питания в организации социальной жизни людей. Говоря о специфике европейского социологического дискурса о питании, обратимся к материалам 11-й Конференции Европейской социологической ассоциации «Кризис, критика и изменение» (Турин, 2013). Проблематика еды и питания особенно обсуждалась в ходе работы секции по социологии потребления. Судя по докладам, для европейских социологов приоритетными считаются следующие направления исследований в вопросах питания [RN05]:

- рутинные ежедневные практики потребления еды в кругах представителей разных социальных слоёв или в разных странах;

- гендерные различия в пищевом поведении;
- потребление продуктов питания в семье;
- выбор продуктов питания и пищевые предпочтения;
- изменения в потребительском поведении и потребительских практиках;

- диеты и связанные с этим темы здоровья личности, безопасности еды в практиках потребления;

- отказ от определённых продуктов питания как проявление заботы об окружающей среде – вегетарианство;

- новые факторы влияния на практики питания: реклама, журналы и даже интернет-блоггеры.

Особую роль для социологического изучения еды и питания играет методологический подход, предложенный П. Бурдьё и связывающий стили жизни и потребления с социальной структурой общества [Захарова 2005]. Еда «различает» людей. По тому, что и как человек ест, какие у него сложились привычки в питании (то, что П. Бурдьё относит к габитусу), можно судить об общественной позиции человека, его принадлежности к определённому социальному слою. С практическим поворотом в социологии, который тоже связан с именем П. Бурдьё, возникло направление изучения практик питания.

Следует сказать, что и российские социологи всё чаще прибегают к эмпирическому изучению практик питания [Зарубина 2015; Захарова 2005; Громашева 2013].

В социальной науке упор в изучении питания делается на роль еды и питания в организации социальной жизни людей.

Еда «различает» людей. По тому, что и как человек ест, какие у него сложились привычки в питании, можно судить об общественной позиции человека, его принадлежности к определённому социальному слою.

Автором данной статьи также была предпринята попытка социологического исследования типичных пищевых практик студентов московских вузов – Московского государственного института международных отношений МИД РФ (МГИМО (У) МИД РФ) и Российского государственного социального университета (РГСУ). В качестве эмпирического материала анализировались дневники питания студентов, а также студенческие эссе о питании. Структурный формат написания эссе разработан Карлосом Новасом – профессором из Карлтонского университета (Оттава, Канада), где он читает курс «Еда, общество и культура» [Novas]. Кратко опишем данное исследование.

Практики питания студентов московских вузов

В течение месяца шестьдесят студентов вели дневники питания, отмечая в них всё, что они съедали за день, фиксируя время приёма еды. Затем на основе дневниковых записей в форме эссе они отвечали на следующие вопросы:

- Какие продукты, блюда вы употребляли в течение месяца чаще всего, какие – регулярно, редко, никогда (ответ подкрепите данными из дневника)?
- Что мотивирует вас есть то, что вы едите? Как вы объясняете эти мотивы?
- Что вы думаете о ваших привычках в питании (ответ подкрепите данными из дневника)?
- Какое питание (рацион, режим и т. д.), с вашей точки зрения, является «идеальным»? Какое питание (рацион, режим и т. д.), с вашей точки зрения, является «вредным» для здоровья?
- Сравните ваши практики питания с «идеальным» и «вредным», с вашей точки зрения, питанием. К какому типу они ближе и почему (подкрепить данными из дневника)?
- Что вы думаете о питании в целом?
- Повлияла ли ваша родительская семья на то, как вы сейчас питаетесь?
- Какие ещё элементы культуры повлияли на то, как вы сейчас питаетесь и что вы думаете о питании в целом?

Анализ содержания студенческих эссе выявил некоторые особенности в практиках питания московских студентов. Понятно, что дневники питания и эссе не полностью отражают реальные пищевые практики студентов. Но всё же по ним можно судить о сложившихся типах повседневных практик питания, которые различаются в зависимости от мотивов вы-

бора тех или иных продуктов питания (блюд), от следования социальным/диетическим нормам питания, от социальных привычек в питании.

Приведём примеры описания повседневных практик учащейся молодёжи. Условно можно выделить четыре категории студентов, различающиеся по своим установкам на выбор продуктов питания (блюд).

Первая категория при выборе еды, главным образом, ориентируется на здоровую пищу. При этом под здоровой понимается та еда, которая помогает поддерживать здоровье, хорошую фигуру, сбросить вес, т. е. помогает заботиться о самочувствии, теле и своей внешности. Никто из студентов двух вузов не сказал, что ему нужно здоровое питание, чтобы в будущем были здоровы его дети и внуки, или чтобы прожить долгую жизнь:

«Есть то, что я ем, меня мотивирует здоровый образ жизни. Правильное питание – залог красоты и здоровья, в этом я убедилась на собственном примере» (Лена, РГСУ);

«Стремление к правильному питанию мотивируется в основном желанием быть здоровой, иметь хорошую фигуру» (Ольга, РГСУ);

«Меня всегда мотивировало, мотивирует и будет мотивировать то, как я выгляжу. А именно – моя фигура и мой вес» (Евгения, МГИМО);

«Что касается моих мотивов потребления той или иной пищи, хотелось бы не забывать тот фактор, что я пытаюсь похудеть, поэтому мои мотивы непосредственно связаны со снижением веса» (Ирина, РГСУ);

«Каждый день думаешь о том, чтобы форма оставалась стройной или же стала ещё меньше. Излюбленным моим напитком является чай, он бодрит и приятен в употреблении. Не менее любим имбирный чай, его я начала пить не так давно, этот напиток имеет множество полезных качеств и витаминов. Он улучшает обмен веществ и кровообращение. Хороший обмен веществ – это залог стройности и здоровья» (Олеся, РГСУ).

Вторая категория – студенты, руководствующиеся экономическим мотивом, т. е. те, кто хочет сэкономить на еде и выбирает недорогие продукты питания (блюда):

«Я студентка, и моё питание зависит от моего небольшого бюджета. К тому же теперь я коплю деньги на летнюю поездку в Барселону, поэтому моя продуктовая корзина зачастую однообразна. Продукты я покупаю дешёвые, часто по акциям, в АТАКе: яйца, молоко, брокколи, гречка, яблоки, растительное масло, сыр, чай, горький шоколад» (Татьяна, РГСУ);

«Приоритетом для меня при выборе блюда является сумма денег, которую я могу потратить на питание» (Алина, РГСУ);

«Большое количество крупы в моём рационе питания обусловлено желанием насытиться дёшево. Основные критерии пищи для меня – это её стоимость и полезность. Стараюсь покупать еду недорогую, однако не злоупотребляю вредной пищей» (Игорь, РГСУ).

Третья категория студентов – это те, кто указывает на фактор времени при выборе продуктов питания:

«Разумеется, хотелось бы питаться лучше, однако в таком ритме жизни это крайне трудно» (Игорь, РГСУ);

«Могу обвинить во всём время и обстоятельства. Очень редко удаётся найти время, чтобы приготовить что-то вкусное для себя и своих близких, поэтому приходится питаться тем, что «попадает под руку» (Алена, РГСУ);

«Моё регулярное употребление сэндвичей, бутербродов, печенья, конфет обусловлено недостатком свободного времени, которое тратится в том числе и на питание. Чтобы поддерживать силы в условиях быстрого ритма жизни и большой загруженности, мне остаётся совершать перекусы в течение дня» (Елена, РГСУ);

«После поступления в университет времени стало ещё меньше, поэтому на завтрак я ем только те продукты, которые не нужно долго готовить» (Александр, РГСУ);

«Абсолютное большинство потребляемых мной продуктов очень быстры в приготовлении, что определяется нехваткой времени» (Кристина, МГИМО).

Четвёртые – гедонисты, для которых приоритетным являются вкусовые предпочтения. Они ориентируются на выбор вкусных, доставляющих удовольствие продуктов питания и блюд:

«При выборе продуктов питания я руководствуюсь своими желаниями (например, мне вдруг захотелось шоколада), вкусовыми пристрастиями» (София, РГСУ);

«Наиболее частыми продуктами в моём дневнике питания являются именно те, которые я оцениваю, как вкусные, доставляющие удовольствие. Этот мотив наиболее важен для меня при выборе продуктов питания» (Никита, МГИМО);

«Моим мотивом в выборе определённых продуктов питания, главным образом, являются мои вкусовые предпочтения» (Наталья, РГСУ);

«Единственным и основным мотивом, толкающим меня на употребление именно блюд из мяса, это их вкус. Объяснение этого мотива я вижу исключительно в своих вкусовых пристрастиях» (Константин, РГСУ).

Ответы студентов дают представление о том, как и в какой степени социальные/диетические/религиозные нормы регулируют пищевое поведение.

Влияние *социальных предписаний* на пищевое поведение проявилось в том, как и что едят студенты. Молодые люди, следуя традиции, стремятся соблюдать трёхразовый режим питания: завтрак, обед, ужин. Можно констатировать, что наличие выбора вовсе не означает большого разнообразия в рационе питания студентов. Основа завтрака – это молочные продукты (йогурт, сырники, творог), каша (чаще – овсяная), яичница или омлет, сэндвичи. Обед – салат, суп, вторые блюда: *«Сложно представить свой обед без супа, так как это уже можно сравнить с выработанным годами инстинктом»* (Александр, РГСУ).

Самыми часто употребляемыми продуктами оказались макароны, картошка, хлеб, мясные изделия (котлеты, вырезка говядины, бефстроганов, куриное филе). Самый популярный напиток – чай.

Наряду с *социальными нормами* пищевое поведение некоторых студентов регулируют *диетические нормы*. Выделилась группа студентов, в эссе которых указывалось на особую диету как практику питания:

«Каждый мой день начинается с большого количества минеральной воды, а именно – с одного литра. К этому приучила меня моя мама ещё с детства. Думаю, это одна из самых полезных моих привычек в питании, так как врачи в день рекомендуют пить 1,5–2 литра воды» (Евгения, МГИМО);

«Я вела дневник питания в течение четырёх недель. Начало дневника пришлось на неделю проведения очищения организма через строгую диету, в последующие недели рацион был организован с учётом спортивных тренировок, поскольку бег требует определённого процентного соотношения белков, жиров и углеводов в еде (в моём случае расчётная диета должна состоять из 68% углеводов, 16% жиров и 16% белков)» (Александра, МГИМО);

«Вот уже на протяжении двух лет я веду дневник питания. Основной целью является регулирование суточной нормы калорий, учёт витаминов и минералов, попадающих в мой организм, отказ от «вредоносных», не несущих пользу перекусов. Изначально все усилия прилагались мною для того, чтобы сбросить вес. В первую очередь я полностью отказалась от мучных изделий, сладкого, жареного, солёного» (Виктория, РГСУ).

Сохраняют своё влияние и *культурно-религиозные запреты* – отказ от потребления определённых продуктов в определённое время (Пост) или постоянно:

«Период ведения дневника пришёлся на время Великого Поста (3 марта – 19 апреля), который я уже третий год подряд пытаюсь держать. Если говорить правду, даётся мне это нелегко, так как я очень люблю молочные продукты...» (Евгения, МГИМО);

«Мой папа мусульманин, поэтому, когда я жила дома, я не ела свинину» (Лиля, МГИМО);

«Великий пост (с 3.03.2014) ... я соблюдала, поэтому на определённый период времени я полностью исключила из своего рациона все продукты животного происхождения...» (Софья, РГСУ).

Если соблюдение строгих диет и постов – прерогатива немногих студентов, то избирательность в еде очень характерна для практик питания студентов. На вопрос, какие продукты они никогда не употребляют, никто не ответил: «я ем всё». Некоторые из них, казалось бы, с особой готовностью пытались продемонстрировать свою избирательность в еде:

«По моему мнению, мой рацион можно назвать однообразным, потому что огромное количество продуктов я не ем априори. Можно выделить целый список: сосиски, колбаса, свинина, говядина...», «в моём дневнике всё очень грустно и скучно: никаких сладостей, выпечки, стейков...» (Екатерина, МГИМО);

«Примечательно, что в отличие от среднестатистического россиянина, яйца я совсем не употребляю» (Кристина, МГИМО).

Ещё одно веяние времени связано с распространением в среде студентов «культурных заимствований»: пиццы, роллов, суши, сэндвичей и т. д.:

«Наиболее распространённое блюдо в моём дневнике – суши и роллы. Это связано с тем, что они очень питательные, вкусные и малокалорийные» (Олеся, РГСУ);

«Не вижу я своего существования без мяса в моём рационе, за день я обязательно должен съесть что-то мясное, заменой этому может быть только сырая рыба, т. е. суши, ведь в лососе количество белков ненамного меньше, чем в мясе...» (Филипп, МГИМО).

В то же время результаты исследования показали, что из повседневного рациона студентов уходят некоторые традиционные для нас продукты и блюда, например, пшённая и перловая каши: *«Ни разу за прошедший месяц я не съела блюдо, приготовленное из крупы, например, кашу, кроме овсянки»* (София, РГСУ). Студенты перестают пить традиционные напитки – кефир, ряженку, простоквашу, кисель.

И последний пример. Студентка из РГСУ Ольга в своём эссе написала, что «каждый человек всегда сам для себя выбирает, как ему питаться, всё зависит от его вкусов и предпочтений». Но насколько свободно и сознательно мы выбираем? Этот вопрос для общественно-научной мысли исторически является дискуссионным [Боглинд 1992: 31]. Налицо социальное навязывание культа диет и тела, влияние на практики питания особой моды на «здоровую» пищу и «правильное» питание. Но зачастую понимаются они однобоко, исключительно в отношении к форме своего тела, нормативные стандарты которого также навязываются производителями еды и её распространителями, на что особенно реагирует молодёжь. Пищевые предпочтения и отказы в еде становятся частью имиджа молодых людей, способом идентификации себя с определённым сообществом, культурой или субкультурой.

Практическая значимость социологического изучения питания как критерия социального благополучия

Анализируя данный вопрос, необходимо сделать акцент на сопряжённость пищевого поведения людей с вопросами здоровья населения, а также с социальными проблемами бедности и неравенства. *Неравенство в еде и рационе питания остаётся незаменимым критерием уровня равенства/неравенства в обществе, показателем социального благополучия и эффективности социального государства.*

Понятно, что для валидной оценки уровня социального благополучия требуются репрезентативные эмпирические данные, полученные путём широкого охвата населения. Таким источником данных для отечественных специалистов стало проведённое Росстатом в 2013 г. выборочное наблюдение рациона питания россиян с охватом 45 тыс. домохозяйств – 103,5 тыс. респондентов [Выборочное исследование...]. Не умаляя значения *качественного питания* для всех категорий населения, отметим, что для детей эта проблема стоит особо остро. Полноценное качественное питание детей является залогом физического и демографического здоровья нации. Но есть и другой аспект данного вопроса – социально-психологический. В «сытых обществах» нехватка еды из-за бедности может привести к формированию у детей острого чувства социальной несправедливости, психологической и социальной ущербности. К сожалению, в современном нам обществе не удалось разрешить противоречия между числом детей в семье и уровнем жизни членов домохозяйства. Данное противоречие порождено системой наёмного капиталистического труда и урбанистской цивилизацией. Суть его в том, что рождение очередного ребёнка зачастую понижает уровень жизни семьи.

Пищевые предпочтения и отказы в еде становятся частью имиджа молодых людей, способом идентификации себя с определённым сообществом, культурой или субкультурой.

Неравенство в еде и рационе питания остаётся незаменимым критерием уровня равенства/неравенства в обществе, показателем социального благополучия и эффективности социального государства.

Статистические данные подтверждают эмпирическую связь между объёмом потребления основных продуктов питания и числом детей в домашних хозяйствах. Так, из всех домохозяйств, имеющих одного ребёнка в возрасте до 18 лет, только в 3,9% случаев респонденты отметили, что «еды недостаточно» (3,2% – иногда недостаточно еды; 0,7% – часто недостаточно). В домохозяйствах с двумя детьми этот показатель составил 5% (3,6% – иногда недостаточно; 1,4% – часто недостаточно). В домохозяйствах с тремя детьми – 8,7% (6,7 и 2% соответственно). И, наконец, в домохозяйствах, имеющих четырёх и более детей в возрасте до 18 лет – 15,2% (соответственно 11,3 и 3,9%) [Выборочное исследование...]. Налицо статистическая закономерность: доля детей, которым (по их субъективной оценке) не хватает еды, растёт с увеличением числа детей в домохозяйстве. Данная закономерность ставит под сомнение тезис, согласно которому в современном обществе измерение социального благополучия смещается с объёма потребляемых благ в сторону разнообразия потребляемых благ или структуры потребления. Видно, что социальная проблема обеспечения равного доступа к еде ещё не полностью решена в нашем обществе. Неравный доступ к продуктам питания, вероятно, обуславливает ситуацию с пониженным весом детей из семей с четырьмя и более детьми (см. таблицу 1). Доля детей из четырёхдетных семей, чей вес ниже «нормального», почти в два раза больше, чем в среднем по домохозяйствам с детьми. Интересно, что в домохозяйствах с одним, двумя и тремя детьми значения данного показателя мало различаются.

Таблица 1

Доля детей с пониженным весом в возрасте до 5 лет, 2013 г.

Домохозяйства, имеющие детей	Доля
Все домохозяйства	2,5
Одного ребёнка	2,4
Двух детей	2,4
Трёх детей	2,7
Четырёх и более детей	4,9

Примечание. Данные взяты с сайта www.gks.ru.

К размышлениям о социальном и семейном благополучии приводит и сравнительный анализ данных о рационе питания различных категорий домохозяйств по числу детей. Дети из многодетных семей (3 и более детей) меньше потребляют полезных для здоровья и роста продуктов питания, чем их сверстники из малодетных семей (1–2 ребёнка). Цифры иллюстрируют значительный разрыв в потреблении свежих фруктов (см. таблицу 2). Если в домохозяйствах с одним и двумя детьми доля детей, потребляющих свежие фрукты ежедневно или раз в неделю, составила 84,3 и 83,7% соответственно, то в многодетных домохозяйствах значение данного показателя опустилось до 65,9%.

Статистические данные подтверждают эмпирическую связь между объёмом потребления основных продуктов питания и числом детей в домашних хозяйствах.

Справедливости ради отметим, что по потреблению других категорий нужных и полезных продуктов разрыв между детьми из малодетных и многодетных домохозяйств почти незначителен. Интересно, что самые высокие показатели потребления молока и кисломолочных продуктов, творога, рыбы, мяса наблюдаются у детей из двухдетных семей (см. таблицу 2).

Таблица 2

Доля детей в возрасте 3–13 лет,
потребляющих ежедневно или несколько раз в неделю, %

Продукты питания	Проживающие в семьях с одним ребёнком в возрасте до 18 лет	Проживающие в семьях с двумя детьми в возрасте до 18 лет	Проживающие в семьях с тремя детьми в возрасте до 18 лет
Фрукты свежие	84,3	83,7	65,9
Мясо, мясо птицы	81,3	85,0	79,7
Рыба	25,9	26,9	23,8
Молоко и кисломолочные продукты	80,8	83,9	80,3
Творог и творожные продукты	51,1	52,6	49,6

Обратная сторона медали – потребление «вредных» продуктов питания, таких как сладкие газированные напитки, продукты быстрого приготовления, чипсы и др. Здесь по объёму потребления, наоборот, на первое место выходят дети из многодетных семей (см. таблицу 3).

Таблица 3

Доля детей в возрасте 3–13 лет,
потребляющих ежедневно или несколько раз в неделю, %

Продукты питания	Проживающие в семьях с одним ребёнком в возрасте до 18 лет	Проживающие в семьях с двумя детьми в возрасте до 18 лет	Проживающие в семьях с тремя детьми в возрасте до 18 лет
Торты, шоколад	53,6	54,9	48,3
Сладкие газированные напитки	14,5	14,5	16
Сухие продукты быстрого приготовления (каши, лапша, картофельное пюре)	4,1	4,1	7,5
Картофельные чипсы, сухарики, крендельки	8,8	8,5	9,8

В заключение остановимся на трёх моментах.

Во-первых, говоря о современных практиках питания, следует отметить, что установка на индивидуализм в питании является своеобразным проявлением социального давления в потреблении пищи. Здесь уместно вспомнить классическую метафору «лодка на аллеях парка», которую ввёл в социальную науку известный шведский социолог Пер Монсон. По словам учёного, она описывает «отношение между обществом как упорядоченной структурой или системой, и действующими в ней индивидами... С одной стороны, все свободны... Но, с другой стороны, индивиды всегда поступают вполне определённым образом» [Монсон 1994: 43]. Иными словами, налицо диалектика свободного выбора и прессинга со стороны структуры общества. Оставаясь зажатым внутри социальных предписаний, индивид блуждает среди многообразия возможных выборов, пытаясь найти свою собственную траекторию *правильного* питания.

Во-вторых, исследования рациона питания имеют практическую значимость для диагностики социального благополучия в обществе. Равный доступ к еде и здоровому рациону питания, в первую очередь – детей из различных категорий семей, является ключевым критерием общественного благополучия, результативности семейной и социальной политики.

В-третьих, что касается еды как объекта социологии, то, перефразируя высказывание читателей работы Фредерика Ле Пле «Европейские рабочие» [Чаянов 1929: 15], скажем, что изучение питания для социологов «может стать ключом, которым отворяются все двери, и даже до святая святых – семьи».

Библиографический список

Боглинд А. 1992. Структура и функция как ключевые понятия социологии // Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене. С. 31–70.

Выборочное исследование рациона питания россиян // Федеральная служба статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/food1/index.html [Дата посещения: 20.08.2015].

Зарубина Н. Н. 2015. От дефицита к диете: повседневные практики питания в советских и постсоветских анекдотах // Социологическая наука и социальная практика. № 2. С. 130–148.

Захарова Ю. 2005. Формирование практик потребления продуктов питания в современном российском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: Изд-во НГУ. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/400/687/1219/razdel_3.pdf [Дата посещения: 20.08.2015].

Громашева О. А. 2013. Мужское и женское в практиках питания: интерпретация петербургских родителей и детей // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419946/Gramasheva_2011_5.pdf [Дата посещения: 20.08.2015].

Кравченко С. А. 2013. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет. 914 с.

Монсон П. 1994. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию. М.: Весь мир. 96 с.

Чаянов А. В. 1929. Бюджетные исследования: История и методы. М.: Новый агроном. 331 с.

Beardsworth A., Teresa K. 1997. *Sociology on the Menu: An Invitation to the Study of Food and Society*. London: Routledge. 227 p.

Carolan M. 2012. *The Sociology of Food and Agriculture*. New York: Routledge. 322 p.

DeSoucey M. Food // Oxford Bibliographies. URL: oxfordbibliographies.com [Дата посещения: 20.08.2015].

Hernández J., Arnaiz M. 2008. Preferences and Food Consumption: Pleasure, Convenience and Health // Social Studies Collection. № 24. URL: http://obrasocial.lacaixa.es/deployedfiles/obrasocial/Estaticos/pdf/laCaixaFoundation/vol24_en.pdf [Дата посещения: 20.08.2015].

Méndez C., Benito C. 2008. Food and Health in Modern Societies / Food, Consumption and Health // Social Studies Collection. № 24. URL: http://obrasocial.lacaixa.es/deployedfiles/obrasocial/Estaticos/pdf/laCaixaFoundation/vol24_en.pdf [Дата посещения: 20.08.2015].

Novas C. Food, Culture and Society // Carleton University. URL: <http://carleton.ca/socanth/wp-content/uploads/2040B-Carlos-Novas-web-version.pdf> [Дата посещения: 20.08.2015].

RN05 – Sociology of Consumption // ESA 11th Conference Crisis, Critique and Change Abstract Book. URL: http://www.esa11thconference.eu/skins/default/static/ESA_2013_Abstract_Book.pdf [Дата посещения: 20.08.2015].

Food as a Sociology Object and a Social Inequality Marker

Noskova Antonina Viacheslavovna

Dr. Sci. (Soc.), Professor, Professor in the Department of Sociology of Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia. E-mail: avnoskova@mail.ru

Abstract. Nutrition was involved in sociological discourse space in the late 20th – early 21st century. The article considers the reasons of enhanced sociologists' interest for this theme, objectivity and methodology of sociological food research, and the practical use of empirical studying dietary habits

of different social groups. It also provides the results of empirical study of Moscow students' dietary practices. It concludes that the contemporary orientation for individualized diet is a manifestation of social pressure on the youths' nutritional habits. The research of dietary ration of different social groups remains urgent for diagnosing social well-being.

Keywords: nutrition, food study, sociology of nutrition, methodological approach to food research, nutrition diaries, youths' dietary practices, social inequality

References

Beardsworth A., Teresa K. *Sociology on the Menu: An Invitation to the Study of Food and Society*. London, Routledge, 1997. 227 p.

Boglund A. *Struktura i funkcija kak ključevye poniatija sociologii [Structure and Function as a Key Concepts]*. *Sovremennaja zapadnaja sociologija: teorii, tradicii, perspektivy*. Saint-Petersburg, Notabene, 1992. Pp. 31–70.

Carolan M. *The Sociology of Food and Agriculture*. New York, Routledge, 2012. 322 p.

Gromasheva O. A. *Muzhskoe i zhenskoe v praktikakh pitaniya: interpretacija peterburgskih roditeley i detey [Male and female in feeding practices: the interpretation of the Petersburg parents and children]*. Federal'ny obrazovatel'ny portal «Ekonomika. Sociologija. Menedzhment». URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251419946/Gramasheva_2011_5.pdf [date of visit 20.08.2015].

Hernández J., Arnaiz M. *Preferences and Food Consumption: Pleasure, Convenience and Health*. *Social Studies Collection*, 2008, no 24. URL: http://obrasocial.lacaixa.es/deployedfiles/obrasocial/Estaticos/pdf/laCaixaFoundation/vol24_en.pdf [date of visit 20.08.2015].

Kravtchenko S. A. *Sociologičeskij enciklopedičeskij russko-anglijskij slovar' (Fundamental Russian-English Sociological Dictionary)*. Moscow, MGIMO – University, 2013. 914 p.

Mñdez C., Benito C. *Food and Health in Modern Societies. Food, Consumption and Health*. *Social Studies Collection*, 2008, no 24. URL: http://obrasocial.lacaixa.es/deployedfiles/obrasocial/Estaticos/pdf/laCaixaFoundation/vol24_en.pdf [date of visit 20.08.2015].

Monson P. *Lodka na allejakh parka: Vvedenie v sociologiju [Boat on the avenues of the park: Introduction to Sociology]*. Moscow, Ves' mir, 1994. 96 p.

Novas C. *Food, Culture and Society*. Carleton University. URL: <http://carleton.ca/socanth/wp-content/uploads/2040B-Carlos-Novas-web-version.pdf> [date of visit 20.08.2015].

RN05 – *Sociology of Consumption*. ESA 11th Conference Crisis, Critique and Change Abstract Book. URL: http://www.esa11thconference.eu/skins/default/static/ESA_2013_Abstract_Book.pdf [date of visit 20.08.2015].

Tchajanov A. V. *Biudžetnye issledovanija: Istorija i metody [Budget Researches: History and Methods]*. Moscow, Novy agronom, 1929. 331 p.

Vyborochnoe issledovanie racionalnogo pitaniya rossijan [Sample Survey of Diet of Russians]. Federal'naja sluzhba statistiki. Russian Federal Service of Statistics. Official website. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/food1/index.html [date of visit 20.08.2015].

Zakharova Y. *Formirovanie praktik potreblenija produktov pitaniya v sovremennom rossijskom obščestve [Formation of Practices of Food Consumption in Modern Russian Society]*. *Liudi i veschi v sovetskoj i postsovetskoj kul'ture*. Novosibirsk, NSU Publ., 2005. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/400/687/1219/razdel_3.pdf [date of visit 20.08.2015].

Zarubina N. N. *Ot deficita k diete: povsednevnye praktiki pitaniya v sovetskikh i postsovetskikh anekdotakh [From Deficit to a Diet: the Daily Practice of Power in the Soviet and post-Soviet Jokes]*. *Sociologičeskaja nauka i social'naja praktika*, 2015, no 2, pp. 130–148.

Т е м а н о м е р а : С о ц и о л о г и я е д ы

Еда как контркультура или движение антикапитализма

Карпова Дарья Николаевна –
преподаватель кафедры социологии,
Московский Государственный университет
международных отношений МИД РФ, Москва.

E-mail: d.n.karpova@yandex.ru

Еда как контркультура или движение антикапитализма

Аннотация

В статье¹ рассматривается проблематика еды как маркера современного капиталистического общества, которому свойственны принципы сверхпотребления, быстрого питания, стандартизации и предсказуемости. Автор анализирует концепцию макдональдизированного общества американского социолога Дж. Ритцера с позиции дегуманизации процесса принятия пищи как социального взаимодействия и коммуникации людей. Отмечено, что в ответ на глобальные тренды макдональдизированного общества образуются многочисленные протестные движения. Первое, итальянское движение Slow Food (медленная еда) как течение против глобальной трансмиссии принципов ресторана «Макдональдс». Второе, фриганизм (поиск продуктов питания и вещей на помойках) как антикапиталистическое протестное движение с целью привлечь внимание к острой глобальной проблеме голода, нищеты и чрезмерного производства продуктов питания. Автор предлагает социологическую интерпретацию описанным протестным движениям и рассуждает об их философии в США и странах Европы. Однако принципы, идеи и философия фриганизма нашли отклик и в России. В тексте анализируется содержание сетевых записей фриганов – пользователей российской социальной сети Вконтакте, в ходе чего были выявлены две явные категории граждан по отношению к поиску вещей в помойках. По данному анализу можно судить об определенном уровне уверенности в своём убеждении и социально-гражданской активности членов контркультурного движения фриганов. Первая категория – молодые люди в возрасте от 25 до 36 лет, которые не видят ничего постыдного в движении фриганизма. Вторая категория – молодые люди этой же возрастной категории, которые стесняются показываться на глаза общественности во время поиска вещей в мусорных баках и предпочитают оставаться невидимыми.

Ключевые слова: еда, контркультура, фриганизм, мусорный дайвинг, медленная еда

Еда как социологическая категория является маркером этапа развития общества в конкретный период времени. Так, например, в традиционном обществе индивиды производили лишь столько товаров и продуктов питания, сколько могли употребить. Такую форму докапиталистического хозяйства немецкий экономист и социолог Вернер Зомбарт назвал *расходным*. «Сколько благ человек потребляет, столько и должно быть произведено; сколько он расходует, столько и должен заприходовать. Сначала даны расходы, а по ним определя-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-03-00710.

ются доходы» [Зомбарт 1994: 13]. Производство и потребление современного капиталистического общества основаны на западных стандартах сверхпотребления и ориентированы на рынок, принципы которого порождают нерациональное расходование еды. Конвейеры транснациональных корпораций в пищевой промышленности и агропромышленного комплекса по производству полуфабрикатов выпускают в сотни раз больше еды, чем необходимо для нормального существования общества, оставляя без внимания неразвитые страны, миллиард жителей которых остаются за чертой бедности и голодают.

Кроме того, глобальные принципы ресторана быстрого обслуживания, зародившиеся в конце 1940-х гг. в США, распространились на все страны мира, дегуманизируя привычный ранее процесс принятия пищи. Автор концепции *макдональдизации* социума Дж. Ритцер отмечает, что «принципы работы ресторана «Макдональдс» начинают определять всё большее число сфер как американского общества, так и остального мира...» [Ritzer 2000: 2]. Традиционная трапеза ранее предполагала социальное взаимодействие людей, которое сегодня сведено к минимуму, ибо и посетители, и работники ресторанов быстрого обслуживания по типу «Макдональдс» становятся роботами большого конвейера [Кравченко 2014: 81]. Цель одних – быстро поесть, других – обслужить как можно больше клиентов.

Цивилизация «мусорной корзины» [Бодрийяр 2006: 66], как образно назвал современное общество французский социолог Жан Бодрийяр, естественным образом порождает движения против глобальной трансмиссии принципов макдональдизированного общества – *Slow Food*, а также антикапиталистическое протестное движение с целью привлечения внимания к острой глобальной проблеме переизбытка товаров, голода и нищеты – *фриганизм*.

В конце 1980-х гг. в Италии зародилось антиглобальное движение *Slow Food* (медленная еда). Философия ставшей сегодня крупнейшей некоммерческой организации *Slow Food* основана на концепции качества продуктов питания. Кроме того, политика организации выступает против стандартизации меню (как элемента предсказуемости макдональдизированного производства) и противопоставлена исчезновению локальных традиций питания, забытых обычаев, обрядов и практик принятия пищи. Под эгидой борьбы за сохранение продовольственного биоразнообразия в мире *Slow Food* точно работает с мелкими производителями продуктов питания, находящихся под угрозой исчезновения. Это могут быть редкие сорта фруктов, овощей, пород животных, сыров, хлеба. На официальном сайте организации размещена информация о созданных проектах «Ковчег вкуса», «Президиа», целями которых являются

Производство и потребление современного капиталистического общества основаны на западных стандартах сверхпотребления и ориентированы на рынок, принципы которого порождают нерациональное расходование еды.

Цивилизация «мусорной корзины» естественным образом порождает движения против глобальной трансмиссии принципов макдональдизированного общества – *Slow Food*, а также антикапиталистическое протестное движение с целью привлечения внимания к острой глобальной проблеме переизбытка товаров, голода и нищеты – *фриганизм*.

мобилизация агропродуктового наследия мира, которому угрожает массовое производство, а также восстановление продуктового разнообразия, утраченного в ходе политики глобальной стандартизации [Официальный сайт Slow Food]. Пожалуй, самым убедительным «проектом» организации Slow Food стало основание в 2004 г. Университета гастрономических наук в Италии.

Последователями принципов работы Slow Food во всём мире становятся тысячи людей. Наиболее заметными движениями против власти транснациональных корпораций и общества массового потребления является *фриганизм* (от free – свободный, vegan – веганизм). В отличие от общественной организации Slow Food, движение фриганизма ещё не оформилось институционально, возможно, ввиду его специфики. Фриганами называют тех индивидов, которые отрицают принципы капиталистического производства, избегают участия в товарно-денежных отношениях, стремятся к минимизации потребляемых природных ресурсов. Фриганы открыто заявляют, что не желают быть зависимыми от принципов капитализма, поэтому добывают необходимые для жизни вещи (одежду и пищу) в мусорных контейнерах. Они называют себя последователями идеи «борьбы с расточительством» организации Slow Food. Бесплатная еда для фриганов не более чем способ удовлетворить потребность в пище, но также уверенность в том, что потребляя отходы, они приносят пользу экологии города. Ведь по данным исследования глобального перерасхода продуктов питания учёными Шведского института продовольствия и биотехнологий ООН было показано: треть произведённой в мире еды выбрасывается в мусорные баки, что составляет около 1,3 млрд тонн продуктов в год [Отчёт Продовольственной...]. Примечательно, что в развитых странах еда оказывается в мусорной корзине на этапе попадания к конечному потребителю продукта, в домохозяйствах. По подсчётам шведских учёных, в среднем один американец и европеец ежегодно выбрасывает от 95 до 115 кг пригодной еды. В то время как в странах Африки к югу от Сахары и некоторых странах Азии эта цифра составляет от 6 до 11 кг.

Фриганизм как социальная проблема давно стал поводом для научных дискуссий на Западе. Канадский социолог Джефф Шантц (Jeff Shantz), изучает историю философии фриганизма. Зачатки этого явления автор видит в первых антикапиталистических анархических движениях США 1960-х гг. В то время они были представлены маргинальными группами молодёжи, безработными, бомжами – только теми, кто добровольно исключил себя из общественных отношений. Социальное отчуждение этих контркультурных групп подкреплялось в 1990-е гг. их девиантным поведением. Они демонстративно искали себе пропитание на городских свалках

Фриганизм как социальная проблема давно стал поводом для научных дискуссий на Западе.

[Shantz 2005: 1]. В английском языке появилось специальное словосочетание, описывающее лазание по помойкам – *dumpster diving* – в прямом смысле «ныряние» в мусор. В дальнейшем движение «мусорных дайверов» приобретает политическую окраску и становится так называемой «пропагандой действия» (*propaganda of the deed*) как попытка сделать нечто полезное для нуждающихся в крове и питании людей и привлечь внимание политиков и общественности.

Дж. Шантц отмечает, что *dumpster diving* (наряду с движением *Food not Bombs*) является лишь частью более широкого антиконсьюмеристского движения фриганизма [Shantz 2005: 2]. Вдохновлённый «Очерком о даре» французского социолога Марселя Мосса, Дж. Шантц утверждает, что в основе фриганизма заложена идея создания альтернативы капиталистической системе, экономика дара (*gift economy*). С одной стороны, демонстрация фриганами экономически выгодного существования за счёт отходов других людей – одностороннее и бескорыстное действие. С другой стороны – это вызов экономике сверхпроизводства и обществу потребления. Ярким примером экономической состоятельности фриганизма стало открытие в 2013 г. первого в мире кафе для фриганов в Бостоне. Основатель заведения, студент местного Университета, собирает еду на помойках возле супермаркетов (где можно найти пригодную еду, но, например, в деформированной упаковке) и ресторанов, тщательно промывает и дезинфицирует её в домашних условиях и там же приготовленную пищу бесплатно раздаёт желающим. В планах у молодого бескорыстного предпринимателя расширить свой проект до уровня ресторана, средства на открытие которого уже пожертвовали тысячи пользователей интернета.

Принципы, идеи и философия фриганизма нашли отклик и в России. В одной из популярных социальных сетей Вконтакте (Vk.com) фриганы открыто говорят о своём общем увлечении, делятся информацией о доступных местах для *dumpster diving*, дают советы по дезинфекции найденных продуктов. Статистические данные о количестве активистов не поддаются точному подсчёту ни на Западе, где это движение весьма популярно, ни в России, где только зарождается. Группа российских интернет-фриганов насчитывает 298 участников (судить о том, являются ли все они активными фриганами, сложно). В 2014 г. одним из участников группы была организована дискуссия, вызвавшая неподдельный интерес у других её членов. Был задан вопрос: «не стыдно ли Вам заниматься собирательством (в частности рыться в помойках и подбирать с земли случайные находки?)» [Дискуссия о стыде...]. Анализ содержания сетевых записей пользователей социальной сети Вконтакте выявил две явные категории граждан по отношению к поиску вещей в помойках. Безусловно, данный

анализ не в полной мере отображает реальное поведение фриганов, однако по нему можно судить об определённом уровне уверенности в своём убеждении и социально-гражданской активности членов группы. Первая категория (самая многочисленная) – молодые люди в возрасте от 25 до 36 лет, которые не видят ничего постыдного в движении фриганизма:

«Считаю, что ничего стыдного, но иногда ловлю себя на чём-то вроде смущения, особенно если меня за рытьём по мусорным бакам застают знакомые, соседи. Правда, сейчас это выражено в гораздо меньшей степени. Всем вопрошающим честно бы сказала, что роюсь по помойкам в поисках хороших нужных вещей, и ничего плохого тут не вижу» (Юлия, Казань);

«Подбирать что-либо с земли вообще не может быть стыдно. Что касается помойки. У нас в Одессе в них роются все, кому не лень, и это не вызывает нападок окружающих» (Максим, Одесса);

«Насчёт себя могу сказать, что не испытываю особого дискомфорта, когда занимаюсь собирательством. Когда задают вопросы, стараюсь всё доходчиво объяснять. Часто ловлю на себе взгляды прохожих или знакомых, если иду с ними, но я приняла следующую тактику: я отшучиваюсь, когда вижу, что возникает напряжение после моего акта фриганизма, и, знаете, несколько раз после этого мне даже начинали помогать искать интересные вещи» (Лидия, Люберцы);

«Абсолютно не стыдно. Стыдно хорошие вещи внутри ящика засовывать. А неподходящие мне вещи раздаю знакомым, отношу на фримаркет, на сайты типа дарудар или просто оставляю в подьезде на чистых местах около мусорки» (Эсгалэль, Санкт-Петербург);

«Мне никогда не стыдно, главное гигиена и чувство меры, а что скажут соседи или знакомые, они только позавидовать могут находкам» (Екатерина, Солнцево);

Дамы, господа, – когда речь идёт о выживании, когда голод уже доводит едва ли не до агонии – какой уж тут стыд?!» (ник «Доктор Штольц», неизвестный город).

Вторая категория (малочисленная) – фриганы, которым стыдно за совершаемые действия:

«Неудобно попасться родственникам или знакомым, в маленьком городе это актуально. По работе тоже напряг может возникнуть. Я работаю в садике плотником, могут придраться, мол, антисанитария, детское учреждение» (Алекс, Невьянск);

«Бывает стыдно, и в контейнер мусорный – не полезу» (Виктория, Великий Новгород).

Безусловно, поведение первой категории фриганов может вызвать осуждение со стороны общества. Однако, как стало понятным из анализа интернет-дискуссии, большинство фриганов в России могут открыто говорить о своей социально-гражданской позиции и антикапиталистических убеждениях. Кроме того, фриганизм как процесс поиска и употребления пищи обладает объединительной функцией сплочивания людей из разных городов. Еда в данном случае воспринимается не как субстанция, способная утолить жажду или голод, но как новая форма межличностной коммуникации и социализации. Георг Зиммель в «Социологии трапезы» описывает, как человек связан посредством еды с другими людьми: «Совместная еда и питье даже арабов, находящихся в смертельной вражде, превращала в друзей, породила огромную социализирующую силу, которая давала возможность создавать представление об общности тела и крови» [Зиммель 2010: 188].

В ходе анализа дискуссий было выявлено также, что российские фриганы строго соблюдают международные принципы фриганизма: лишнего не берут (чтобы не выбрасывать), делятся находками с другими фриганам, оставляют на мусорных площадях после себя порядок. Пожалуй, единственным отличием российских фриганов от западных (строгих веганов!) в том, что первые предпочитают искать и мясные продукты также. Таких активистов принято называть меганами (*meat-gans* от *meat* – мясо).

Российская социологическая мысль пока не дала научного определения фриганизма как социального феномена, однако считаем возможным определить его через социологическую категорию *контркультуры* как образа жизни отдельной группы индивидов, целенаправленно и осознанно противопоставляющих себя и своё поведение доминирующей в обществе культуре потребления.

Библиографический список

Бодрийяр Ж. 2006. Общество потребления. М.: Республика, Культурная революция. 269 с.

Дискуссия о стыде искать вещи и еду в помойных баках, организованная в социальной сети Вконтакте. URL: https://vk.com/topic-76066932_31257753 [Дата посещения: 25.08.2015].

Зиммель Г. 2010. Социология трапезы // Социология: теория, методы, маркетинг. № 4. С. 187–192.

Зомбарт В. 1994. Буржуа. М.: Наука. 403 с.

Большинство фриганов в России могут открыто говорить о своей социально-гражданской позиции и антикапиталистических убеждениях.

Российские фриганы строго соблюдают международные принципы фриганизма: лишнего не берут (чтобы не выбрасывать), делятся находками с другими фриганам, оставляют на мусорных площадях после себя порядок.

Кравченко С. А. 2014. Социокультурная динамика еды. М: МГИМО-Университет. 195 с.

Отчёт Продовольственной и сельскохозяйственной Организации ООН. URL: <http://www.fao.org/ag/ags/agsdivision/publications/publication/en/c/74045/> [Дата посещения: 24.08.2015].

Официальный сайт «Slow Food». URL: <http://slowfood.com> [Дата посещения: 24.08.2015].

Ritzer G. 2000. The Mcdonaldization of Society. Newbury Park, CA: Pine Forge Press. 320 p.

Shantz J. 2005. One Person's Garbage. Another Person's Treasure: Dumpster Diving, Freeganism, and Anarchy // VERB. Vol.3. P. 1–11.

Food and Counterculture or Anti-capitalist Movement

Karpova Daria Nikolaevna

Lecture of Sociological Department of the Moscow State University of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia. E-mail: d.n.karpova@yandex.ru

Abstract. The article¹ considers food problem as a marker of the contemporary capitalist society based on the principles of overconsumption, fast food, standardization and predictability. The author analyzes the McDonaldized society concept put forward by the American sociologist G. Ritzer from the perspective of eating dehumanization in the process of social interaction and communication between people. It is noted that numerous protest movements are being organized in response to global trends of McDonaldized society. The first of them is the Italian movement of Slow Food as opposed to the global transmission of McDonald's principles. The second one is freeganism (i.e. search for food and things in the trash); it is an anti-capitalist protest movement aimed at drawing attention to the acute problems of hunger, poverty and excessive food production. The author presents a sociological interpretation of the described protest movements and analyzes this philosophy in the USA and in European countries. However, freeganism principles, ideas and philosophy have found response in Russia as well. The text provides the analysis of the content of networks records made by freegans, i.e. users of the Russian social network VKontakte, which reveals two distinct categories of population in relation to the search of things in the trash. This analysis allows to make judgment of the certain confidence level, as well as of social and civic activity of counter-cultural freegans' movement. The first category involves young people from 25 to 36 who see nothing shameful in the freeganism movement. The second category involves young people of the same age group, who are reticent and prefer to remain invisible while searching things in the trash.

Keywords: food, counterculture, freeganism, trash diving, slow food

References

Bodriyar J. Obshchestvo potrebleniia [Consumer Society]. Moscow, Respublika, Kul'turnaia revoliutsiia 2006. 269 p.

Zimmel' G. Sotsiologiia trapezy [Sociology of Meal]. Sotsiologiia: teoriia, metody, marketing, 2010, no 4, pp. 187–192.

Zombart V. Burzhua [Bourgeois]. Moscow, Nauka, 1994. 403 p.

¹ This work was carried out with the Russian Humanitarian Scientific Fund financial support, grant No. 14-03-00710.

Kravchenko S. A. Sotsiokul'turnaia dinamika edy [Socio-cultural dynamics of Food]. Moscow, MGIMO-University, 2014. 195 p.

Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. Newbury Park, CA, Pine Forge Press, 2000. 320 p.

Shantz J. One Person's Garbage. Another Person's Treasure: Dumpster Diving, Freeganism, and Anarchy. VERB, 2005, Vol. 3, pp. 1–11.

Ofitsial'nyi sait «Slow Food» [Official website]. URL: <http://slowfood.com> [date of visit 24.08.2015].

Otchet Prodovol'stvennoi i sel'skokhoziaistvennoi Organizatsii OON [Report of Food and Agriculture Organization of United Nations]. URL: <http://www.fao.org/ag/ags/agsdivision/publications/publication/en/c/74045/> [date of visit 24.08.2015].

Diskussiiia o styde iskat' veshchi i edu v pomoinykh bakakh, organizovannaia v sotsial'noi seti Vkontakte [Vkontakte.com discussion on the topic of freeganism] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/topic-76066932_31257753 [date of visit 25.08.2015].

К методологии научных исследований

Общественно-политическое согласие в контексте демократической консолидации (аналитический обзор)

Михайленок Олег Михайлович –
доктор политических наук, профессор,
заведующий отделом исследования социально-
политических отношений, Институт социологии
Российской академии наук, Москва

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Общественно-политическое согласие в контексте демократической консолидации (аналитический обзор)

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические аспекты демократической консолидации и связанные с этим вопросы общеполитического согласия. Демократические преобразования во многом связаны с успехом демократической консолидации, главный результат которой заключается в достижении единства общества и власти и консенсуса в отношении целей, задач и направлений развития общества на демократическом пути. В современной России решение задачи достижения общественного согласия находится в стадии поисков, как и в целом задача реализации консолидации демократии. Поэтому сегодня важно использовать все возможности для более объективного изучения сложившейся ситуации, исследования механизмов демократической консолидации, охарактеризовать особенности текущего этапа этого процесса, проанализировать специфику деятельности государства, политической элиты, политических партий в процессе демократизации России. В качестве политического феномена общественная консолидация (или демократическая консолидация) понимается как процесс достижения ментального согласия граждан в отношении понимания стратегических проблем развития страны, направления и целей этого развития. Результатом такого политического согласия (консолидации) общества должны быть позитивные изменения во властных, политических и общественных отношениях и структурах. Консолидация будет способствовать развитию нашего общества, причём политическая консолидация приводит к единению и согласию граждан страны с различной этнической, конфессиональной принадлежностью, разным социальным и культурным положением. Результатом консолидации будет являться поддержка существующей политической системы и одобрение позитивных изменений в ней. Процесс и результат консолидации предполагают, что граждане и субъекты власти различных уровней приходят к согласию, чтобы деятельность общества была целенаправленной и согласованной. Только основываясь на сознательном отношении граждан, политических акторов, добровольности и убеждённости их действий, можно достичь политического компромисса. Консолидация невозможна без совместных действий властных структур и основной массы населения. Автор показывает, что консолидация служит как укреплению системы отношений власти, так и интеграции всего общества, а тем самым и повышению способности страны отразить внешние и внутренние угрозы, сохранить и укрепить российскую государственность и устои общественного организма.

Ключевые слова: общественно-политическое согласие, демократия, демократическая консолидация, консенсус

В связи с особым интересом, проявляемым в настоящее время к исследованию проблемы достижения общественно-политического согласия с целью определиться, по какому пути дальше будет развиваться Российская Федерация как общественно-политический организм, актуальным представляется задача выяснения соотношения понятий «политическое согласие» и «демократическая консолидация» или «консолидация демократии», «консолидированная демократия»¹.

Эти понятия, в значительной степени имеющие общий смысл, несмотря на всю дискуссионность их содержания и тем самым большую степень неопределённости, уже давно занимают значительное место в теоретических построениях, касающихся демократии как типа политического устройства общества и проблем перехода к такому строю путём политической модернизации.

Демократия рассматривается современными политологами как форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод. Демократию также характеризуют как ведущую форму социальной и политической организации общества, политического режима в стране, призванного обеспечивать суверенитет народа, власть большинства при охране прав меньшинства, неотчуждаемые права человека и гражданина.

В отношении стран, находящихся на пути демократических преобразований, для характеристики конечной цели демократического транзита (а иногда – одного из его этапов) политическими теоретиками используется понятие «консолидированной демократии».

В основе понятия «консолидированная демократия» лежит процесс консолидации если не всех, то большинства социальных классов, слоёв и групп. Причём консолидирующим основанием выступает демократия. Следовательно, в политических системах, достигших уровня консолидированной демократии, она приобретает необратимый характер, то есть стабильна, устойчива и способна к самореформированию.

Понятие «консолидированной демократии», вводимое транзитологами для отделения демократии в состоявшихся системах от демократии в «переходных обществах», по мнению А. В. Юшкевича, носит идеальный характер [Юшкевич 2008]. «Консолидированной демократией» обозначают лишь то, что всё общество сплотилось, консолидировалось по вопросу о демократии, однако эмпирические примеры демонстрируют нам невозможное существование полностью однородной общественной системы.

¹ В работе И. В. Конопелько [Конопелько 2004] понятие «демократическая консолидация» сопоставляется с близкими по смыслу понятиями: «консолидация демократии», «консолидированная демократия».

«Консолидированную демократию» можно рассматривать как результат процесса демократической консолидации, т. е. укрепления и сохранения демократии под действием основных факторов, определяющих стабилизацию демократических режимов в этих странах.

Если в рамках демократии результаты не всегда определены и предсказуемы, то, напротив, демократические процедуры вполне определены и предсказуемы. Понятие консолидированности и отражает в своём содержании эту важную характеристику развитой демократии: добровольное принятие демократических институтов и процедур всеми основными субъектами политических отношений, признание их единственно правильными и всеми приемлемыми.

Как отмечает А. Мельвиль, «консолидированная демократия – это именно такая, при которой никто не обладает правом «вето» на какой бы то ни было результат открытого и соревновательного демократического процесса» [Мельвиль 1999: 18].

Проблемы демократической консолидации стали актуальны в конце прошлого века в связи с формированием «третьей волны демократии» и разработкой концепции демократического транзита. Эта проблематика нашла отражение в работах А. Валенцуэла, Л. Даймонда, Г. О’Доннела, Р. Ригса, Ф. Шмиттера [Конопелько 2004]. Эти авторы рассматривали консолидацию как третью стадию процесса демократизации. А, например, согласно Э. Арато и Д. А. Коэну, в этом процессе следует различать стадии инициации, консолидации и завершения [Коэн, Арато 2003].

Сегодня можно рассматривать демократическую консолидацию не только в качестве процесса сплочения демократических объединений и движений, но и как актуальный для всего политического процесса консенсус отношений между политическими акторами по поводу правил демократической конкуренции, что не может не способствовать глубинным переменам в политической культуре общества.

Понятие демократической консолидации имеет множество аспектов, которые, наряду с политическим аспектом демократизации, подразумевает и такие характеристики развития демократии, как активная индустриализация, осуществление всеобщего среднего образования, развитие международных связей государства, а также признание лишь мирного, в рамках консенсуса, преобразования авторитарного режима в демократический.

Содержание понятия «демократическая консолидация» в политологии рассматривается в рамках двух основных подходов. Один из них связан с признанием консолидации, когда при формировании и утверждении политического режима соблюдается минималистское соответствие семи критериям так называемой полиархии в концепции Р. Даля [Мельвиль 2008: 27].

Демократическая консолидация, наряду с политическим аспектом демократизации, включает и такие характеристики, как активная индустриализация, осуществление всеобщего среднего образования, развитие международных связей государства, признание лишь мирного, в рамках консенсуса, преобразования авторитарного режима в демократический.

С точки зрения максималистского подхода к консолидации, последняя рассматривается в контексте процессов формирования развитого гражданского общества, утверждения правового государства, появления слоя бюрократии, ориентированной на поддержку демократии, успешной институционализации рыночной экономики.

По мнению Т. Карла и Ф. Шмиттера, основным содержанием понятия консолидации является, с одной стороны, окончательное формирование и утверждение демократических политических институтов, с другой – достижение согласия основных политических игроков в оценке результатов демократического политического процесса [Карл, Шмиттер 1991].

Л. Даймонд полагает, что консолидация демократии заключается в достижении состояния, когда демократия поддерживается широкими слоями населения и когда представители политической элиты убеждены в том, что демократический режим наиболее подходит для данной страны [Тургаев, Хренов 2005]. А вот у американских политологов Х. Линца и А. Степана консолидация связана с тем, что большинство общества привержено положениям, которые установлены конституцией страны [Линц, Степан 1997]. Причём все политические акторы убеждены, что эти нормы и правила будут соблюдаться также всеми участниками политического процесса.

У других авторов можно найти схожие определения консолидации, которые включают ряд существенных, с точки зрения этих авторов, характеристик. К их числу можно отнести открытость структуры, политическую конкуренцию и соревновательность, наличие институциональных структур представительства интересов. Процесс консолидации демократии предполагает также укоренение в обществе демократических норм и ценностей, а также соответствующих форм политического поведения. Как уже говорилось, консолидация невозможна без достижения согласия элит относительно институтов демократии и поддержки этих институтов в обществе.

Как отмечает Е. В. Бродовская, при наличии в политологической литературе различных определений демократической консолидации, последнюю можно интерпретировать как в узком значении (демократическая консолидация как состояние устойчивости и длительности существования демократического режима), так и в расширительном смысле (предполагающем комплекс структурных и процедурных изменений). Она пишет: «В свою очередь, расширенное понимание демократической консолидации, по замечанию известного австрийского политолога А. Шедлера, привело к тому, что в этот процесс стали включаться такие разные пункты, как массовая легитимизация режима, распространение демократических ценностей, нейтрализация антисистемных акторов, обеспечение верховенства гражданских лиц над военными, устранение

авторитарных анклавов, партийное строительство, организация функциональных интересов, стабилизация электоральных правил, рутинизация политики, децентрализация государственной власти, введение механизмов прямой демократии, судебная реформа, облегчение положения бедных и экономическая стабилизация» [Бродовская 2009: 71].

Представляющий структурную теорию демократии Л. Даймонд полагает, что важнейшей предпосылкой эффективной консолидации демократических институтов является наличие и степень развития структур и элементов гражданского общества. Он рассматривает сферу гражданского общества в качестве проявления публичной активности граждан как опосредующий элемент взаимодействия частных интересов, интересов государства и собственно политических акторов.

По убеждению Л. Даймонда, именно в рамках гражданского общества усваиваются основные демократические ценности, в частности такие важные, как склонность к компромиссу и уважение противоположных точек зрения. При этом решающее для успешной консолидации условие – политическая институализация, поскольку консолидация рассматривается им как процесс расширения и углубления демократии, признания её большинством граждан, что исключает риск её разрушения. Л. Даймонд считает, что «гражданское общество может и в основном должно играть значительную роль в создании и консолидации демократии ... Чем более активно, плюралистично, ресурсоёмко, институционализировано и демократично гражданское общество, чем более эффективно ему удаётся уравнивать трения с государством, возникающие в связи с вопросами независимости и сотрудничества, сопротивления и лояльности, скептицизма и доверия, агрессивности и цивилизованности, тем более вероятно, что демократия появится и укрепится» [Diamond 1994: 16].

Сегодня одним из самых популярных в политологии пониманий современной демократии является её интерпретация в качестве полиархии, причём не как системы правления, полностью воплощающей демократические идеалы, но как власти, пытающейся в той или иной мере приблизиться к ним.

Наиболее известный исследователь плюралистических моделей демократии, Роберт Даль с целью последовательного различения идеальной и институциональной форм демократии предложил использовать для характеристики институционального оформления демократических систем понятие полиархии, введя термин «полиархическая демократия» [Мельвилль 2008: 27].

В демократиях, имеющих плюралистический характер, консолидацию можно рассматривать в качестве естественного средства сохранения мирных отношений. Согласно Р. Далю,

Сегодня одним из самых популярных в политологии пониманий современной демократии является её интерпретация в качестве полиархии, причём не как системы правления, полностью воплощающей демократические идеалы, но как власти, пытающейся в той или иной мере приблизиться к ним.

консолидация – неотъемлемая составляющая демократии, сформировавшей политические институты публичного согласования интересов различных групп, причём в общественном мнении преобладает стремление к мирному разрешению конфликтов. При этом Р. Даль считает, что конструктивные, созидательные компромиссы являются достаточно эффективным средством снятия напряжения в реальных противоречиях сторон, исключив необходимость прибегать к силовому разрешению конфликта.

Американский политолог Филипп Шмиттер подчёркивает, что консолидация демократии представляет собой условие демократизации общества. Он рассматривает процесс консолидации как реализацию выбора направления формирования норм политического поведения, как правило, на основе договорённостей и взаимного согласия.

То есть главный выбор заключается в определении институтов, которые устраивали бы политических деятелей и которые поддержали бы граждане. Как и Р. Даль, Ф. Шмиттер выступает за необходимость достижения согласия о тех правилах поведения, которые бы могли помочь разрешить возникающие конфликты. То есть по существу речь также идёт о компромиссе как основе консолидированной демократии. По мнению Ф. Шмиттера, говоря о современной демократии, следует иметь в виду, что она концептуализируется не как «режим», а как компромисс множества «частных режимов» [Шмиттер 1996].

Консолидацию демократии можно рассматривать в качестве решающего этапа в процессе преобразования авторитарного режима в демократическую форму правления. Как правило, начало этапа связано с крахом предыдущего режима, а его окончанием можно считать обретение демократией собственной основы развития, что позволяет ей при всех существенных изменениях в экономической, социальной, политической сферах продолжать устойчивое развитие.

В процессе консолидации демократии формируются новые политические отношения, обеспечивающие как субъективное принятие демократических ценностей и норм, так и надёжность длительного функционирования демократических институтов (что, конечно, взаимосвязано). Следует отметить, что проблема консолидации демократии неразрывно связана с самой проблемой процессуальной переходности демократических форм властвования: «Если консолидированная демократия не заканчивает процесс перехода, то, по-видимому, можно говорить о целой эпохе переходов от одного вида демократического режима к другому. То есть консолидированная демократия является базисным условием выбора системой подходящей модели демократии» [Конопелько 2004]. Следует согласиться с мыслью о том, что под обществом, которое назы-

В процессе консолидации демократии формируются новые политические отношения, обеспечивающие как субъективное принятие демократических ценностей и норм, так и надёжность длительного функционирования демократических институтов.

вается демократией, как правило, скрывается непрерывная эволюция демократических норм и соответствующих практик, а также необыкновенное разнообразие институтов и структур.

Исследователи консолидированной демократии считают, что институциональное оформление демократического режима связано также с интенсивной ресоциализацией граждан, что должно обеспечить взаимную адаптацию политической системы и социокультурного пространства. Консолидация реализуется в процессе принятия большинством членов общества демократических ценностей, норм, правил и процедур в качестве легитимных и эффективных. Поэтому, по мнению Е. В. Бродовской, необходимо анализировать демократическую консолидацию не только с институциональных, но и с социокультурных позиций [Бродовская 2009: 71].

Таким образом, демократическая консолидация не ограничивается лишь собственно политическим аспектом. При рассмотрении демократической консолидации следует иметь в виду, что она представляет собой не только проявление сплочения демократических сил общества, но и затрагивает весь политический режим, отношения между различными политическими акторами, действующими в соответствии с правилами демократической конкуренции, приводит к глубоким трансформациям политической культуры общества.

Как считают политологи, для результативной переходной демократии, кроме формирования демократических институтов, для устойчивости демократического режима необходимо также формирование гражданской культуры, усиления в обществе значимости социального капитала. Два взаимосвязанных элемента процесса трансформации – институциональный и социокультурный – тесно взаимосвязаны. Таким образом, о достижении значительного уровня демократической консолидации свидетельствуют не только продолжительность существования демократических институтов, их устойчивое воспроизводство даже в кризисных условиях, но и эффективная взаимосвязанная трансформация институциональных и ценностно-нормативных составляющих процесса демократизации.

Другой подход к прояснению содержания понятия консолидации предполагает учёт значимости достижения компромисса между политическими соперниками, имеющими зачастую несовместимые интересы. Необходимо интерпретировать их таким образом, чтобы создать ситуацию, в рамках которой, при уважении свободы партнёров, уменьшалась бы непредсказуемость их действий. Некоторая неопределённость может быть приемлема, но при наличии атмосферы взаимного доверия между политиками и простыми гражданами, основанной на признании демократических ценностей и направленной на противодействие анархии [Баранов 2006].

О достижении значительного уровня демократической консолидации свидетельствуют не только продолжительность существования демократических институтов, их устойчивое воспроизводство даже в кризисных условиях, но и эффективная взаимосвязанная трансформация институциональных и ценностно-нормативных составляющих процесса демократизации.

По мнению О`Доннела, демократическая консолидация означает «эффективное функционирование демократического режима», а это предполагает укрепление демократической общественно-политической системы, признание подавляющей частью общества ценностей демократии, осознание последней в качестве более совершенной формы политического правления по сравнению с другими видами политического устройства [O`Donnell 1992: 18].

Демократическая консолидация реализует свой потенциал в том случае, если в обществе не видят других альтернатив, не принимают популистские проекты быстрого построения общества всеобщего благоденствия, осознают бесперспективность попыток найти наиболее выигрышные формы политического режима.

Известные специалисты по проблемам демократии (А. Мельвиль, У. Рейзингер, Ф. Шмиттер) убеждены в том, что под консолидацией демократии следует понимать не просто демонстрацию и усилия по признанию обществом демократических процедур с неопределённостью их результатов, но и как способствование обеспечению стабильности и жизнеспособности демократических структур.

Ясно, что консолидация подразумевает упорную и целенаправленную работу по конструированию и внедрению в общественное сознание демократических процедур, согласованию деятельности демократических институтов в обществе. Демократическая консолидация невозможна без согласованных усилий правящего режима и оппозиции приобщить общество к правилам демократической игры и научить уважать их. Нельзя обойти вниманием и задачу переубедить радикально настроенные слои в том, что не всякий «оппортунизм» и «соглашательство» в политике неблагоприятны и заслуживают лишь сурового осуждения.

Рассмотренные здесь подходы к консолидации демократии свидетельствуют об отсутствии какой-либо единой парадигмы в этой сфере исследования.

Подчеркнём также, что проблемными и существенно различными являются и представления о критериях консолидированной демократии, её содержании и существенных чертах, сложившиеся в рамках разных теоретических подходов.

Можно предположить, что переходные процессы сложно вписываются в логически завершённую схему, так как, с одной стороны, велико значение субъективного компонента политического процесса, порождающего множество случайных величин; с другой стороны, в них появляется много новых механизмов и характеристик, требующих нестандартных концептуальных разработок.

В современной России решение задачи достижения общественного согласия находится в стадии поисков, как и в целом задача реализации консолидации демократии.

Поэтому сегодня важно использовать все возможности для более объективного изучения сложившейся ситуации, исследования механизмов демократической консолидации, чтобы охарактеризовать особенности текущего этапа этого процесса, проанализировать специфику деятельности государства, политической элиты, политических партий в процессе демократизации России.

Следует признать, что демократическая консолидация в России в процессе посткоммунистической трансформации политической системы развивалась в условиях ограниченных возможностей достижения консенсуса между субъектами политического процесса, жёстко конкурирующими между собой. Затем начатые преобразования лишь укрепили мобилизационный тип взаимоотношений элит и широких масс. Этим можно объяснить и то обстоятельство, что массовое сознание не видит в демократии механизма практического взаимоучёта интересов власти и гражданского общества. Как полагают эксперты, эти особенности политического участия не только не дают возможности продвинуться в развитии консолидации демократии на процедурно-поведенческом уровне, но и делают решающим фактором сохранения стабильности политической системы качество электорального процесса.

Как считает Е. В. Бродовская, демократическая консолидация в современной России не выходит на новый уровень по причине отсутствия ценностного основания (не может быть достигнут базовый функционально-целевой консенсус) и неразвитости её поведенческой составляющей (политический уровень массовых субъектов не соответствует потребностям созданных институциональных структур). Рассмотрение поведенческого аспекта демократической консолидации говорит о продолжающемся поиске тех форм массовой вовлечённости в политический процесс, которые обеспечивали бы стабильность политической системы, а также эффективных способов взаимодействия групп, имеющих разнонаправленные интересы, реальных рычагов влияния общества на власть. «Исходя из этого, институциональное «дотраивание» политической системы, её постепенная «партизация» могут рассматриваться как попытка правящей элиты скорректировать дефицит демократических акторов, снизить поляризованность ценностных ориентаций массовых и элитных групп, усилить интегративные возможности последних», – пишет Е. В. Бродовская [Бродовская 2008].

Таким образом, можно констатировать, что Россия только начинает свой путь в направлении многоуровневой консолидации. Как показывает анализ деятельности представителей политической элиты и властных структур, можно наблюдать попытки создания институциональных предпосылок для обеспечения процесса консолидации общества.

Характеризуя данный этап консолидации, следует отметить, что в поведенческом аспекте происходит формирование особого нормативного консенсуса, который определяет такую особенность процесса коммуникации общества и власти путём политической мобилизации, как рост степени подверженности этого процесса влиянию ситуационных обстоятельств. В рамках социологической парадигмы обеспечение консолидации режима происходит с помощью укрепления вертикали власти (усилением централизации отношений федеральной и региональной властей), формирования устойчивого политического большинства (посредством нейтрализации антисистемных акторов), а консолидация общества выражается в достижении состояния консолидации-адаптации, которая в массовом сознании сочетается с уверенностью в невозможности возврата к прежней политической системе.

При этом следует подчеркнуть, что в традиционной интерпретации демократическая консолидация имеет в своей основе иные принципы. Одними из главных являются: децентрализация, конкурентность, плюрализм. Отступление от этих принципов делает интеграционные процессы управляемыми, контролируруемыми, бюрократизированными. В литературе встречаются точки зрения, согласно которым определённый уровень консолидации, достигнутый в процессе посткоммунистической трансформации, в той или иной мере является отражением особенностей российского общества, которое оказалось не готовым к консолидации и демократическому консенсусу ни в ценностном, ни в поведенческом отношении. Этому способствовало и низкое качество властвующих элит, и неэффективность функционирования политической инфраструктуры, и неразвитость демократических институтов в целом.

С достаточным основанием можно предположить, что сегодня консолидация существующего режима, с точки зрения властных структур, является основным сдерживающим фактором против внутренней и внешней угрозы суверенитету, а также угрозы усиления влияния радикальных группировок (как левых, так и правых) с целью разрушения существующей политической системы.

В то же время стратегию последовательной, комплексной и жёсткой защиты национальных интересов при сохранении открытости страны, демократических институтов и рыночных механизмов российского образца пытались представить под различными терминологическими обозначениями, например: «суверенная демократия», «управляемая демократия», «национальная демократия» и т. д.

Что касается «управляемой демократии», то И. В. Конопелько считает, что для современной российской действительности (обратим внимание, что речь идёт о первой половине прошедшего десятилетия – О. М.) наиболее подходящим

Обеспечение консолидации режима происходит с помощью укрепления вертикали власти, формирования устойчивого политического большинства (посредством нейтрализации антисистемных акторов), а консолидация общества выражается в достижении состояния консолидации-адаптации, которая в массовом сознании сочетается с уверенностью в невозможности возврата к прежней политической системе.

является вариант «управляемой демократии», которая будет способна сохранять движение в направлении полномасштабной демократии и будет способствовать обеспечению реальной демократической консолидации общества.

Деятельностные характеристики этих процессов свидетельствуют о том, что для современной российской политической элиты по-прежнему характерно использование административных методов как в политической, так и в экономической сферах. А это предполагает возможность преимущественно заниматься переделом и перераспределением собственности, а не поисками эффективных решений насущных вопросов.

Однако если проанализировать стилевые характеристики деятельности российской политической элиты и сопоставить их с методами управления западного типа, то приверженность программно-целевым подходам нашей элиты можно объяснить преобладанием технократических представлений о сущности управленческого воздействия. Кроме ментальных особенностей, существует и ряд объективных факторов, влияющих на данное положение дел.

И. Конопелько, анализируя эти объективные факторы, приходит к выводу, что политические, социально-экономические и цивилизационные особенности развития России, в отличие от западных государств, предполагают наиболее подходящий для наших условий именно программно-целевой метод политического управления, который оказывается «наиболее адекватным и единственным, позволяющим сохранить государственную целостность и идентичность в условиях сложившихся геополитических и географо-климатологических реалий» [Конопелько 2004].

Возвращаясь собственно к консолидации общества, следует отметить, что особенности функционирования социально-политических отношений в России обуславливают влияние на процесс консолидации как позитивных, так и негативных факторов. Позитивное воздействие на консолидацию безусловно оказывают объединяющие, то есть разделяемые если не большинством граждан, то хотя бы большинством экспертного сообщества, значительной частью элиты и простых граждан политические, этнокультурные, социальные, экономические идеи и действия. Нарастание консолидирующих тенденций проявляется в период выборов или в условиях роста угроз внешней и внутренней нестабильности. Сюда же можно отнести укрепление таких значимых ценностей, как патриотизм, социальная справедливость, взаимоуважение и взаимопомощь. Имеет значение и внедрение в общественное сознание представлений об общей исторической судьбе народов России. Наконец, важным консолидирующим фактором может стать формирующийся консенсус по поводу путей, целей, задач, методов построения демократического общества в России.

Противостоят консолидированию общества такие факторы, как относительно низкие показатели социально-экономического развития, кризисные явления в экономике, противоречия между политикой федерального центра и регионов, отсутствие достаточно развитого гражданского общества, проявления национализма, ксенофобии, межэтнические конфликты, сохраняющиеся угрозы террористических актов. В этих условиях, по мнению Е. А. Агеевой, речь может идти только о реальной осуществимости так называемой фрагментарной консолидации [Агеева 2004].

Кроме того, нельзя не считаться с тем, что современное российское общество характеризуется дифференцированным восприятием демократических ценностей представителями различных социальных групп, в частности представителями разных поколений. Так, для молодёжи более значимы ценности активности, участия; средневозрастной слой в значительной степени склонен идеализировать демократию в целом; среди представителей старшего поколения востребованы ценности, реально недостижимые в условиях советского строя (свободные выборы, реальное избрание Президента непосредственно народом, свободное участие в деятельности различных политических партий и т. д.). Естественно сделать вывод, что перспективы консолидации в первую очередь определяются социально-инновационным потенциалом молодёжи, поддержанной другими возрастными слоями.

В качестве политического феномена общественная консолидация (или демократическая консолидация) понимается как процесс достижения ментального согласия граждан в отношении понимания стратегических проблем развития страны, направления и целей этого развития. Результатом такого политического согласия (консолидации) общества должны быть позитивные изменения во властных, политических и общественных отношениях и структурах. Консолидация будет способствовать развитию нашего общества, причём следует подчеркнуть, что политическая консолидация приводит к единению и согласию граждан страны с различной этнической, конфессиональной принадлежностью, разным социальным и культурным положением. Результатом консолидации будет являться поддержка существующей политической системы и одобрение позитивных изменений в ней.

Процесс и результат консолидации предполагают, что граждане и субъекты власти различных уровней приходят к согласию, чтобы деятельность общества была целенаправленной и согласованной. Только основываясь на сознательном отношении граждан, политических акторов, добровольности и убеждённости их действий можно достичь политического компромисса. Консолидация невозможна без совместных действий властных структур и основной массы населения.

Как представляется, консолидация служит как укреплению системы отношений власти, так и интеграции всего общества, а тем самым и повышению способности страны отразить внешние и внутренние угрозы, сохранить и укрепить российскую государственность и устойчивый общественный организм.

Отсюда можно сделать вывод, что только опираясь на позитивный консенсус (иначе называемый функционально-целевым согласием), явившийся результатом эффективного взаимодействия государства и общества, можно обеспечить формирование и укрепление демократии.

Таким образом, можно говорить о двух взаимосвязанных явлениях, образующих механизмы согласованного регулирования политических отношений. Это компромисс и консенсус. И компромисс, и консенсус характеризуют определённый тип ментальности, особое восприятие себя и других людей, участвующих в совместной деятельности.

Под консенсусом (в общеполитическом смысле) понимается наличие единства взглядов и ценностных ориентаций большинства граждан в отношении стратегических вопросов развития общества и государства, устройства социальной жизни, обеспечения безопасности.

Достижение общенациональных целей и решение глобальных задач по формированию и развитию демократического общества основывается на определённой системе ценностей и норм, объединяющих конкретное общество и гарантирующих его стабильность.

Несмотря на то, что в современной России очевидна необходимость использования компромиссов и роль их постоянно растёт, говорить о полном преодолении использования насильственных, силовых методов урегулирования конфликтов пока рано. Однако есть надежда, что всё большее число политических деятелей, представителей управленческих структур будет склоняться к компромиссу как основному методу преодоления конфликтов в общественной и политической жизни страны.

В этом смысле следует отметить, что большинство концепций, программ, направленных на стратегическое развитие страны, включают положения, ориентирующие на усиление мер по консолидации общества, достижение консенсусного согласия граждан и государства. Однако при этом не даётся обоснований политических аспектов, условий, технологий обеспечения консолидации.

Это во многом связано с тем, что в политической науке пока недостаточно разработана проблема демократической консолидации общества, в частности её собственно политических аспектов так же, как и связанные с проблемой консолидации вопросы общеполитического согласия граждан и власти в отношении перспектив развития страны.

Только опираясь на позитивный консенсус (иначе называемый функционально-целевым согласием), явившийся результатом эффективного взаимодействия государства и общества, можно обеспечить формирование и укрепление демократии.

Поэтому формирование и укрепление демократии в нашей стране представляет собой довольно медленный, связанный с воздействием определённых негативных факторов процесс, результаты которого тем не менее свидетельствуют о том, что стремление к достижению политического согласия в обществе укрепляется, идёт работа над выработкой оптимального сочетания интересов различных политических сил, происходят позитивные изменения в ориентациях политической элиты, наблюдается стремление продвинуться по пути поисков устойчивого баланса интересов государства и гражданского общества.

Сегодня нельзя не осознать, что демократическая консолидация является необходимым этапом становления демократии. Демократические преобразования во многом связаны с успехом демократической консолидации, главный результат которой заключается в достижении единства общества и власти и консенсуса в отношении целей, задач и направлений развития общества на демократическом пути.

Как уже говорилось, Россия только начинает свой путь в направлении достижения общественно-политического согласия, она только вступила в начальную стадию демократической консолидации. Поэтому актуальны теоретические и прикладные политологические исследования, посвящённые данной проблеме. Необходима интенсификация изучения вопросов политической консолидации и обеспечения достаточного уровня политической стабильности в условиях демократического транзита.

Библиографический список

Агеева Е. А. 2004. Политические аспекты консолидации современного российского общества (На примере полиэтнического региона). Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва // Веб-сайт «Человек и наука». URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskie-aspekty-konsolidatsii-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva> [Дата посещения: 12.06.2015].

Баранов Н. А. 2006. Трансформации современной демократии: Учебное пособие. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т // Веб-сайт «Виртуальный учебно-методический кабинет. Политическая наука: электронная хрестоматия». URL: http://read.virmk.ru/b/BARANOV_DEMOKRATIA/00.htm [Дата посещения: 12.06.2015].

Бродовская Е. В. 2009. Коэволюция институциональных и социокультурных составляющих трансформации политической системы современной России. Тула: Изд-во ТулГУ. 211 с.

Бродовская Е. В. 2008. Трансформация политической системы современного российского общества: институциональные и социокультурные составляющие. Автореф. дис. док-

тора полит. наук. Тула // Веб-сайт «Человек и наука». URL: http://www.ceninaku.ru/page_15390.htm [Дата посещения: 12.06.2015].

Карл Т. Л., Шмиттер Ф. 1991. Что есть демократия? // Веб-сайт «Политнаука. Политология в России и в мире». URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/karl-shmitter.php> [Дата посещения: 12.06.2015].

Конопелько И. В. 2004. Демократическая консолидация в условиях современного политического процесса. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь // Веб-сайт «Человек и наука». URL: <http://cheloveknauka.com/demokraticheskaya-konsolidatsiya-v-usloviyah-sovremennogo-politicheskogo-protsessa> [Дата посещения: 12.06.2015].

Коэн Д. Л., Арато Э. 2003. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир. 784 с.

Линц Х., Степан А. 1997. «Государственность», национализм и демократизация // Веб-сайт «Сетевой портал журнала «Полис». URL: http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicacii_Polisa/L/1997-5-2-Linz,Stepan_Gosudarstvennost_nacinalizm_demokratiya.pdf [Дата посещения: 12.06.2015].

Мельвиль А. Ю. 1999. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М.: РОССПЭН. 108 с.

Мельвиль А. Ю. 2008. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности»). М.: МГИМО-Университет. 135 с. // Официальный сайт «МГИМО университет». URL: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=58360> [Дата посещения: 12.06.2015].

Тургаев А. С., Хренов А. Е. 2005. Политология в схемах и комментариях. СПб.: Питер. 304 с.

Шмиттер Ф. 1996. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Политические исследования. № 5. Веб-сайт «Виртуальный учебно-методический кабинет. Политическая наука: электронная хрестоматия». URL: <http://read.virmk.ru/h/Shmitter.htm> [Дата посещения: 12.06.2015].

Юшкевич А. В. 2008. Консолидированная демократия: проблема конвенциональности понятия в рамках теорий демократического транзита // Без темы. № 1 (7). С. 82–89.

Diamond L. 1994. Toward Democratic Consolidation // Journal of Democracy. July. № 3. Цит. по: Цыганков А. Современные политические режимы: структура, типология, динамика // Веб-сайт «Библиотека Гумер. Политология». URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Cigank/index.php [Дата посещения: 12.06.2015].

O'Donnell G. 1992. *Transitions, Continuities and Paradoxes* // Mainwaring Sc., O'Donnell G. and Valenzuela A. (Eds.). *Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective*, Notre Dame. Цит. По: Баранов Н. А. Трансформации современной демократии: Учебное пособие. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т. // Веб-сайт «Виртуальный учебно-методический кабинет. Политическая наука: электронная хрестоматия». URL: http://read.virmk.ru/b/BARANOV_DEMOKRATIA/00.htm [Дата посещения: 12.06.2015]

Socio-Political Accord in the Context of Democratic Consolidation (Analytical Review)

Mikhaylionok Oleg Mikhailovitch

Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor; Head of the Department for Research of Social and Political Relations, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Abstract. The article analyzes theoretical aspects of democratic consolidation and the related problems of socio-political accord. Democratic reforms are in many respects linked with the success of democratic consolidation, the main result of which consists in the achievement of unity between the society and government, as well as the consensus of goals, objectives and tendencies for the society having chosen the democratic way of development. In modern Russia, solving the problem of social accord achievement is now at a search phase, like the objective of implementing democratic consolidation on the whole. Today, therefore, it is essential to enact all the opportunities for a more objective examining of the situation and of democratic consolidation mechanisms, to characterize the features of this process current phase, to analyze the specifics of State, of political elite's and political parties' activities in the process of democratization of Russia. The social (or democratic) consolidation as a political phenomenon is conceived as a process of achieving all the citizens' mental accord in relation to understanding strategic development problems, as well as directions and goals of this development. This political accord (consolidation) of the society should result in positive changes of governmental, political and social relations and structures. The consolidation will stimulate the development of our society and will lead to the unity of citizens with different ethnic and confessional affiliation, and with various social and cultural statuses. Moreover, the consolidation will result in the support of existing political system and in the general approval of positive changes taking place. Process and result of consolidation suggest that citizens and government subjects on different levels should come to a consensus to make social activity focused and consistent. The political compromise can be achieved only on basis of the citizens' and political actors' conscientious attitude, their voluntary and convinced actions. The consolidation is impossible without the coordinated activity of government structures and the bulk of the population. The author shows that the consolidation serves to strengthen both government relations and the whole society integration, and thus to enhance the country's ability to repel external and internal threats, to preserve and fortify the Russian state sovereignty and the foundations of the social organism.

Keywords: socio-political accord, democracy, democratic consolidation, consensus

References

Ageeva E. A. *Politicheskie aspekty konsolidatsii sovremennogo rossiyskogo obschestva (Na primere polietnicheskogo regiona)* [Political Aspects of the Consolidation of the Modern Russian Society (on an Example of a Multi-ethnic Region)]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Moskva, 2004. Website «Chelovek i nauka». URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskie-aspekty-konsolidatsii-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva> [date of visit 12.06.15].

Baranov N. A. Transformacii sovremennoy demokratii [Transformations of Modern Democracy]. Website «Virtual'ny uchebno – metodichesky kabinet. Politicheskaja nauka: elektronная hrestomatija». URL: http://read.virmk.ru/b/BARANOV_DEMOKRATIA/00.htm [date of visit 12.06.15].

Brodovskaja E. V. Kojevoliucija institucional'nykh i sociokul'turnykh sostavljajuschikh transformacij politicheskoy sistemy sovremennoy Rossii [Co-evolution of Institutional and Socio-cultural Components of the Transformation of the Political System of Modern Russia]. Tula, Izd-vo TulGU, 2009. 211 p.

Brodovskaja E. V. Transformacija politicheskoy sistemy sovremennogo rossiyskogo obschestva: institucional'nye i sociokul'turnye sostavljajuschie [The transformation of the political system of a modern Russian society: institutional and socio-cultural components]. Avtoref. dis. doktora polit. nauk. Tula, 2008. Website «Chelovek i nauka». URL: http://www.ceninauku.ru/page_15390.htm [date of visit 12.06.15].

Cohen D. L., Arato A. Grazhdanskoe obschestvo i politicheskaja teorija [Civil Society and Political Theory]. Moscow, Ves' Mir, 2003. 784 p.

Diamond L. Toward Democratic Consolidation. Journal of Democracy, 1994, July, no 3.

Karl T. L., Shmitter F. Chto est' demokratiya? [What is a Democracy] Website «Politnauka. Politologija v Rossii i v mire». URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/karl-shmitter.php> [date of visit 12.06.15].

Konopel'ko I. V. Demokraticeskaja konsolidacija v uslovijah sovremennogo politicheskogo processa [Democratic Consolidation in the Modern Political Process]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. – Stavropol'. Website «Chelovek i nauka». URL: <http://cheloveknauka.com/demokraticeskaya-konsolidatsiya-v-usloviyah-sovremennogo-politicheskogo-protssesa> [date of visit 12.06.15].

Linc H., Stepan A. «Gosudarstvennost'», nacionalizm i demokratizacija [“Statehood”, nationalism and democratization]. «Polis» official website. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/L/1997-5-2-Linz,Stepan_Gosudarstvennost_nacinalizm_demokratiya.pdf [date of visit 12.06.15].

Mel'vil' A. Y. Demokraticheskie tranzity (teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty) [Democratic transition (theoretical, methodological and applied aspects)]. Moscow, ROSSPEN, 1999. 108 p.

Mel'vil' A. Y. Kak izmeriat' i sravnivat' urovni demokraticeskogo razvitiya v raznykh stranakh? (Po materialam issledovatel'skogo proekta «Politicheskij atlas sovremennosti») [How to measure and compare the levels of democratic development in the different countries? (According to the research project “Political Atlas”)]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2008. 108 p. «MGIMO universitet» official website. URL: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=58360> [date of visit 12.06.15].

O'Donnell G. Transitions, Continuities and Paradoxes. Sc. Mainwaring, G. O'Donnell and A. Valenzuela (Eds.), Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective. Notre Dame, 1992.

Turgaev A. S., Hrenov A. E. Politologija v shemakh i kommentarijakh [Political Science in diagrams and comments]. Saint-Petersburg, 2005. 304 p.

Shmitter F. Razmyshlenija o grazhdanskom obschestve i konsolidacii demokratii // Politicheskije Issledovaniya, 1996, no 5. Website «Virtual'ny uchebno – metodichesky kabinet. Politicheskaja nauka: elektronная hrestomatija». URL: <http://read.virmk.ru/h/Shmitter.htm> [date of visit 12.06.15].

Yushkevich A. V. Konsolidirovannaja demokratiya: problema konvencional'nosti poniatija v ramkakh teorii demokraticeskogo tranzita [Consolidated Democracy: the Problem of the Concept of Conventionality in the Framework of Democratic Transition]. Bez temy, 2008, no 1 (7). P. 82–89.

Межэтнические отношения

Межэтническое согласие в контексте общественно- политических ориентаций (опыт московского региона)

Арутюнова Екатерина Михайловна –
кандидат социологических наук, старший
научный сотрудник Центра исследования
межнациональных отношений, Институт
социологии Российской академии наук, Москва.

E-mail: 981504@mail.ru

Межэтническое согласие в контексте общественно- политических ориентаций (опыт московского региона)

Аннотация

В статье¹ на основании данных социологического исследования проблем межэтнического согласия рассмотрены некоторые общественно-политические ориентации москвичей в сочетании с вопросами межэтнического взаимодействия, а также то, как состояние сознания в общественно-политической сфере влияет на их консолидацию как россиян. Эмпирической базой статьи стало социологическое исследование, направленное на многостороннее изучение проблемы межэтнического согласия в российских регионах, на данном этапе – в Москве, осуществляемое Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН. Общая ситуация в изучаемой сфере в современной России характеризуется низкой общественной и политической активностью россиян, слабой ориентацией на соблюдение прав человека и ценность гражданских свобод. Наши данные по Москве подтверждают это, демонстрируя, помимо того, максимальный запрос на равенство перед законом. Ключевыми для анализа в статье стали две позиции – предпочтение свободы и отношение к западному образу жизни для России. Выбирая между свободой и материальным благосостоянием как ценностями, респонденты в нашем исследовании чаще отдают приоритет свободе, но её понимание в российском культурном контексте преимущественно не совпадает с пониманием её в духе либеральных ценностей. Также большинство опрошенных поддерживают мнение, что России не нужен западный образ жизни. Эти позиции были рассмотрены в соотношении с такими установками в межэтническом взаимодействии как готовность к принятию людей другого этнического происхождения в разных сферах жизни, готовность к защите интересов своего народа (в том числе любыми средствами), допустимость насилия в случае ущемления интересов своего народа, отношение к ограничению приезда в Москву сограждан из республик России, статус русских в государстве. Ключевой вывод заключается в том, что ориентация на свободу в противопоставление материальному благополучию, а также мнение о том, что России стоит жить по тем же правилам, что и западные страны, сопутствует более позитивным установкам в межэтническом взаимодействии.

Ключевые слова: межэтническое согласие, идентичность, установки, общественно-политические ориентации

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-01963, проект «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии (2014–2016)»).

Одно из важных условий нормальной жизни общества – позитивная долговременная консолидация – тесно связано с гражданским участием, формированием гражданских институтов, сетевым взаимодействием. Российские реалии постсоветских лет свидетельствовали о том, что в идентичности присутствовали как позитивные, так и негативные моменты. Первые связаны с ростом значимости новой, собственно общероссийской идентичности, что неоднократно фиксировалось социологическими исследованиями и анализировалось в публикациях [Гражданская, этническая и региональная идентичность... 2013]. Вторые – с недостаточным развитием реального гражданского общества через горизонтальные связи, новой актуализацией образа врага в общественном мнении и консолидацией вокруг него, что дало основание Л. Гудкову говорить о негативной идентичности россиян как особом механизме социокультурной консолидации [Гудков 2004]. В этих условиях, осложняемых новыми социально-экономическими проблемами, обеспечение межэтнического (межнационального) согласия в многообразной России остаётся одной из ключевых задач и государства, и общества. «Межэтническое согласие» мы понимаем как «систему установок на бесконфликтное, диалоговое регулирование противоречивых ситуаций, стремление к достижению справедливых решений проблем, возникающих в ходе развития, межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее видение «образа мира» [Введение... 2014: 4].

Эмпирической базой статьи стало социологическое исследование, направленное на многостороннее изучение проблемы межэтнического согласия в российских регионах, на данном этапе – в Москве, осуществляемое Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН. В исследовании мы выделяем респондентов, давно или с рождения живущих в Москве («местные»), и респондентов, живущих в Москве недавно (приехавших после 2007 г.), («приезжие»), в обоих случаях это российские граждане¹. Цель статьи – показать соотношение межэтнических установок с ценностями и ориентациями в общественно-политическом поле.

Контекст нашего исследования мы демонстрируем, опираясь на данные опросов общественного мнения Левада-центра, касающиеся прав и свобод человека, предпочтений обще-

¹ Использовалась трёхступенчатая случайная вероятностная территориальная выборка, N=1200. Выборка по коренному населению была распределена по административным округам г. Москвы пропорционально численности их населения в объёме 800 респондентов. Отбор дополнительной выборки приезжих (400 респондентов) происходил целевым образом по следующим признакам: гражданство России, национальность (представители народов Северного Кавказа, а также якуты, буряты, калмыки) и проезд в Москву не ранее 2007 г. Опрос производился в местах предположительного размещения (студенческие общежития) и занятости (вузы, предприятия малого и среднего бизнеса, государственные).

ственно-политического устройства и гражданских ценностей. Исследование началось в сложный период, когда российское общество переживает развитие и последствия ситуации вокруг Крыма и Украины, подъём патриотических настроений, усиление массового воздействия дискурса СМИ.

Уровни общественной и политической активности россиян довольно низкие. Политическая, как правило, сводится к голосованию на выборах: по данным Левада-центра в 2015 г. 23% опрошенных говорили о готовности более активно участвовать в политике, а причинами неучастия (71% не готовы более активно участвовать) чаще всего называют невозможность разобраться или ощущение бесполезности своего участия.¹ По нашим данным, в Москве участие в выборах – также фактически единственная общественно-политическая активность. Все остальные виды гражданского участия, в том числе в общественных организациях, волонтерство или наблюдение в ходе выборов распространены не более чем среди 1–4% опрошенных нами и москвичей, и приезжих. Никакого участия в политической и общественной жизни страны не принимают 63% приезжих и 32% давно живущих москвичей. Возрастные отличия ожидаемы – чем старше респонденты, тем чаще они принимают участие в выборах, у москвичей различие достигает нескольких десятков процентов, например, на местных выборах голосуют 32% из самой молодой возрастной группы (18–25 лет) и 69% из самой старшей (выше 60 лет). Различие по национальности здесь никак не делит подвыборку местных – нельзя сказать, что русское большинство среди москвичей более или менее активно.

Анализ мнений по предпочтительным формам общественного устройства показывает, что максимальный запрос в современном контексте – на равенство всех перед законом (82% у местных и 75% у приезжих выбирают его как важное). Это не просто абстрактное представление об идеальном обществе. Такой выбор, скорее всего, свидетельствует об остро ощущаемой потребности в таком равенстве в современном российском обществе.

Менее важная сторона общественной жизни, поддерживаемая однако примерно половиной респондентов, – обеспечение порядка и стабильности в обществе, что вполне согласуется с общественно-политическим дискурсом. Свобода слова и независимая пресса признаются важными чуть менее чем половиной респондентов в обеих подвыборках опрошенных. По предпочтению остальных сторон общественной жизни есть некоторые различия, подтверждающие, что среди москвичей несколько больше сторонников либерального устройства обще-

¹ Взаимодействие граждан и государства. Опрос Левада-центра. 06.04.2015. URL: <http://www.levada.ru/06-04-2015/vzaimodeistvie-grazhdan-i-gosudarstva> [Дата посещения: 15.08.2015].

В Москве участие в выборах – фактически единственная общественно-политическая активность. Никакого участия в политической и общественной жизни страны не принимают 63% приезжих и 32% москвичей.

Анализ мнений по предпочтительным формам общественного устройства показывает, что максимальный запрос в современном контексте – на равенство всех перед законом.

Менее важная сторона общественной жизни, поддерживаемая однако примерно половиной респондентов, – обеспечение порядка и стабильности в обществе, что вполне согласуется с общественно-политическим дискурсом.

ства, чем среди недавних жителей других регионов. В частности 39% местных считают важным контроль за деятельностью власти со стороны общества (и 24% приезжих), а 40% считают важным независимый суд (31% приезжих). Для молодежи больше, чем для других возрастных групп, особенно самых старших, важна свобода слова, независимая пресса (53% 18–25-летних и 39% старше 60 лет). Среди приезжих такое же соотношение.

По данным опросов общественного мнения Левада-центра, наиболее важные права человека – базовые права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (74%), а также права в сфере социальной защиты (медицинская помощь, работа, бесплатное образование или равный доступ к образованию – 68–58%). Именно социальное волнует россиян в наибольшей мере – самыми ущемляемыми названы всё те же права на медицинскую помощь, доступ к работе и образованию (51–37%). Политические и гражданские права и свободы в списке важных находятся в конце и редко ощущаются как ущемляемые – во многом потому, что не осознаются как существенные. Например, свободу слова важным правом называют 32%, а ущемляемым в России – 10%; право на участие в общественной и политической жизни важным называют 17%, ущемляемым – 4%; свободу мирных собраний и ассоциаций важной называют 15% опрошенных, ущемляемой – 6%.¹ Свобода в числе наиболее важных прав здесь скорее может быть объяснена как возможность самому распоряжаться своей жизнью, но не как свобода в общественно-политическом плане. Очевидна в целом ориентация россиян на «порядок в государстве», чем на соблюдение прав человека, однако показательно, что соотношение такого выбора в разных ситуациях было разным. В 2011–12 гг., на пике протестных настроений, 53% считали, что для России на данный момент важнее порядок в государстве, а 42% – что соблюдение прав человека. В 2014 г. соотношение изменилось: 62% посчитали важным «порядок» и 29% – соблюдение прав человека, и это соотношение максимально приближено к результатам 1997 г. – кризисной, преддефолтной ситуации². Четверть опрошенных весной 2015 г. согласились с тем, что «ради интересов государства в отдельных случаях можно согласиться с ущемлением прав отдельных граждан» (в предыдущие годы 15–19%). Надежду здесь оставляет лишь то, что около половины опрошенных по-прежнему разделяют точку зрения, что «люди имеют право бороться за свои права, даже если это

¹ Наиболее важные и ущемляемые права. Опрос Левада-центра 5–18.12.2014. URL: <http://www.levada.ru/30-01-2015/naibolee-vazhnye-i-ushchemlyaemye-prava> [Дата посещения: 15.08.2014].

² Законы и порядок в государстве. Опрос Левада-центра. 21–24.11.2014. URL: <http://www.levada.ru/22-12-2014/zakony-i-poryadok-v-gosudarstve> [Дата посещения: 15.08.2014].

идёт вразрез с интересами государства». Москвичи здесь выделяются в сравнении с остальными более выраженной ориентацией на права человека¹.

По данным мониторинга постсоветского российского общества, проводимого Институтом социологии РАН (руководитель М. К. Горшков), выбирая между ценностями свободы и материального благополучия, россияне скорее предпочитают свободу: более 60% россиян, начиная с 2001 г., соглашались с тем, что свобода – это то, без чего жизнь теряет смысл, в противоположность ценности материального благополучия (64% в 2011 г. предпочитали свободу материальному благополучию) [20 лет реформ глазами россиян..., 2011: 150]. Мы соглашались с тем, что трактовать свободу в российском дискурсе и мнениях в духе либеральной традиции мы вряд ли можем, свобода для россиян – это скорее «воля», «возможность быть самому себе хозяином, жить, не оглядываясь на внешние ограничители» [Там же]. По данным мониторинга, соотношение респондентов, придерживающихся понимания свободы как «воли», и носителей либерально-правового сознания на протяжении многих лет составляет почти неизменную пропорцию – 2:1 [Там же].

Вопрос о свободе был задан и в нашем исследовании, однако по модифицированной методике: вместо выбора из двух вариантов («Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл» и «Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна») респондентам было предложено расположить свой ответ на шестиступенчатой шкале. Суммируя ответы по полюсам шкалы, мы можем сравнить наши результаты по Москве с результатами по России в целом: 68% местных респондентов в Москве в той или иной степени согласны с тем, что свобода – это то, без чего жизнь теряет смысл (и 38% придерживаются противоположного мнения), т. е. результат фактически совпадает с общероссийским. Однако использованный нами инструментарий позволяет трансформировать шкалу, выделяя не только полярные точки зрения, но и срединные позиции (см. таблицу 1). Таким образом, соотношение мнений выглядит более сложно: у местных почти половина респондентов не соглашались однозначно ни с той, ни с другой позицией и столько же предпочитают свободу. У приезжих в Москве мнения в большей степени поляризованы: 54% предпочитают свободу материальному благополучию, 20% предпочитают материальное благополучие свободе. Можно предположить, что понимание свободы как «воли» в большей степени соответствует жизненному миру с более высокой мобильностью и сопутствующими установками – сознанию приезжих.

¹ Взаимодействие граждан и государства. Опрос Левада-центра. 06.04.2015. URL: <http://www.levada.ru/06-04-2015/vzaimodeistvie-grazhdan-i-gosudarstva> [Дата посещения: 15.08.2015].

Таблица 1

Соотношение ценностей свободы и материального благополучия у москвичей и приезжих, %

	Москвичи	Приезжие
Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл	42	54
И да, и нет	45	26
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	13	20

Предпочтение свободы в противовес материальному благополучию по нашим данным не связано с возрастными, этническими различиями или уровнем образования. Значимо, однако, что среди тех, кто предпочитает свободу материальному благополучию, выше уровень доверия («большинству людей можно доверять» – так считают 56% отдающих предпочтение свободе и 38% тех, кто считают материальное благополучие более важным). Для нас значимо, что доверие и свобода как ценности связаны, поскольку высокий уровень доверия в обществе рассматривается как фактор консолидации [Доверие в полиэтничном...2014].

Сопоставляя ценность свободы с более широким кругом ценностей, получаем и более сложные результаты. Так, «хорошо жить, быть счастливым» для наших местных респондентов (приезжим вопрос не задавался) – это, в первую очередь, «иметь хорошую семью» (85%). Затем, в диапазоне 45–48% – предпочтения «пользоваться уважением людей», «жить обеспеченно, в достатке», «иметь хорошую, интересную работу». Необходимость для счастья «чувствовать себя свободным человеком» в этом списке предпочтений на последнем месте – 34% москвичей включают это в понимание счастья и хорошей жизни (при возможности выбора не более трёх ответов). Таким образом, ценность личностной свободы, каким бы образом она ни была понята, вряд ли может определяться как главная ценность для москвичей.

В возрастных группах есть ожидаемое, исходя из психологии молодёжи, различие – ценность свободы уменьшается с возрастом: в самой юной возрастной группе (18–25 лет) 50% считают необходимым для счастья чувствовать себя свободным человеком (в самой старшей группе (от 61 года) – 25%). С точки зрения различий в образовательных группах, заметно, что хорошая семья, достаток и уважение – приоритеты для всех, а интересная работа и свобода становятся ценнее с ростом уровня образования.

К началу нашего исследования ситуация в России уже характеризовалась ростом напряжённости в обществе (а в начале 2015 г., по данным Левада-центра, напряжение ощущали до половины опрошенных россиян) и колоссальным ростом антизападных настроений (более чем в 10 раз). При

Значимо, что доверие и свобода как ценности связаны, поскольку высокий уровень доверия в обществе рассматривается как фактор консолидации.

«Хорошо жить, быть счастливым» для наших местных респондентов – это, в первую очередь, «иметь хорошую семью» (85%). Затем, в диапазоне 45–48% – предпочтения «пользоваться уважением людей», «жить обеспеченно, в достатке», «иметь хорошую, интересную работу». Необходимость для счастья «чувствовать себя свободным человеком» в этом списке предпочтений на последнем месте.

этом причинами ухудшения экономической ситуации, которая связана с ростом напряжённости, население считает экономические санкции Запада, падение цен на нефть, но не действия руководства российского государства. Отсюда же масштабная переориентация в сознании: от сотрудничества с Западом – к враждебности¹. Поворотной точкой и символом этого процесса стали события вокруг Крыма: буквально через месяц после крымского референдума количество тех, кто считал, что России следует укреплять отношения с Западом, уменьшилось с 61 до 41%, а поддержка позиции дистанцирования увеличилась с 24 до 39%, и в 2015 г. соотношение сохраняется².

В целом ориентацию на Запад или представление о том, что России не подходит западный образ жизни, вряд ли можно трактовать как политическое предпочтение, но, как правило, в современном дискурсе представление о необходимости для России западных правил жизни сопутствует либеральным взглядам. В нашем исследовании таких респондентов меньшинство, в том же, что Россия – другая страна и ей не нужен западный образ жизни, уверены не менее 70% местных респондентов в Москве и 60% приезжих (см. таблицу 2). Здесь большая неопределённость у последних может быть связана с тем, что рассматриваемая проблема более сложна, чем вопрос о свободе. Свобода или материальное благополучие – личностное предпочтение, примеряемое на себя, жизненная ориентация. Представление о том, по какому пути идти России, сильнее связано с политическими предпочтениями и стереотипными культурными ориентациями. В данном случае высокая степень поддержки мнения о том, что России не нужен западный образ жизни, вполне в русле текущего общественно-политического дискурса. Эту точку зрения разделяют люди разного уровня образования, она преимущественно распространена во всех возрастных группах, сейчас это массовая общественная ориентация.

Таблица 2

Ориентация на западные правила / особость России, %

	Москвичи	Приезжие
Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	8	6
И да, и нет	22	34
Россия – другая страна, ей не нужен западный образ жизни	70	60

¹ «Никогда такого не было». Опрос Левада-Центра 19.02.2015. URL: <http://www.levada.ru/19-02-2015/nikogda-takogo-ne-bylo> [Дата посещения: 15.08.2015].

² Международные отношения. Опрос Левада-Центра 23–26.01.2015. URL: <http://www.levada.ru/09-02-2015/mezhdunarodnye-otnosheniya> [Дата посещения: 15.08.2015].

Предпочтение ценностей свободы или материального благополучия, а также мнение о том, подходит ли России западный образ жизни, мы взяли за основу для дальнейшего анализа и рассмотрели соотношение их с некоторыми ключевыми для сферы межэтнических взаимодействий и согласия вопросами, используя только статистически значимые связи.

Установки на принятие этнических «других» в разных сферах жизни – важный показатель, и здесь, с точки зрения изучаемого нами круга проблем, есть заметные отличия. Главная тенденция – респонденты, предпочитающие свободу материальному благополучию, имеют более позитивные установки на принятие во всех рассматриваемых сферах – от самой безличной (гражданство одной страны) до самой сензитивной (семья). Наиболее открытыми сферами и у тех, и у других стали партнёрство по работе и соседство, однако если у тех, кто предпочитают свободу, это 81–83%, то у тех, кто предпочитают материальное благополучие, – 68%. Традиционно самая закрытая сфера – семейная, но и здесь есть значимые отличия: те, кто предпочли свободу, имеют заметно более позитивные установки (48 против 31%). Для консолидации на городском уровне важно, насколько этничность имеет значение для москвичей с разными ценностными ориентациями. Здесь тенденция та же: 74% москвичей, предпочитающих свободу, и 61% считающих свободу второстепенной, готовы принять человека другой национальности в качестве жителя их города (см. таблицу 3).

Таблица 3

Соотношение установок на принятие людей другой национальности в разных сферах жизни (готовы принять в качестве...) и предпочтений ценностей свободы или благополучия среди местных, %

	Предпочитающие свободу	И да, и нет	Предпочитающие материальное благополучие
...гражданина России	80	82	57
...жителя своего города	74	78	61
...начальника	64	70	55
...коллеги, партнёра по работе	83	83	68
...соседа по дому	81	78	68
...близкого друга	76	76	55
...мужа дочери или жены сына	56	56	43
...супруга / супруги	48	55	31

Радикальную позицию «Все средства хороши для защиты интересов моего народа» поддерживают немало респондентов среди местных, и этому есть объяснение в связи с довольно высоким уровнем негативизма, в том числе этнического, в обществе. Однако есть отличия по интересующей

нас ориентации: среди тех, кто предпочитают свободу как ценность материальному благополучию, несколько больше тех, кто с такой радикальной позицией не согласен (см. таблицу 4). У приезжих тенденция повторяется. Таким образом, хотя и принимая во внимание проблему содержательной трактовки свободы в современной России, нужно отметить, что по некоторым позициям предпочтение свободы как жизненной ценности связано с более позитивными, открытыми установками в межэтническом взаимодействии. Проблема трактовки осложняет анализ, и в результате различия по другим позициям либо не наблюдаются, либо статистически не значимы. Так, ощущение враждебности к людям других национальностей в нашем материале на одинаковом уровне у людей, предпочитающих разные ценности (около 11% местных респондентов часто и очень часто ощущают враждебность).

Таблица 4

Соотношение поддержки суждения «Все средства хороши для защиты интересов моего народа» и предпочтений ценностей свободы или благополучия среди местных, %

	Предпочитающие свободу	И да, и нет	Предпочитающие материальное благополучие
Согласны	42	41	55
Не согласны	58	59	45

Более выразительно, с точки зрения межэтнического взаимодействия, респонденты разделились по принципу отношения к необходимости западных ценностей для России, что особенно заметно при анализе степени негативизма в установках. Те, кто считают, что Россия должна жить по тем же правилам, что и западные страны, несколько реже допускают возможность насилия в случае, если речь идёт о возможном нарушении справедливости в отношении их народа или веры (36 против 45% у тех, кто полагают, что западный образ жизни России не нужен) (см. таблицу 5).

Таблица 5

Соотношение поддержки суждения «Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры» и отношения к западному образу жизни для России среди местных, %

	Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	И да, и нет	Россия – другая страна, ей не нужен западный образ жизни
Согласны	36	36	45
Не согласны	64	64	55

Проблемы этнического взаимодействия и межнационального согласия в московском контексте исключительно актуальны. К значимому для общероссийского контекста проблемному взаимодействию добавляется давно существующий дискурс, выделяющий столицу с точки зрения миграции среди других регионов, «Москва не резиновая» в сочетании с концентрацией здесь ресурсов придаёт межэтническим установкам москвичей дополнительные оттенки. Так, за ограничение приезда в свой город на постоянное жительство или заработка людей из российских республик высказываются около 60% местных респондентов. Для нас важно, как их мнения соотносятся с ориентациями на западные правила жизни: небольшая часть респондентов, считающих западные правила жизни необходимыми для России, значительно реже высказываются за такие ограничения (44 против 70%) (см. таблицу 6). Фактически такое ограничение приезда стало бы ограничением конституционного права на свободу передвижения и выбора места пребывания и жительства (ст. 27 Конституции РФ), однако представление о том, что Россия – другая страна и ей не нужен западный образ жизни, судя по нашим материалам, в представлениях людей вполне сочетается с допустимостью ограничения прав отдельных групп людей. Ориентация на большинство и игнорирование интересов меньшинства – один из признаков слабого развития гражданского общества.

Таблица 6

Распределение мнений по вопросу ограничения приезда в Москву на ПМЖ и заработка приезжих из других республик РФ (с российским гражданством) в зависимости от отношения к западному образу жизни для России среди местных, %

	Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	И да, и нет	Россия – другая страна, ей не нужен западный образ жизни
За ограничение	44	68	70
Против ограничения	55	32	30

Среди тех респондентов-москвичей, кто отрицают применимость западного образа жизни для России, больше половины (54%) согласны, чтобы дети или внуки приезжих из других республик России стали постоянными жителями Москвы. Среди категории западно ориентированных уровень такой открытости выше – 71%.

Статус русских – вопрос, который проявляется в различных дискурсах, в том числе властном. В целом поддержка мнений, так или иначе выделяющих русских с точки зрения прав среди людей других национальностей в России, довольно велика, но мнения сильно различаются в зависимости от взглядов людей, в нашем случае это показательно. Среди тех, кто

считают, что России не нужен западный образ жизни, 55% считают, что «Россия – общий дом многих народов», и у всех должны быть равные права. Среди меньшинства, ориентированного на западные ценности, таких 80% (см. таблицу 7).

Таблица 7

Мнения о соотношении прав народов в России и представления о необходимости западного образа жизни для России среди местных, %

	Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	И да, и нет	Россия – другая страна, ей не нужен западный образ жизни
Россия должна быть государством русских людей	2	2	9
Россия – многонациональная страна, но русские составляют большинство, и поэтому должны иметь больше прав.	19	36	36
Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	80	62	55

Выводы

Таким образом, в целом ориентация на свободу как смыслообразующую ценность (пусть и по-разному понимаемую) в противопоставлении материальному благополучию сопутствует более позитивным установкам в межэтническом взаимодействии. Ориентация на отрицание западных правил жизни для России чаще связана с негативными установками в межэтническом взаимодействии, чем ориентация на западные ценности, при этом первая распространена гораздо шире. Низкий уровень политического и общественного участия, высокий запрос на порядок и равенство перед законом – значимые характеристики текущего состояния общества в Москве, как и в России в целом, где исследование будет продолжено.

Библиографический список

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: РОССПЭН, 2013. 485 с.

Гудков Л. 2004. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А». 816 с.

Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М., 2011. 304 с. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html [Дата посещения: 15.08.2015].

Введение. Методологические подходы к изучению проблемы // Ресурс межэтнического согласия в Москве / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 4–7. Официальный сайт Института социологии РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3292> [Дата посещения: 15.08.2015].

Доверие в полиэтничном обществе и риски интолерантности и ксенофобии // Ресурс межэтнического согласия в Москве / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 28–43. Официальный сайт Института социологии РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3292> С. 28–43 [Дата посещения: 15.08.2015].

Interethnic Accord in the Context of Some Socio-political Orientations (According to Moscow Region Experience)

Arutyunova Ekaterina Mikhailovna

Cand. Sci. (soc.), senior research fellow, Center for Interethnic Relations Research of IS RAS, Moscow, Russia. E-mail: 981504@mail.ru

Abstract. The article¹ based on the sociological research of interethnic accord problems data, analyzes some socio-political orientations of Muscovites, along with the issues of interethnic interaction, as well as the influence of conscience status in socio-political sphere on their consolidation as the Russian nation. The empirical basis of the article is a sociological research oriented at a multilateral study of the interethnic accord problem in the Russian region, in Moscow at this stage. This work is carried out by the Research Center of Cross-National Relations within the Sociology Institute of the Russian Academy of Sciences. The overall situation in the sphere under research is characterized in today's Russia by the Russians' low public and political activity, poor interest for human rights observation and values of civil liberties. Our data collected in Moscow confirm this fact and show in addition the maximal urge for equality before the law. There are two key items for analysis in the article, i.e. choice of freedom and attitude of Russians towards the Western way of life. Making choice between such values as freedom and material well-being, our respondents often give priority to the former, but the concept of freedom in Russian cultural context does not always coincide with its understanding in the spirit of liberal values. The majority of respondents are also of the opinion that Russia does not need the Western way of life. These items were analyzed in relation to such orientations of interethnic interaction as willingness to accept people of other ethnic origin in different life spheres, readiness to protect their national interests (by any and all means), admissibility of violence in the event of encroachment upon national interests, attitude towards the limitation of people's from other Russian Republics coming to Moscow, the Russians' status in the country. The key conclusion of the article is that the orientation for freedom as opposed to material well-being, and the opinion that Russia should live according to the same rules as Western countries, are consistent with more positive sets in the interethnic interaction.

Keywords: interethnic accord, identity, orientations, socio-political orientations

¹ The research was supported by the Russian Scientific Foundation (grant No. 14-18-01963, project "The Resource of Interethnic Accord in the Consolidation of Russian Society: Common and Specific Factors of Regional Diversity (2014–2016)").

References

Dvadcat' let reform glazami rossijan (opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov) [Twenty Years of Reform through the Eyes of Russians (the experience of many years of sociological measurements)]. Analiticheskyy doklad. Moscow, Institute of Sociology, 2011. 304 p.

Vvedenie. Metodologicheskie podhody k izucheniju problem [Introduction. Methodological Approaches to the Study of the Problem]. Resursy mezhetnicheskogo soglasija v Moskve. Moscow, Institute of Sociology, 2014. Pp. 4–7.

Grazhdanskaja, etnicheskaja i regional'naja identichnost': vchera, segodnia, zavtra [Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, ROSSPEN, 2013. 485 p.

Gudkov L. Negativnaja identichnost' [Negative Identity]. Stat'i 1997–2002 godov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, «VCIOM-A», 2004. 816 p.

Doverie v polietnichnom obschestve i riski intolerantnosti i ksenofobii [Trust in a multiethnic society, and the risks of intolerance and xenophobia]. Resursy mezhetnicheskogo soglasija v Moskve. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, Institute of Sociology, 2014. Pp. 28–43.

Дискуссионная трибуна

Глобализация и неолиберализм: существует ли альтернатива разграблению земли?

Клаудия фон Верльхоф – Honored Professor
of Innsbruck University, Innsbruck, Austria

E-mail: Claudia.Von-Werlhof@uibk.ac.at

Глобализация и неолиберализм: существует ли альтернатива разграблению земли?

Предварительное замечание (вместо аннотации)

Как автор, я считаю должным указать на то, что эта статья изначально была написана не для российской публики. Она стала результатом многолетнего критического анализа экономики, экологии, политики, а также патриархальности «капиталистической мировой системы» (Валлерстайн) и её зависимости от техники. Эта мировая система, однако, включает и социализм, поскольку социализм/коммунизм, как и их преемники, оперируют на тех же естественно-научных, технологических и разрушающих природу основах международной «индустриальной системы» (Иллич), которая сформировалась в Европе в эпоху Нового времени и с тех пор в ходе «прогресса и развития» была распространена и «глобализована» в виде современной цивилизации.

Итак, речь не идёт о том, чтобы из высказанной здесь критики «неолиберализма» как современной идеолого-политической формы капиталистической мировой системы сделать заключение, что всё, что критикует либерализм в России сегодня, имеет то же содержание. Напротив, я выступаю за то, чтобы отказаться от индустриальной системы во всех её политических вариантах, пока она не уничтожила всю планету. Это касается в равной степени и таких стран, как Россия или Китай.

Практически единственной альтернативой индустриальной системе в современном мире являются южные, как правило, автохтонные или прежде колонизированные общества Юга мировой системы, в настоящее время существующие прежде всего в Латинской Америке, которые пропагандируют разрыв с современными цивилизациями Севера, то есть Запада и Востока, и по мере своих возможностей действительно рвут свои связи с ними.

Кроме того хочу подчеркнуть, что эта статья была впервые опубликована на немецком языке уже в 2007 г., а затем переведена на английский и испанский. Многие, по-видимому, нашли в ней объяснение современному положению в мире, и потому мне предложили перевести и опубликовать её и на других языках. По этой причине до сих пор я не вносила в текст изменений, отражающих произошедшие в мире перемены – например, многие новые войны, «террор» как новую форму западной политики, а также предпринимаемые США попытки с помощью договоров якобы о «свободной торговле» (TTIP, TPP, CETA и TISA) установить Новый мировой порядок.

Статья была написана после открытой подиумной дискуссии на тему «Альтернативы неолиберальной глобализации», в которой участвовали бывший министр финансов Австрии Фердинанд Лацина (возглавлявший в то время банк БАВАГ, а теперь Национальный банк Австрии), Эвальд Новотны и я. Дискуссия проводилась в рамках «Венских лекций» во время «Симпозиума Даллингера» в Рабочей палате в Вене (Австрия) 21.05.2005.

Инсбрук, май 2015

Ключевые слова: глобализация, неолиберализм, альтернатива, автохтонные общества, мировая капиталистическая система

Существует ли альтернатива разграблению Земли?

Существует ли альтернатива ведению войн?

Существует ли альтернатива разрушению планеты?

Никто не задаёт данные вопросы по причине их мнимой абсурдности. Тем не менее, никому их не избежать. До наступления глобального экономического кризиса девизом так называемого неолиберализма было ЭНА: Этому нет альтернативы.

Нет альтернативы «неолиберальной глобализации»?

Нет альтернативы освобождённой экономике «свободного рынка»?

Что такое «неолиберальная глобализация»?

Сначала определим, что такое глобализация и неолиберализм, из чего они исходят, кем направляются, что провозглашают, чем занимаются, почему их последствия настолько фатальны, почему они обречены на поражение и почему, тем не менее, люди держатся за них. Затем посмотрим на ответы тех, кто не может – и не сможет в будущем – жить с вызванными глобализацией и неолиберализмом последствиями.

Здесь начинаются сложности. На протяжении почти 20 лет нам постоянно говорили, что альтернативы неолиберальной глобализации не существует, да она и не нужна вовсе. Снова и снова нам приходится иметь дело с ЭНА (Этому нет альтернативы). «Железная леди» Маргарет Тэтчер была одной из тех, кто постоянно повторял эти слова.

Концепция ЭНА запрещает любое размышление. Она следует той логике, что нет смысла анализировать и обсуждать неолиберализм и так называемую глобализацию, поскольку они неизбежны. Мы либо миримся с тем, что происходит, либо это происходит в любом случае. Нет смысла стараться это понять. Выбора нет: убей или будь убитым!

Некоторые люди заходят так далеко, что заявляют, будто глобализация, то есть экономическая система, сформировавшаяся в определённых социально-исторических условиях, – это закон природы, ни больше ни меньше. В свою очередь, характер субъектов экономической системы якобы соответствует «природе человека»: эгоистичной, безжалостной, жадной и холодной. Вроде бы это хорошо для всех.

Вопрос остаётся открытым: почему «невидимая рука» Адама Смита превратилась в «видимый кулак»? В то время как ничтожное меньшинство пользуется огромными, хотя и преходящими преимуществами современного неолиберализма, подавляющее большинство населения Земли терпит такую нужду, что находится на грани гибели. Причинённый ущерб кажется необратимым.

Средства массовой информации во всём мире, в особенности телевизионные каналы, стараются не затрагивать эту проблему. Обычное оправдание – трудно донести до зрителя [Mies, von Werlhof 2003: 23, 36]. Истинная причина, конечно, в том, что средства массовой информации подчинены контролю корпораций.

Что такое неолиберализм?

Неолиберализм как экономическая политика берёт своё начало в Чили в 1973 г. Его «торжественное вступление в должность» ознаменовалось организованным США военным переворотом против демократически избранного социалистического президента и установлением кровавой военной диктатуры, прославившейся систематическим террором. Только так могла быть воплощена в жизнь неолиберальная модель «чикагских мальчиков», возглавляемых Милтоном Фридманом, учеником Фридриха фон Хайека.

Предшественником неолиберальной модели является экономический либерализм XVIII и XIX вв. с характерным для него понятием «свободной торговли». В своё время Гёте высказался об этом так: «Разбой, торговля и война – не всё ль равно? Их цель одна!» [Цит. по: Гёте 1969].

В основе как старого, так и нового экономического либерализма лежат корысть и индивидуализм; обособление этических принципов от экономических операций, другими словами: выведение экономики за рамки общества; сведение экономической рациональности к простому расчёту затрат и выгод, а также максимизации прибыли; конкуренция как основная движущая сила экономического роста и прогресса; специализация и замещение самодостаточной экономики, приносящей выгоду внешней торговлей (принцип сравнительного преимущества); а также полный запрет на вмешательство общества (государства) в деятельность рыночных сил [Mies 2005: 34].

Превосходство нового экономического либерализма заключается в его глобальном характере. На сегодняшний день экономический либерализм работает как универсальная модель: для всех секторов экономики, всех слоёв общества, всех аспектов жизни и природы. Вследствие этого однажды «выведенная за рамки» общества экономика теперь устанавливает «рамки» для всего, в том числе и для политических сил. Более того, возникает новая извращённая «экономическая этика» (а вместе с ней – новая интерпретация «природы человека»), высмеивающая всё: от людей доброй воли до альтруизма – бескорыстной заботы о других и готовности взять на себя ответственность [Gruen 1997].

Утверждается даже, что общее благо полностью зависит от бесконтрольного эгоизма индивидуума, и в особенности от процветания транснациональных корпораций. Экономика (под которой парадоксальным образом понимаются только корпорации) якобы непременно должна быть «свободной», на деле речь идёт о свободе от ответственности и обязательств перед обществом.

Максимизация прибыли должна достигаться в кратчайшие сроки, то есть предпочтительно путём биржевой спекуляции и увеличения экономического эффекта реализуемых на бирже проектов. Преград на этом пути должно быть как можно меньше. На сегодняшний день мировые экономические интересы перевешивают не только внеэкономические опасения, но и национальные экономические факторы, поскольку в наши дни корпорации ставят себя выше как обществ, так и наций [Sassen 2000]. Созданы «единые правила игры», которые предоставляют мировым игрокам максимально выгодные условия. Эти правила игры не знают никаких юридических, социальных, экологических, культурных или национальных «барьеров» [Mies, von Werlhof 2003: 24]. В результате экономическая конкуренция играет на рынке, свободном от внерыночных, внеэкономических или протекционистских влияний, если, конечно, они не служат интересам больших игроков (корпораций). Интересы корпораций – их максимальный рост и развитие – пользуются полным приоритетом. Оправданием тому служит предположение, что благополучие корпораций означает благополучие предприятий меньшего размера и ремесленных мастерских.

Различия моделей старого и нового либерализма прежде всего могут быть выражены в количественном эквиваленте. После того, как капитализм испытал ряд сбоев и неурядиц, порождённых «конкуренцией экономических систем», кризисом капитализма, послевоенным «кейнсианством», стремящимся к социальному государству всеобщего благосостояния, к массовому внутреннему потреблению (так называемый фордизм), к обеспечению полной занятости на Севере, цели либеральной экономики прошлого теперь не просто воскресли во всём своём великолепии, но и были глобализованы. Основная причина этого феномена заключается в том, что конкуренция различных экономических систем ушла в прошлое. Однако вывод о победе капитализма и «золотого Запада» над «тёмным социализмом» – это только одна из возможных интерпретаций ситуации. Другая, противоположная интерпретация заключается в том, чтобы разглядеть общий кризис «современной мировой системы» (включающей как капитализм, так и социализм), вызванный тотальной и беспощадной конкурентной борьбой за мировые ресурсы и инвестиции, то есть увеличение стоимости капитала во всём мире [Wallerstein 1979; 2004].

Какая интерпретация верна, наглядно видно на примере продолжающейся глобализации неолиберализма. Не в малой степени потому, что различия между старым и новым экономическим либерализмом могут быть выражены не только в количественном, но и в качественном эквиваленте. Сегодня мы наблюдаем совершенно новые феномены: вместо демократической «полной конкуренции» между множеством малых предприятий, пользующихся свободой рынка, выигрывают только крупные предприятия. В свою очередь они образуют новые рыночные олигополии и монополии в прежде немыслимых масштабах. Таким образом, свободным рынок остаётся только для них, а для всех остальных участников он оказывается несвободным, обрекая их либо на зависимое существование (в навязанной им роли производителей, работников, потребителей), либо на полное изгнание (если им нечего продать или купить). В настоящее время около 50% мирового населения попадает в данную категорию, и их доля постоянно растёт [George 2001].

С тех пор, как транснациональные корпорации начали устанавливать собственные нормы, антимонопольные законы потеряли свою силу. Корпорации, а не «рынок» как безымянный механизм или «невидимая рука», определяют сегодня правила торговли, в частности, цены и регулирующие правовые нормы. Политический контроль здесь не властен. Спекуляция, которая приносит в среднем 20% прибыли, вытесняет честных производителей, которые становятся «нерентабельными» [Altvater 2005]. Деньги оказываются слишком дороги, чтобы вкладывать их в сравнительно невыгодные, долгосрочные проекты или проекты, которые служат *всего лишь* (о, какая дерзость!) для улучшения качества жизни. Вместо этого деньги «уходят наверх» и пропадают. Финансовый капитал всё в большей степени определяет, что собой представляют рынки и как они работают [Altvater, Mahnkopf 1996]. После отмены привязки курса доллара к цене на золото он эмансипировался от производительного капитала [Lietaer 2006; Kennedy 1990]. Более того, на сегодняшний день большинство из нас – как и все правительства – погрязло в долгах. Всеми деньгами распоряжается финансовый капитал, мы остались ни с чем [Creutz 1995].

Малые, средние, и даже некоторые более крупные предприятия вынуждены покидать рынок, сокращать или закрывать производство, или оказываются поглощены транснациональными корпорациями, поскольку их производительность не достигает и среднего значения по сравнению с игрой на бирже: выигрывает спекуляция или, скорее, очковтирательство. Государственный сектор, исторически определённый как сектор некоммерческой экономики и управления, становится «тоньше» и его «коммерческие» части («драгоценные

Корпорации, а не «рынок» как безымянный механизм или «невидимая рука», определяют сегодня правила торговли, в частности, цены и регулирующие правовые нормы. Политический контроль здесь не властен.

вкрапления»)веряются корпорациям (путём приватизации). В результате исчезают социальные услуги, необходимые для нашего существования. Эти изменения не оставляют в стороне малое и среднее частное предпринимательство, до недавнего времени обеспечивавшее до 80% рабочих мест с нормальными условиями труда. Якобы существующая связь между экономическим ростом и гарантией занятости на самом деле отсутствует. Если экономический рост сопровождается слиянием предприятий, то рабочих мест становится меньше [Mies, von Werlhof 2003: 7].

Если же новые рабочие места и создаются, то зачастую они оказываются ненадёжными, то есть доступны лишь временно и низко оплачиваются. Одного места работы оказывается недостаточно для того, чтобы свести концы с концами [Ehrenreich 2001]. Это означает, что трудовые условия на Севере становятся похожими на те, что на Юге, а рабочие условия мужчин становятся схожими с рабочими условиями женщин. Тенденция, диаметрально противоположная тому, о чём нам всегда говорили. Сегодня корпорации стремятся на Юг (или Восток), чтобы воспользоваться дешёвым трудом (как правило, женским), незащищённым профессиональными союзами. Этот процесс начался в 70-е гг. прошлого столетия в «особых экономических зонах» (ОЭЗ, на «фабриках мирового рынка» или «макиладорас»), там, где производят большую часть компьютерных чипов, кроссовок, одежды и электронных товаров для всего мира [Fröbel, Heinrichs, Kreye 1977]. ОЭЗ находятся в регионах, где вековые колониально-капиталистические и авторитарно-патриархальные условия гарантируют наличие дешёвой рабочей силы [Bennholdt-Thomsen, Mies, Werlhof 1988]. Наметившееся недавно смещение коммерческих интересов от производства потребительских товаров к вооружению становится чрезвычайно тревожной перспективой [Chossudovsky 2003].

Теперь не только производство отдаётся на аутсорсинг и выносится в ОЭЗ, но и услуги. Это является результатом Третьей Промышленной Революции, то есть развития новых информационных и коммуникационных технологий. Многие рабочие места полностью исчезли по причине компьютеризации, в частности в сфере управления [Fröbel, Heinrichs, Kreye 1977]. Сочетание принципов «высоких технологий» и «низкого заработка/бесплатного труда» (всегда отрицаемое сторонниками «прогресса») гарантирует «сравнительное преимущество» во внешней торговле. В конечном итоге это приведёт к «китайским зарработкам» на Западе. Потенциальная потеря западных потребителей не воспринимается как угроза. Корпоративная экономика не заботится о своих потребителях, будь они европейцы, китайцы или индусы.

Наметившееся недавно смещение коммерческих интересов от производства потребительских товаров к вооружению становится чрезвычайно тревожной перспективой.

Средства производства сосредотачиваются во всё более ограниченном круге, прежде всего по той причине, что финансовый капитал, сам будучи ненадёжным, всё более агрессивно контролирует активы. Происходит образование новых форм частной собственности, по большей мере путём «распродажи» государственной собственности и перевода в корпоративный сектор услуг и отраслей производства, ранее находившихся в руках малого бизнеса или относившихся к государственному сектору. Это в первую очередь касается тех областей, которые долгое время были (хотя бы отчасти) исключены из логики извлечения прибыли: образование, здравоохранение, энергетика и водоснабжение. Полная коммерциализация прежде мелких частных или государственных предприятий, государственной собственности или природных ресурсов, таких как океаны, тропические леса, регионы генетического разнообразия или особого геополитического интереса (например, маршрут проведения нефтепровода) и т. д. [Isla 2005] приводят к появлению новых форм «огораживания». На наших глазах также активно пытаются прибрать к рукам виртуальные пространства и коммуникационные сети [Herburn 2005].

Все эти новые формы частной собственности были созданы в основном (более или менее) хищными методами присвоения. В этом смысле они продолжают историю так называемого *первоначального накопления капитала*, которое во всём мире руководствуется девизом: «Рост путём экспроприации!» [von Werlhof 1991; 2003].

Доступ большинства людей к производству становится всё более ограниченным, а их зависимость от немногочисленных и низкооплачиваемых рабочих мест возрастает. Разрушение государства благосостояния разрушает и представление о том, что в тяжёлые времена люди могут опираться на сообщество. Наше существование зависит исключительно от частных, иными словами – более дорогих услуг, которые в большинстве случаев по качеству или надёжности значительно уступают услугам, предоставляемым государством. (Это миф, что частное всегда лучше государственного). Мы испытываем недостаток предложения, который раньше встречался только на колониальном Юге. Старый лозунг о том, что Юг со временем догонит Север, себя не оправдал. Это Север быстро превращается в Юг. Мы – свидетели последней формы «развития», а именно мировой системы недоразвития [Frank 1969]. Развитие и недоразвитие идут рука об руку [Mies 2005]. Это в скором времени заметят, пожалуй, даже те, кто занят оказанием «помощи развитию».

Женщин всё чаще призывают восполнять недостатки снабжения за счёт увеличения объёма работы в домашнем хозяйстве («сервисного обеспечения»). В результате соотношение объёма работы и мизерной оплаты женского труда приоб-

Женщин всё чаще призывают восполнять недостатки снабжения за счёт увеличения объёма работы в домашнем хозяйстве («сервисного обеспечения»). В результате соотношение объёма работы и мизерной оплаты женского труда приобретает катастрофические масштабы: дома женщины трудятся даром, вне дома – выполняют малооплачиваемую работу «на уровне домохозяйек».

ретают катастрофические масштабы: дома женщины трудятся даром, вне дома – выполняют малооплачиваемую работу «на уровне домохозяйек» [Bennholdt-Thomsen, Mies, Werlhof 1988]. Тем не менее, коммерциализация не останавливается у порога дома. Даже работа по дому начинает приобретать элементы коммерциализации («проблема современных домработниц»), что едва ли приносит какие-либо финансовые бонусы выполняющим её женщинам.

Не в последнюю очередь именно в силу этих причин женщины оказываются вынуждены заниматься проституцией – одной из крупнейших глобальных отраслей современности [Isla 2003; 2005]. Отсюда можно сделать два вывода: а) «эмансипация» женщин на деле редко приводит к предоставлению им «равных прав» с мужчинами; и б) «капиталистическое» развитие» вовсе не исчерпывается ростом «свободной» работы по найму, как твердят левые политики [Wallerstein 1979]. Если бы последнее было правдой, тогда неолиберализм означал бы, что капитализм сам закончится, достигнув наивысшей точки своего развития. Это, впрочем, маловероятно.

В наши дни в «мировой системе» сотни миллионов людей – то есть больше, чем когда-либо – по сути являются рабами [Bales 2001]. Авторитарная модель «зон экспортного производства» продолжает завоёвывать Восток и угрожает Северу. Перераспределение богатства по вертикальной оси заходит ещё дальше и со всёвозрастающей скоростью. Разрыв между богатыми и бедными никогда не был так велик. Средний класс исчезает – вот что происходит в наше время.

Становится ясно, что неолиберализм означает вовсе не конец колониализма, а наоборот – колонизацию Севера. Это новая «колонизация мира» [Mies 2005] отсылает нас к началу «современной мировой системы», в «долгий шестнадцатый век» (1492–1630), когда завоевание Америк, их эксплуатация и колониальная трансформация послужили основой роста и «развития» Европы. Эти «детские болезни» модерности (Нового времени) продолжают преследовать её даже в преклонном возрасте. По сути они являются основной чертой последней фазы модерности. Вместо того чтобы исчезнуть, они ширятся.

Там, где нет Юга, нет и Севера; там, где нет периферии, нет и центра; там, где нет колонии, там нет и цивилизации, по крайней мере «западной» [von Werlhof 2007].

Австрия также является частью мировой системы. Она всё в большей степени становится корпоративной колонией (в особенности для немецких корпораций). Это, однако, вовсе не мешает Австрии самой быть активным колонизатором, в особенности на Востоке [Hofbauer 2003; Salzburger 2006].

Соображения социального, культурного, традиционного и экологического характера отходят на задний план, уступая место грабительскому менталитету. Все мировые ресурсы, которыми мы всё ещё располагаем, – природные ресурсы, леса, водоёмы, генетический пул – становятся объектами утилизации. Это ведёт к быстрому разрушению экологической системы в результате истощения ресурсов. Если выгоднее рубить деревья, чем сажать их, значит не стоит их сажать [Lietaer 2006]. Ни государство, ни общественность не вмешиваются в это, несмотря на глобальное потепление и очевидность того, что вырубка оставшихся тропических лесов раз и навсегда разрушит климат Земли, не говоря уже о многих других негативных последствиях подобных действий [Raggam 2004]. Климат, фауна, флора, права человека и общие природоохранные права не стоят и гроша по сравнению с интересами корпораций, не взирая на тот факт, что тропические леса являются невозобновляемым ресурсом и что от них зависит вся экосистема Земли. Если бы жажда наживы и рационализм, с которым эта жажда проводится в жизнь, были бы антропологической константой, мы никогда не дожили бы до наших дней.

Командир космического челнока, облетевшего вокруг Земли в 2005 г., обратила внимание на то, что «центр Африки горит». Она имела в виду Конго – страну, где находится последний крупный тропический лес континента. Без него пропадут дождевые тучи над истоками Нила. Тем не менее, этот лес должен исчезнуть, чтобы открыть корпорациям доступ к природным ресурсам Конго, ведь именно в них и заключаются причины войн, не стихающих сегодня в этом регионе. В конце концов, всем нужны бриллианты и колтан для производства мобильных телефонов.

В наши дни всё на Земле приобрело форму предметов потребления, то есть всё стало объектом «торговли» и коммерциализации (на самом деле означающей ликвидацию, трансформацию всего в ликвидные средства). На данной стадии неолиберализма, капитализму недостаточно стремиться к возможно более дешёвому производству предметов потребления и «бесплатному» труду. Цель в том, чтобы всех и каждого, включая самих себя, превратить в предметы потребления [Wallerstein 1979]. Стремительными темпами мы приближаемся к принудительному завершению, к полной реализации этого «способа производства», к всеобщей капитализации, обращению всего живого в звонкую монету [Genth 2006].

Мы наблюдаем не только восхваление рынка, но феномен, который можно назвать «рыночным фундаментализмом». Люди верят в рынок, как в Бога – ведь ничто не происходит без его участия. Единственной целью экономической деятельности во всём мире становится тотальное максимизированное накопление денег/капитала как абстрактного богатства. Эта

Соображения социального, культурного, традиционного и экологического характера отходят на задний план, уступая место грабительскому менталитету.

Мы наблюдаем не только восхваление рынка, но феномен, который можно назвать «рыночным фундаментализмом». Люди верят в рынок, как в Бога – ведь ничто не происходит без его участия.

цель требует создания «свободного» мирового рынка для всех товаров – мирового рынка, который работает согласно интересам корпораций и капиталистических денег. Такой рынок формируется с головокружительной скоростью. Он создаёт новые возможности для получения прибыли там, где раньше таких возможностей не существовало: в Ираке, Восточной Европе или Китае.

Кое-что при этом, как правило, упускается из виду: абстрактное богатство, созданное для накопления, предполагает уничтожение природы как богатства конкретного. Результат – «дыра в земле», а рядом с ней свалка использованных товаров, устаревших приборов и обесценившихся денежных купюр [Galtung 1993]. Однако как только всё конкретное богатство (которое сегодня в основном состоит из остатков природных ресурсов) будет растрачено, с ним исчезнет и абстрактное богатство. Говоря словами Маркса, оно «испарится». Правда о том, что абстрактное богатство не является реальным, станет очевидной так же, как и ответ на вопрос, какое именно богатство создаёт современная экономическая деятельность. В конце концов, именно монетарное богатство составляет контролируемую меньшинством монокультуру (и даже оно существует в основном виртуально или в виде банковских счетов). Разнообразие уничтожено, миллионы людей поставлены перед необходимостью выживания. Действительно: как выжить без ресурсов, средств производства и денег?

Нигилизм нашей экономической системы является очевидным. Весь мир превратится в деньги, а потом – исчезнет. Ведь мы не можем питаться деньгами. Кажется, никто не хочет учитывать тот факт, что товары, деньги, капитал и средства производства невозможно снова превратить в природу или в конкретное богатство. Складывается впечатление, что в основе «экономического развития» лежит предположение, что все «ресурсы», все «источники богатства» [Маркс 2013] являются возобновляемыми и вечными так же, как и «экономический рост», который они формируют [von Werlhof 2001].

Идея того, что капитализм и демократия едины, была опровергнута неолиберализмом и его «монетарным тоталитаризмом» [Genth 2006]. Главенство политики над экономикой было утрачено. Политики всех партий отказались от этого – политику диктуют корпорации. Что касается сфер интересов корпораций, там нет места демократической конвенции или общественному контролю. Общественное пространство исчезает. *Respublica* становится *resprivata*, или как сейчас принято говорить – *resprivata transnationale* (первоначальное значение *privare* – «лишать»). Права имеют только те, кто находятся у власти. Они сами выдают себе все необходимые лицензии, начиная с «лицензии на грабёж» и заканчивая «лицензией на убийство» [Mies, von Werlhof 2003 7; Mies 2005]. Если

кто-то встаёт на их пути или ставит их «права» под сомнение, его уничтожают, объявляют преступником или – что происходит всё чаще – навешивают ярлык «террориста», а в случае с неповинующимися правительствами – «страны-изгоя». Этот ярлык обычно подразумевает угрозу военного нападения или его текущую войну, как видно на примере Югославии, Афганистана, Ирака и в скором будущем, возможно, Сирии и Ирана. Президент США Джордж Буш говорил даже о допустимости «предупредительных» ядерных ударов в случае, если США почувствует угрозу применения оружия массового поражения [Chossudovsky 2005]. Европейский Союз не высказал возражений [Chossudovsky 2006].

Неолиберализм и война – это две стороны одной монеты [Altvater, Chossudovsky, Roy, Serfati 2005]. Разбой, свободная торговля и война по-прежнему составляют «неразделимую трицу», и в наше время, возможно, даже больше, чем когда-либо. Война не только «хороша для экономики», но является её движущей силой и может трактоваться как «продолжение экономики другими средствами» [Hendersen 1996]. Война и экономика стали фактически неотличимы [von Werlhof 2005]. Войны за ресурсы, в особенности, за нефть и воду, уже начались [Klare 2002]. Самыми очевидными примерами этого являются войны в Персидском заливе. Militarизм вновь выступает в роли «исполнительной власти капиталистического накопления» [Люксембург 1934: 315], военное вмешательство теперь потенциально возможно в любом месте и в любое время.

Права человека и права на независимость были отняты у людей, сообществ и правительств, и переданы корпорациям [Clarke 2003]. Мысль о том, что люди являются независимыми индивидами, фактически была уничтожена. Мы были свидетелями переворотов такого рода. Политические системы Запада и национальные государства в своей роли гарантов и выразителей международного разделения труда в современной мировой системе постепенно сходят на нет [Sassen 2000]. Национальные государства становятся «периферийными государствами» соответственно той незначительной роли, которую они играют в прото-деспотичном «новом мировом порядке» [Hardt, Negri 2003]. Демократия кажется устаревшей – и то верно, ведь она является «помехой бизнесу» [von Werlhof 2005].

«Новый мировой порядок» подразумевает новое разделение труда, которое больше не делает различий между Севером и Югом, Востоком и Западом. Сегодня всё вокруг – это Юг. Установилась соответствующая система международного права, эффективно работающего по вертикальной оси («сверху вниз») и отменяющего все местные и региональные общественные права. И это не всё: многие подобные права утрачивают свою действенность в отношении как прошлого, так и будущего.

Война не только «хороша для экономики», но является её движущей силой и может трактоваться как «продолжение экономики другими средствами». Война и экономика стали фактически неотличимы.

Установилась соответствующая система международного права, эффективно работающего по вертикальной оси («сверху вниз») и отменяющего все местные и региональные общественные права.

Логика неолиберализма как вида тоталитарного неомеркантилизма такова, что все ресурсы, все рынки, все деньги, все доходы, все средства производства, все «инвестиционные возможности», все права и вся власть принадлежат только корпорациям. Перефразируя Ричарда Сенетта: «Всё – корпорациям» [Sennett]. Остаётся только добавить: «Немедленно!».

Корпорации вольны делать всё что угодно со всем, что попадает в их руки. Никто не имеет права вмешиваться. По иронии судьбы предполагается, что мы можем рассчитывать на них в поиске выхода из кризиса, в котором мы оказались. Это ставит под угрозу всю планету, поскольку ответственность – это как раз то, чего корпорации лишены в принципе и о чём они не имеют ни малейшего представления. Времена социальных договоров канули в Лету [von Werlhof 2003]. На самом деле само упоминание кризиса стало преступлением, а любая критика скоро будет объявлена «террором» и преследоваться по закону [Chossudovsky 2005].

Экономическая медицина МВФ

С 1980-х гг. проводниками неолиберализма в основном являются программы структурных преобразований (ПСП) Всемирного Банка и МВФ. Эти программы направлены против стран Юга, на которые, в силу их долгов, можно оказывать давление. В то же время многочисленные военные операции и войны помогают получить контроль над оставшимися активами, закрепить за собой ресурсы, установить неолиберализм в качестве глобальной экономической политики, уничтожить попытки сопротивления, цинично называемые «восстаниями против МВФ», и облегчить ведение прибыльного бизнеса по реконструкции [Chossudovsky 2002; Mies 2005; Bennholdt-Thomsen, Faraclas, Werlhof 2001].

В 1980 г. Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер установили политику неолиберализма в Великобритании и США. В 1989 г. был сформулирован «Вашингтонский консенсус». Он должен был вести к глобальной свободе, процветанию и экономическому росту путём «отмены регуляции, либерализации и приватизации» и стал символом веры и обещанием всех неолибералов. Теперь мы знаем, что это обещание было воплощено в жизнь только для корпораций – и больше ни для кого.

В континентальной Европе неолиберализм начинается с кризиса в Югославии, спровоцированного программами структурных преобразований (ПСП) Всемирного банка и МВФ, которые привели к разграблению и развалу страны, а в конечном итоге – к гражданской войне за оставшиеся ресурсы [Chossudovsky 2002]. Теперь, после войны НАТО 1999 г., Балканы остаются разрозненными, оккупированными и в гео-

политическом отношении подчинёнными неолиберальному контролю [Richter, Schmähling, Spoo 2000]. Регион представляет большой стратегический интерес для будущей транспортировки нефти и газа с Кавказа на Запад (например, газопровода «Набукко», который будет запущен в 2011 г. и пройдёт от Каспийского моря через Турцию и Балканы) [Lietaer 2006]. Будущая судьба Балкан находится исключительно в руках западных корпораций.

На Ближнем Востоке уже в 1980-х гг. в войне между Ираком и Ираном Запад оказал поддержку Саддаму Хусейну, а война в Персидском заливе в начале 1990-х возвестила о постоянном присутствии США в этом самом богатом нефтяном регионе в мире.

Все правительства – левые ли, правые, либеральные или зелёные – принимают такое положение дел. Связь между неолиберализмом, его политикой, историей, истоками и влиянием на Европу и другие части света не подвергается анализу. Точно также не подвергается анализу и его связь с современным милитаризмом.

Всемирная торговая организация (ВТО): инструмент экономического давления

Когда в 1995 г. была создана Всемирная торговая организация, страны Европейского союза единогласно приняли все предложенные ВТО соглашения неолиберального толка. Эти соглашения включали: Многостороннее соглашение по инвестициям (МАИ), Генеральное соглашение о торговле услугами (GATS), Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS), Соглашение по сельскому хозяйству, позднее подкреплённое Соглашением по доступу на рынки несельскохозяйственной продукции (НАМА). Целью этих соглашений является быстрый ввод в действие глобальных корпоративных правил.

Никогда раньше, даже в колониальные времена, власть предержавшие не были полностью «освобождены» от ответственности за свои действия. Неудивительно, что переговоры по МАИ годами держались в секрете. Тем не менее, профсоюзы знали о готовящихся соглашениях, поскольку они участвовали в переговорах в лице Объединённого профсоюзного консультативного комитета (TUAC), присутствовавшего на конференциях ОЭСР в Париже во время обсуждения МАИ.

Информация о МАИ просочилась в прессу в 1997 г. Несмотря на это, даже тогда многие политические органы пытались принизить его значение и обвиняли своих критиков в «малодушии» (поскольку ими якобы двигала боязнь «чего-то нового»), «ксенофобии» (по отношению к мульти-

национальным корпорациям!) и «теории заговора». Надо сказать, что о «теории» не могло быть и речи: содержание МАИ, которое на самом деле превосходит самое бурное воображение, является вовсе не теорией, а практикой неолиберализма. Нельзя говорить и о «заговоре», поскольку его просто не существовало: в соглашении участвовали государства, отдельные неправительственные организации, разумеется, корпорации и даже профсоюзы. Впрочем, если все представители власти способны создать свой собственный заговор, тогда так оно и было. В любом случае, обитатели этой планеты, которые несут на себе бремя данного соглашения, не получили о нём никакой информации, и тем более не были приглашены участвовать в его обсуждении.

Во многом содержание МАИ было реализовано в результате заключения двусторонних договоров и Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), подписанного США, Канадой и Мексикой в 1994 г. Попытки превратить обе Америки в зону свободной торговли (ФТАА) до настоящего момента так и не увенчалась успехом из-за сопротивления большинства латиноамериканских правительств, что бесспорно обнадеживает.

Приватизация

Переговоры по GATS, Генеральному соглашению по торговле услугами, также держались в секрете с конца 1990-х гг. GATS означает тотальную корпоративную «приватизацию» и «коммерциализацию» жизни, трансформацию всех сфер жизни в «коммерческие» (*trade-related*) услуги или товары [Mies, von Werlhof 2003]. GATS можно понимать как глобальный процесс последовательной «либерализации» услуг. Члены ВТО подают свои предложения по либерализации и, в свою очередь, получают предъявляемые Всемирной торговой организацией требования. Доступ общественности к актуальным спискам требований зачастую оказывается затруднён. Считается, что коммерческие сделки не распространяются на такие «опасные» сферы, как образование, здравоохранение и водоснабжение, однако мы знаем, что это не так.

Согласно GATS, услуги, как было кем-то иронично подмечено, – это «всё, что не может отдавить ногу». Это означает, что это понятие больше не сводится к традиционному пониманию услуг, а распространяется также на мысли, чувства и действия людей. Даже стихии – воздух, вода, земля, огонь (энергия) – постепенно превращаются в товары (в некоторых местах этот процесс уже завершён), чтобы можно было извлечь прибыль из самого факта, что нам нужно дышать, пить, иметь опору под ногами и двигаться [Barlow 2003].

Даже стихии – воздух, вода, земля, огонь (энергия) – постепенно превращаются в товары (в некоторых местах этот процесс уже завершён), чтобы можно было извлечь прибыль из самого факта, что нам нужно дышать, пить, иметь опору под ногами и двигаться.

Никарагуа планирует провести приватизацию воды, которая будет предусматривать штраф в размере до десяти месячных зарплат за такие поступки, как одалживание ведра воды соседке, испытывающей жажду, но не имеющей возможности позволить себе собственное подключение к водопроводу [Südwind 2003.]. Дайте волю занимающимся водоснабжением корпорациям (самые крупные из них находятся во Франции и Германии: Vivendi Universal, Suez, RWE, а это означает, что приватизация воды – прежде всего европейский бизнес), – и соседка умрёт от жажды. В конце концов, сострадание только мешает бизнесу.

В Индии практикуется продажа целых рек. Известны истории о том, как женщин, приходящих на берега реки с буйволами, детьми и бельём для стирки (как они привыкли делать на протяжении веков), обвиняли в «краже воды» и прогоняли полицией. Существует даже план продажи самого Ганга – реки, почитаемой как «священная мать» [Shiva 2003].

Пресная вода как таковая (всего около 2% водных ресурсов Земли) не является ни обновляемым, ни пополняемым ресурсом, а её значение для местных экосистем настолько велико, что относиться к ней как к товару, который можно продавать и перепродавать, кажется абсолютно абсурдным [Barlow, Clarke 2003]. Тем не менее это уже происходит и, разумеется, приводит к катастрофическим результатам. Компания Coca Cola фактически превратила в пустыню некоторые части провинции Керала на юге Индии, исчерпав весь запас подземных водных ресурсов.

Согласно преднамеренно «размытому» определению понятия услуг корпорациями, сегодня в него можно включить даже «инвестиции». Немало говорится, например, о «финансовых услугах», что в частности означает фактическую интеграцию MAI в GATS. GATS – это, так сказать, MAI для всего мира.

«Директива Болкестайна» (названная в честь бывшего Европейского комиссара Болкестайна) может считаться одной из последних версий GATS [Dräger 2005]. Её смысл заключается в своего рода приватизации зарплат в Европейском союзе. Это означает, что труд европейских мигрантов оплачивается соразмерно тарифам в стране их происхождения, вне зависимости от стандартов заработной платы в той стране, где они работают. Как только директива вступит в силу, все преграды на пути введения «китайских условий труда» падут, а европейские профессиональные союзы потеряют всякий смысл. В свете этого тем более интересным кажется тот факт, что они оказали так мало сопротивления неолиберализму.

GATS можно рассматривать как одно из наиболее радикальных выражений воинствующего неолиберализма на сегодняшний день, поскольку его предельные амбиции сформули-

рованы так, как их ещё никогда не формулировали, а именно: никакие социальные, культурные, государственные или природные сектора не должны оставаться за пределами экономического контроля и эксплуатации, без каких-либо исключений. Таким образом, GATS следует понимать как попытку превратить абсолютно всё в этом мире в товары или коммерческие услуги, приносящие прибыль. Это касается всей природы (фауны и флоры, природных сил и ландшафта), самого человека (его кожи, волос и т. д.) и всех аспектов человеческой жизни: труда и досуга, сексуальности и беременности, рождения и смерти, болезни и здоровья, мира и войны, желания и воли, духа и души [Frauennetz 2003].

Права на интеллектуальную собственность

TRIPS соответствует GATS постольку, поскольку пытается поглотить мысль и опыт тысячелетних культур, то есть их духовное наследие. Целью, конечно, является получение прибыли. Ранее преследуемые культуры сейчас становятся объектами интереса как источники корпоративного дохода. По иронии, «коммерческие» права на интеллектуальную собственность созданы для того, чтобы защитить не наследие этих культур, а их корпоративную эксплуатацию. И это ещё не всё: те же права на интеллектуальную собственность используются для того, чтобы распространять идеи и опыт Запада на других, при необходимости – с применением силы. Патентные права используются, чтобы защитить все подобные интересы. В этом контексте особое значение приобретают «патенты на жизнь», поскольку они связаны с быстро развивающейся генетической инженерией [Shiva 2004]. Каждая генетическая манипуляция фиксируется как «новое изобретение», которое можно объявить собственным наследием. В некоторых случаях, однако, подобное патентирование никому не приходит в голову. Так, крадут гены растений, животных и даже людей, объявляя об их «открытии», а затем превращая в чью-то легальную «собственность». Такое «био-пиратство» эксплуатирует потенциальную прибыль любых ресурсов, назначая за их использование монопольные цены [Thaler 2004]. Так, например, существует патент на рис *басмати*, и чуть было не был принят патент на индийское дерево *ним*.

Лучшим примером компании, продающей свои «изобретения», является Монсанто. Она делает всё, чтобы поставить крестьян и фермеров планеты в зависимость от производимых ею генетически-модифицированных семян, которые намеренно разработаны таким образом, чтобы прорасти только один раз («семена-терминаторы»). Это означает, что фермеры должны покупать семена ежегодно. И так уже происходит в большин-

Ранее преследуемые культуры сейчас становятся объектами интереса как источники корпоративного дохода. По иронии, «коммерческие» права на интеллектуальную собственность созданы для того, чтобы защитить не наследие этих культур, а их корпоративную эксплуатацию.

стве регионов Индии, где тысячи крестьян были вынуждены отказаться от сельского хозяйства, что в свою очередь привело к шокирующему числу самоубийств [Shiva 2004]. Индийский физик, эколог и критик глобализации Вандана Шива называет этот процесс *Trading our Lives Away* – торговлей нашими жизнями [Shiva 1995]. В Корее выражение «ВТО убивает фермеров» стало популярным лозунгом среди многих фермерских сообществ.

Транснациональные агро-индустриальные корпорации теперь обсуждают даже возможность общего запрета традиционных методов ведения сельского хозяйства [Телеканал... 2005]. После вторжения США в Ирак местным фермерам уже пришлось сжечь все запасы семян и перейти на использование «семян-терминаторов». И это в Месопотамии, колыбели сельскохозяйственной культуры [Welt 2004]. Такие изменения ясно дают понять, что смысл генной инженерии не в том, чтобы сделать жизнь лучше, а в том, чтобы установить мировую монополию. Это с наибольшей очевидностью проявляется в попытках внедрить монополюсный контроль основных продуктов питания и услуг, необходимых каждому человеку. Теперь понятно, что на самом деле означают лозунги «Сельскохозяйственный бизнес – наиважнейший бизнес» и «Пшеница становится главным оружием» [Krieg 1980].

Генетически модифицированные организмы

Тем временем проблемы, связанные с генетически модифицированными организмами (ГМО), распространяются по всему миру. Взять, к примеру, генно-модифицированные семена – дорогие, низкостойкие и плохого качества [Grössler 2005]. Они требуют использования всё большего (а не меньшего) количества пестицидов и кроме того «загрязняют» окружающую среду, то есть уничтожают немодифицированные растения (при том, что сами они не способны к воспроизводству или способны лишь частично) [Verhaag 2004]. Становится всё сложнее отрицать, что ГМО вызывают необратимое разрушение всё ещё неизвестной части флоры и, в зависимости от их применения, фауны. Вместо новой жизни они приносят в мир новое бесплодие, а вместе с ним искусственно созданную смерть. Смерть, за которой не последует никакой жизни. И никто, похоже, не знает, как это предотвратить [von Werlhof 2006].

Всё это звучит как настоящий кошмар. К сожалению, это реальность. Например, в Канаде больше не существует натуральных рапсовых семян. В Аргентине и Китае миллионы гектаров засеяны ГМО-семенами. Экстренные поставки в регионы, охваченные голодом, практически полностью состоят из

Транснациональные агро-индустриальные корпорации теперь обсуждают даже возможность общего запрета традиционных методов ведения сельского хозяйства.

Становится всё сложнее отрицать, что ГМО вызывают необратимое разрушение всё ещё неизвестной части флоры и, в зависимости от их применения, фауны. Вместо новой жизни они приносят в мир новое бесплодие, а вместе с ним искусственно созданную смерть. Смерть, за которой не последует никакой жизни. И никто, похоже, не знает, как это предотвратить.

семян такого рода. В Германии коровы, которых перевели на генно-модифицированное питание, через два с половиной года умерли ужасной смертью [Glöckner 2005]. Даже в Австрии, население которой гордится своим ответственным отношением к экологии, на рынке не осталось корма для животных, в котором не было бы генно-модифицированных составляющих, а генно-модифицированные рапсовые семена продолжают использовать, несмотря на весь негативный опыт [Karg 2005: 7].

Происходящее просто не укладывается в голове: производится пища, которая убивает людей, а людей заставляют её потреблять. И это ещё не всё: им приходится платить за неё немалые деньги! Более мерзкое извращение трудно себе представить. Среди наиболее нелепых примеров – идея распространения противозачаточной генно-модифицированной кукурузы, разработанной швейцарской компанией Сингента, в регионах, подверженных так называемому перенаселению [Reiter 2005]. Геноцид, убийство и бизнес – всё в одном флаконе!

Неолиберализм оправдывает грабёж и мародерство

Неолиберализм – это сознательное предательство интересов 99% населения планеты. Он оправдывает разбой и разграбление. Он задуман и действует как настоящее «оружие массового поражения», работающее даже в отсутствие войны. Сколько жизней принесено в жертву неолиберализму? Некоторые говорят о сотнях миллионов [Ziegler 2004; Beiträge zu... 2004].

Парадоксально, что ВТО и её соглашения основаны на международном праве, на самом же деле они служат разбою и ограблению людей, чьи права должны быть защищены этими законами. Нарушения соглашений ВТО расцениваются как нарушения закона, стоящего над всеми национальными и региональными предписаниями. Как следствие, судебные иски, ставящие под сомнение совместимость законов ВТО (или ЕС) с национальными конституциями, постоянно отклоняются; в Австрии подобное произошло не далее как в 2005 г.

ВТО и его соглашения эффективно действуют как олигархическая конституция, применимая для всего мира. Они являются первой попыткой установить нео-тоталитарное «глобальное корпоративное управление» или даже «глобальное корпоративное правительство». Создаётся ощущение, что деспотизм снова приходит во власть, на этот раз на глобальном уровне. Речь идёт о новом АСП (Азиатском способе производства), который на этот раз имеет уже не азиатское, а американское происхождение.

Я считаю, что ВТО следовало бы назвать ВВП (Всемирный военный порядок), или ВН (Всемирный нокаут). Так или иначе, эта организация пронесется по планете подобно цунами, сгребая всё, что может приносить доход.

Альтернативы неолиберальной глобализации

Настоящие дебаты относительно альтернатив неолиберальной глобализации начались первого января 1994 г. с восстания хорошо организованных индейцев Южно-Мексиканских джунглей [Topitas 1994]. Мужчины, женщины, дети «Сапатистской армии национального освобождения», названной в честь мексиканского крестьянина и успешного лидера мексиканской революции 1910 г. Эмилиано Сапаты, без применения силы заняли один из центральных районов провинции Чьяпас. Они выступали против интеграции Мексики в неолиберальное Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), заключённое между США и Канадой. Соглашение НАФТА была подписано в тот же день. Один из представителей движения, теперь уже получивший мировую известность субкоманданте Маркос заявил, что неолиберализм – это «мировая война, которую финансовые силы ведут против человечества» и что он является выражением всемирного кризиса, а не триумфа капитализма. Индейцы решили не вступать в эту систему. Они выбрали сопротивление. У них было ясное представление об альтернативной жизни, и они следовали ему, несмотря на враждебность со стороны правительства и вооружённых сил [Rodriguez 2005]. Их сопротивление основывалось на традиционном понятии «хорошего правления»: прямая демократия, эгалитаризм и самодостаточная экономика, направленная не на экономическую эксплуатацию, а подкреплённая местной независимостью и уважением достоинства каждого человека. Эта концепция восходит к доколониальным временам культурного и духовного наследия древней Мексики (*Mixico profundo*), накопленного в течение веков [von Werlhof 2007b].

Протестное движение

На Севере волна социального движения против неолиберализма началась не ранее 1997–98 гг. борьбой против ратификации МАІ. Первой победой движения был отказ Франции ратифицировать МАІ.

Затем движение быстро распространилось по всему земному шару и мобилизовало до 15 миллионов человек на протесты против войн в Югославии, Афганистане и Ираке.

В 2002 и 2003 гг. основным содержанием борьбы стала кампания «Stop GATS», которую проводили такие международные группы, как АТТАК. Эта кампания встретила широкую поддержку. Социальные форумы стали работать организованно: индивидуальные группы и организации, критикующие неолиберальную глобализацию, начали проводить ежегодно встречи на региональном, национальном, континентальном и глобальном уровнях. Теперь всемирные социальные форумы собирают до 100 тысяч человек со всего света под лозунгом: «Другой мир возможен!».

Активисты также регулярно встречаются на саммитах ВТО, ВЭФ (Всемирного экономического форума), Большой восьмёрки или Всемирного банка. Им удалось сорвать две конференции ВТО в Сиэтле и Канкуне, нанеся таким образом ощутимый урон Всемирной торговой организации [Shiva 2005].

Тем не менее, поводов для эйфории нет. Для создания альтернативы неолиберализму одного только анализа и протестов недостаточно. Альтернатива неолиберализму должна применяться на деле. Для этого существуют разные возможности. Некоторые вынесенные на обсуждение «альтернативы» на деле таковыми не являются: реформа ВТО, подчинение глобализации «контролю» неправительственных организаций, возвращение к кейнсианству, восстановление «социальной рыночной экономики» или даже возвращение к социализму. Эти идеи игнорируют реальность и упрощают проблему. Ставки в игре значительно выше, и неолиберализм ежедневно даёт это понять.

Неолиберализм – это апокалипсис, «откровение». Отрицать это больше нельзя. Нельзя оправдывать неолиберализм той реальностью, которую он создаёт. Уже нельзя никого обмануть, называя корпорации безобидными «игроками». Теперь всё серьёзно, никакой двусмысленности. В результате приверженцам неолиберальной политики приходится просто лгать о том, что происходит.

Можно сказать, что единственная хорошая черта неолиберализма заключается в том, что он обнажает истинное значение «западной цивилизации» и «европейских ценностей». Это значит, что у людей теперь есть шанс сделать правильные выводы о том, что им на самом деле необходимо.

Нам действительно необходима другая цивилизация. Просто другая экономика, другое общество или культура будут недостаточны. Нам нужна цивилизация, полностью противоположная неолиберализму и патриархальному капиталистическому миру, который его произвёл. Логика нашей альтернативной системы должна полностью опровергать логику неолиберализма [von Werlhof 2007a].

Неолиберализм перевернул на этой планете с ног на голову всё, что гарантировало бы хорошую жизнь для всех её обитателей. Многим людям до сих пор сложно понять, что тот ужас, который окружает нас, является реальностью. Реальностью, которая была умышленно создана, поддержана и оправдана «нашими» политиками. Даже если бы нам удалось хотя бы отчасти претворить в жизнь альтернативу этой системе, избавиться от разбоя, эксплуатации, разрушения, насилия, войн, принуждения, беспощадности, накопления, жадности, коррупции, нам всё равно не восполнить ущерб, нанесённый нашей планете.

Земля больше не является раем, которым она была ещё пятьсот, двести или даже сто лет назад (по крайней мере, во многих её частях). Масштабы разрушения огромны: из-за таяния ледников и полярного льда сокращаются запасы питьевой воды; изменение климата приводит к стихийным бедствиям и катастрофам; атмосфера лишена защиты от ультрафиолетовой радиации («проблема озонового слоя»); многие виды флоры и фауны истреблены; большинство культур и их знания уничтожены; большинство природных ресурсов находится на грани полного истощения. И всё это за одну наносекунду жизни Земли.

Установление новых отношений в обществе

Нам необходимо установить новую экономику и новые технологии; выстроить новые взаимоотношения с природой; новые взаимоотношения между мужчинами и женщинами на взаимном уважении; новые взаимоотношения между поколениями, заходящими далее «седьмого колена»; новое политическое понимание, основанное на эгалитаризме и признании достоинств каждого индивида. А достигнув всего вышеперечисленного, мы должны будем установить надлежащую «духовную связь» с Землёй [von Werlhof 2007c]. Основные религии не могут нам в этом помочь – они потерпели сокрушительное поражение.

Нам необходимо исправить хотя бы часть того вреда, который был нанесён нашей планете. Никто не знает, на каком уровне это возможно, и возможно ли вообще. Ясно однако, что если мы хотим получить хотя бы какой-то шанс на успех, то нам нужна совершенно новая культура: бережное отношение к Земле, основанное на тех эмоциях, которые подавлялись и истреблялись во имя «прогресса» и производства товаров. Нам необходимо вновь обрести способность чувствовать, переносить боль, преодолевать страх и любить так, как кажется невозможным в наши дни [Anders 1994; Vaughan 1997]. Если это произойдёт, тогда новая жизнь на Земле и сама Земля получат новый шанс. А ведь другой планеты у нас нет.

К счастью, уже теперь появляются знаки, указывающие в нужном направлении. Во многих регионах Юга сформировались движения исконных народов, идущих по следам сапатистов [Esteva 2001]. В частности, индейцы Латинской Америки вернулись к тем методам ведения сельского хозяйства и самообеспечения (или «вновь выработали» эти методы), которые они практиковали на протяжении миллионов лет, создавая разнообразные формы конкретного богатства. Они открыли мини-рынки для торговли продуктами, в которых сами не нуждаются, тем самым обеспечивая социальное и экологическое выживание своего непосредственного (а также отдалённого) окружения [Bennholdt-Thomsen, Mies 1999; Bennholdt-Thomsen, Holzer, Müller 1999]. Глобальное движение крестьян *Виа Кампесина* (*Via Campensia*) защищает права малых фермеров по всему миру. На сегодняшний день оно насчитывает миллионы членов. По всему миру возвращение политики и экономики на локальный уровень переживает подъём [Norberg-Hodge 2001]. Формируются новые сообщества и новые кооперативы. Местные советы образуют региональные сети взаимодействия. В Индии это называется «живой демократией» – демократией, включающей Землю, то есть тем, что можно назвать «демократией Земли» [von Werlhof 2001].

На Севере известны тысячи случаев вытеснения отягощённых процентными ставками денег, использующихся для накопления и проведения спекулятивных сделок, а не для торгового обмена региональной «альтернативной валютой» [Lietaer 1999]. «Экономика солидарности» и «зелёная экономика» распространяются по всему миру, составляя конкуренцию всё ещё преобладающей «экономике прибыли» [Milani 2000]. На Севере, как и на Юге, вводят «бюджеты с общественным участием», подразумевающие, что все обитатели данного района или целого города участвуют в принятии решения о том, на что будут потрачены деньги налогоплательщиков. На обсуждение выносятся даже концепция экономики дарения в посткапиталистическом и постпатриархальном обществах [Vaughan 2006]. В любом случае ведутся поиски фундаментально нового опыта ведения коммунального хозяйства, не основанного на эгоизме. Происходит становление сообществ, в которых люди поддерживают друг друга, позволяя каждому индивиду думать, чувствовать и действовать по-разному.

Альтернативы никогда не приходили «сверху». Они появляются там, где люди индивидуально или в группах решают выступить с инициативой для того, чтобы самим контролировать свою судьбу [Korten 1996]. Новое жизнеощущение, новая энергия и новая солидарность распространяются снизу вверх, придавая силы всем, кто вовлечён в этот процесс

Происходит становление сообществ, в которых люди поддерживают друг друга, позволяя каждому индивиду думать, чувствовать и действовать по-разному.

[Mies 2001], освобождая человека из тюрьмы «индивидуализма», низводящего его до «живого товара» или ещё того хуже – «самостоятельно работающей машины».

Упомянутые примеры сопротивления и нахождения альтернативных решений действительно лишают основы неолиберализм и его глобализацию. Люди, вовлечённые в эти движения, вырабатывают абсолютно новый образ мышления. Они утратили веру в развитие и видят всю игру насквозь. Слово «развитие» для них равносильно ругательству, его употребление становится поводом для насмешек. Политики им не нужны: «*Quesevayantodos!*» (Пусть убираются к чёрту), – эта фраза использовалась недавно на лозунгах протестного движения в Аргентине. Стало очевидным, что никто не хочет иметь ничего общего с конвенциональной политикой и политиками. Люди поняли, что политика как «система» вовсе не стоит на службе общества, а напротив – предаёт и разделяет его. Некоторые выработали почти аллергическую реакцию на конвенциональную политику. Они давно поняли, что господство всегда «контрпродуктивно» для жизни.

Несомненно, есть альтернативы разграблению, разбою и разрушению планеты. Как только мы осознаем это, перед нами начнёт вырисовываться что-то новое. Нужно дать ему прорасти, прежде чем запущенный нами бумеранг гордыни вновь ударит по нашим головам.

Перевод Анастасии Смирновой и Ксении Шарп

Библиографический список

Гёте И. В. 1977. Фауст / Пер. с нем. Н. Холодковского. М.: Детская литература. 352 с.

Люксембург Р. 1934. Накопление капитала. Т. 1 и 2 / Под. ред. Ш. Дволайцкого. М. – Л.: Соцэкгиз. 508 с.

Маркс К. 2013. Капитал. СПб.: Лениздат. 384с.

Altvater E. 2005. Das Ende des Kapitalismus, wie wir ihn kennen // Eine radikale ... Heilige Schriften der Menschheitsgeschichte. Aschendorff. Münster: Westfälisches Dampfboot. S. 133–159.

Altvater E., Mahnkopf B. 1996. Grenzen der Globalisierung // Ökonomie, Ökologie und Politik in der Weltgesellschaft. Münster: Westfälisches Dampfboot. S. 146–175.

Altvater E., Chossudovsky M., Roy A., Serfati C. 2003. Globalisierung und Krieg // Getriebe, Internationaler deutschsprachiger Rundbrief der Attasc-Bewegung, No. 17. Sonderausgabe zu den Anti-Kriegs-Demonstrationen. February 15.

Anders G. 1994. Die Antiquiertheit des Menschen. Bd. 1. Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution. München: Beck. 580 S.

ARTE. US-Firmen patentieren Nutzpflanzen und wollen traditionellen Anbau verbieten. Телеканал. Передача от 15.11. 2005.

Bales K. 2001. Die neue Sklaverei. München: Kunstmann. 526 s.

Barlow M. 2001. The Last Frontier // The Ecologist. February. P. 38–42.

Barlow M., Clarke T. 2003. Blaues Gold. Das globale Geschäft mit dem Wasser. München: Kustmann. 336 S.

Bennholdt-Thomsen V., Mies M. 1999. The Subsistence Perspective. Beyond the Globalised Economy. London: Zed Books. 288 p.

Bennholdt-Thomsen V., Holzer B., Müller Ch. (Hg.). 1999. Das Subsistenzhandbuch. Widerstandskulturen in Europa, Asien und Lateinamerika. Wien: Promedia. 249 s.

Bennholdt-Thomsen V., Mies M., Werlhof C. 1988. Women. The Last Colony. London–New Delhi: Zed Books. 185 p.

Beiträge zu sozialistischer Politik, Agrobusiness // Widerspruch 47. Hunger und Recht auf Nahrung. Zürich, 2004. № 47.

Chomsky N. 2003. Hybris. Die endgültige Sicherstellung der globalen – Vormachtstellung der USA. Hamburg – Wien: Europaverlag. 329 s.

Chossudovsky M. 2005. America's «War on Terrorism». Montreal: Global Research. 365 p.

Chossudovsky M. 2002. Global Brutal. Der entfesselte Welthandel, die Armut, der Krieg. Frankfurt: Zweithausendeins. 305 s.

Chossudovsky M. Nuclear War Against Iran // Global Research. Center for Research on Globalisation. Ottawa, 2006. № 13.1. URL: http://911review.org/Wget/www.rense.com/Nuclear_War_Against_Iran.html [Дата посещения: 16.07.2015].

Chossudovsky M. 2003. War and Gloablization. The Truth Behind September 11th. Ottawa: Global Outlook. 158 p.

Clarke T. 2003. Der Angriff auf demokratische Rechte und eiheiten // Mies M., von Werlhof C. (Hg.). Lizenz zum Plündern. Das Multilaterale Abkommen über Investitionen MAI. Globalisierung der Konzernherrschaft – und was wir dagegen tun können. Hamburg: EVA. S. 80–94.

Creutz H. 1995. Das Geldsystem. Wege zur krisenfreien Marktwirtschaft. Frankfurt: Ullstein. 464 s.

Dräger K., Hammer B. 2005. Projekt Dienstleistungsbinnenmarkt 2010 // Infobrief gegen Konzernherrschaft und neoliberale Politik, 19: Täter EU – Raubzüge in Ost und West. Köln. S. 17–22.

Ehrenreich B. 2001. Arbeit poor. Unterwegs in der Dienstleistungsgesellschaft. München: Kunstmann. 380 s.

Esteva G. 2001. Mexico: Creating Your Own Path at the Grassroots // Bennholdt-Thomsen V., Faraclas N., von Werlhof C. “There is an Alternative: subsistence and worldwide resistance to corporate globalization. London: Zed Books. S. 155–166.

Frank A. G. 1969. Die Entwicklung der Unterentwicklung // Kritik des bürgerlichen Antiimperialismus. München: Wagenbach.

Frank A. G. 2005. Orientierung im Weltsystem. Von der Neuen Welt zum Reich der Mitte. Wien: Promedia. 160 s.

Frauenetz ATTAC (Hg.). 2003. Dienste ohne Grenzen? GATS, Privatisierung und die Folgen für Frauen. Dokumentation des Internationalen Kongresses vom 9–11.5.03 in Köln. Frankfurt.

Fröbel F., Heinrichs J., Kreye O. 1977. Die neue internationale Arbeitsteilung. Strukturelle Arbeitslosigkeit in den Industrieländern und die Industrialisierung der Entwicklungsländer. Reinbek: Rowohlt.

Galtung J. 1993. Eurotopia, Die Zukunft eines Kontinentes. Wien: Promedia. 215 s.

Genth R. 2006. Die Bedrohung der Demokratie durch die Ökonomisierung der Politik. Radioочерк для радиостанции «Saarländischer Rundfunk». 04.03.

George S. 2001. Treffen von Gegnern und Befürwortern der Globalisierung. Доклад в рамках конференции МЭФ (World Economic Forum), Salzburg.

Glöckner G. 2005. Der Genmais und das große Rindersterben // Attac. URL: http://gentechtechnik-im-wendland.blogspot.com/2008/02/blog-post_2475.html [Дата посещения: 16.07.2015].

Grössler M. (Hg.). 2005. Gefahr Gentechnik. Irrweg und Ausweg. Experten klären auf. Graz. Concord. 244 s.

Gruen A. 1997. Der Verlust des Mitgeföhls. Über die Politik der Gleichgültigkeit. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. 304 s.

Hardt M., Negri A. 2001. Empire. Cambridge: Harvard Univ. Press. 478 p.

Hendersen H. 1996. Building a Win-Win World. Life Beyond Global Economic Warfare. San Francisco. 403 p.

Herburn J. 2005. Die Rückeroberung von Allmenden – von alten und von neuen. Немецкий перевод доклада на конференции “Other Worlds Conference”, университет Пенсильвании; 28/29.04.

Hofbauer H. 2003. Osterweiterung. Vom Drang nach Osten zur peripheren EU-Integration. Wien: Promedia. 212 s.

Isla A. 2005. The Tragedy of the Enclosures: An Eco-Feminist Perspective on Selling Oxygen and Prostitution in Costa Rica. Ontario, Canada: Man., Brock Univ., Sociology Dpt., St. Catherines.

Isla A. 2003. Women and Biodiversity as Capital Accumulation: An Eco-Feminist View // Socialist Bulletin. Vol. 69. Winter. S. 21–34.

Karg J. 2005. Trägerische Schönheit // Global News. Das Umweltmagazin von global 2000.

Kennedy M. 1990. Geld ohne Zinsen und Inflation. Steyerberg: Permakultur. 119 s.

Klare M. T. 2001. Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York: Henry Holtand Company.

Korten D. 1996. When Corporations Rule the World. San Francisco: Berret-Koehler. 385 p.

Krieg P. 1980. Septemberweizen, Freiburg. Документальный фильм.

Lietaer B. 1999. Das Geld der Zukunft. Über die destruktive Wirkung des existierenden Geldsystems und die Entiwcklung von Komplementärwährungen. München: Riemann. 477 s.

Lietaer B. 2006. Jenseits von Gier und Knappheit. Interview mit Sarah van Gelder. URL: <http://www.transaction.net/press/interviews/lietaer0497.html> [Дата посещения: 16.07.2015].

Mies M. 2001. Globalisierung von unten. Der Kampf gegen die Herrschaft der Konzerne. Hamburg: Rotbuch. 255 s.

Mies M. 2005. Krieg ohne Grenzen. Die neue Kolonisierung der Welt. Köln: PapyRossa. 428 s.

Mies M. 1986. Patriarchy and Accumulation on a World Scale. Women in the International Division of Labor. London: Zed Books. 280 p.

Mies M., von Werlhof C. (Hg.). 2003. Lizenz zum Plündern. Das Multilaterale Abkommen über Investitionen MAI. Globalisierung der Konzernherrschaft – und was wir dagegen tun können. Hamburg: EVA. 245 s.

Milani B. 2000. Designing the Green Economy. The Postindustrial Alternative to Corporate Globalization. Lanham: Rowman& Littlefield. 264 p.

Norberg-Hodge H. 2001. Local Lifeline: Rejecting Globalization – Embracing Localizaion // Bennholdt-Thomsen V., Mies M. 1999. The Subsistence Perspective. Beyond the Globalised Economy. London: Zed Books. S. 178– 188.

Raggam A. 2004. Klimawandel, Biomasse als Chance gegen Klimakollaps und globale Erwärmung. Graz: Gerhard Erker.

Reiter G. 2005. GEN OZID“, Flugblatt der bioBauern Scharding. Pro Leben Oberösterreich, November. Листовка эконо-фермера Шердинга.

Richter W., Schmahling E., Spoo E. (Hg.). 2000. Die Wahrheit über den NATO-Krieg gegen Jugoslawien. Schkeuditz: Schkeuditzer Buchverlag. 300 s.

Rodriguez S. 2005. The Zapatista Approach to Politics. Interview with Miguel Romero // Viento Sur. № 83.

Salzburger A. 2006. Zurück in die Zukunft des Kapitalismus, Kommerz und Verelendung in Polen. Frankfurt – New York: Peter Lang Verlag. 408 p.

Sassen S. 2000. Machtbeben. Wohin führt die Globalisierung? Stuttgart-München: DVA. 196 s.

Sennett R. 2005. Alternativen zur neoliberalen Globalisierung. Zit.: In Einladung zu den Wiener Vorlesungen, 22.11.2005: Alternativen zur neoliberalen Globalisierung.

Shiva V. 2003. Der Kampf um das blaue Gold. Ursachen und Folgen der Wasserverknappung. Zürich: Rotpunktverlag.

Shiva V. 2005. From Doha to Hong Kong via Cancun. Will WTO Shrink or Sink? URL: web-mail2.uibk.ac.at/horde/imp/message.php?index=22627 [Дата посещения: 16.07.2015].

Shiva V. 2004. Geraubte Ernte. Biodiversität und Ernährungspolitik. Zürich: Rotpunktverlag. 179 s.

Shiva V. 1995. Trading our Lives Away. An Ecological and Gender Analysis of „Free Trade“ and the WTO. New Delhi: Research Foundation for Science, Technology and National Research Policy.

Südwind. 2003. Nicaragua: Ausverkauf auf Kosten der Menschen // Flugblatt (Flyer). 12.11.

Thaler B. 2004. Biopiratie und indigener Widerstand. Frankfurt A. M. – New York: Peter Lang Verlag. 242 p.

Topitas (Hg.). 1994. “Ya basta!“. Der Aufstand der Zapatistas. Hamburg: Libertäre Assoziation. 346 s.

Vaughan G. 1997. For-Giving. A Feminist Criticism of Exchange. Austin: Anomaly Press. 432 p.

Vaughan G. (Ed.). 2004. The Gift, Il Donno // Athanor. Anno XV. Nuovaserie. № 8.

Vaughan G. (Ed.). 2006. A Radically Different World View is Possible. The Gift Economy Inside and Outside Patriarchal Capitalism. Inna Press.

Verhaag K. 2004. *Leben außer Kontrolle*. München. Документальный фильм.

Wallerstein I. 1979. *Aufstieg und künftiger Niedergang der kapitalistischen Weltsystems* // Senghaas D. *Kapitalistische Weltökonomie. Kontroversen über ihren Ursprung und ihre Entwicklungsdynamik*. Frankfurt: Suhrkamp.

Wallerstein I. (Ed.). 2004. *The Modern World-System in the Longue Durée*. Boulder/London. 256 p.

Welt J. 2004. *Die grüne Kriegsfront. USA verordnen dem von ihrem Militär besetzten Irak den Anbau von genmanipuliertem Getreide. Millionen Kleinbauern droht der Ruin*. 29.11.

von Werlhof C. 2007a. *Capitalist Patriarchy and the Negation of Matriarchy: The Struggle for a „Deep“ Alternative“* // Vaughan G. (Ed.). *Women and the Gift Economy. A Radically Different World View is Possible*. Toronto: Inanna. S. 139–153.

von Werlhof C. 2004. *Frauen und Ökonomie. Reden, Vorträge 2002–2004, Themen GATS, Globalisierung*. Mechernich: Gerda-Weiler-Stiftung.

von Werlhof C. 2001. *Globale Kriegswirtschaft oder Earth Democracy?* // Bildungswerkstatt G. (Hg.). *Die Gewalt des Zusammenhangs. Neoliberalismus – Militarismus – Rechtsextremismus*. Wien: Promeida. S. 125–142.

von Werlhof C. 2001. *Loosing Faith in Progress: Capitalist Patriarchy in an “Alchemical System”* // Bennholdt-Thomsen et.al. (Ed.). *There is an Alternative*. P. 15–40.

von Werlhof C. 2003. *MAINopoly: Aus Spiel wird Ernst* // Mies M., von Werlhof C. (Hg.). *Lizenz zum Plündern. Das Multilaterale Abkommen über Investitionen MAI. Globalisierung der Konzernherrschaft – und was wir dagegen tun können*. Hamburg: EVA. S. 148–192.

von Werlhof C. 2007b. *Questions to Ramona* // Corinne Kumar (Ed.). *Asking, We Walk. The South as New Political Imaginary*. Vol. 2. Bangalore: Streelekha, P. 214–268.

von Werlhof C. 2005. *Speed Kills!* // Dimmel, N., Schmee, J. (Eds.) *Politische Kultur in Österreich 2000–2005*. Wien: Promedia. P. 284–292.

von Werlhof C. 2007c. *The Interconnectedness of All Being: A New Spirituality for a New Civilization* // Kumar C. (Ed.). *Asking, We Walk. The South as New Political Imaginary*, Vol. 2. Bangalore: Streelekha. P. 379–386.

von Werlhof C. 2005. *Vom Wirtschaftskrieg zur Kriegswirtschaft. Die Waffen der Neuen-Welt-Ordnung* // Mies M. *Krieg ohne Grenzen. Die neue Kolonisierung der Welt*. Köln: Papy Rossa. S. 40–48.

von Werlhof C. 2006. *Utopia of a Motherless World. Patriarchy as “War-System“* // Heide G.-A. (Ed.). *Societies of Peace. Contributions to the 2nd World Congress of Matriarchal Studies*. Toronto: Inanna. P. 29–44.

von Werlhof C. 1991. Was haben die Hühner mit dem Dollar zu tun? // Frauen und Ökonomie. MünchenP: Frauenoffensive.

Ziegler J. 2004. Das tägliche Massaker des Hungers // Widerspruch. № 47. S. 19–24.

Globalization and Neo-liberalism: Is there any Alternative to Pillage of the Earth?

Claudia von Werlhof

Honored Professor of Innsbruck University, Innsbruck, Austria. E-mail: Claudia.Von-Werlhof@uibk.ac.at

Abstract. This article was not initially written for the Russian audience. It became a result of many years' critical analysis of economy, ecology, politics and patriarchal character of "world capitalist system" and its dependence on technology. This world system however includes socialism, since socialism/communism, like their successors, operate on the same scientific, technological and nature destructive basis of the international "industrial system", which was formed in Europe during the Modern Times, and since then has been distributed and "globalized" as the modern civilization in the course of "progress and development". Therefore, the author's criticism of "neo-liberalism" as a modern ideological and political form of world capitalist system cannot drive the reader to the conclusion that every criticism of liberalism in today's Russia has the same content. On the contrary, the author stands for abandoning the industrial system in all of its political versions, until it destroys the entire planet. It equally applies to such countries as Russia and China. The only virtual alternative to the industrial system in modern world are southern, usually autochthonous, or formerly colonized societies existing at present mostly in Latin America, striving to break with contemporary civilizations of the North, i.e. the West and the East, and, as far as it is possible, really break their ties with them. Moreover, this article was first published in German as early as in 2007, and then translated into English and Spanish. Many people evidently found in it the explanation of the modern world situation, and so, it was proposed to the author to publish it in other languages as well. For this reason, the text was amended with such changes occurring in the world as numerous new wars, "terror" as a new form of Western policy, as well as the US attempts to establish the New World Order via agreements about supposedly "free trade" (TTIP, TPP, CETA and TISA). The article was written after the open panel discussion on the "Alternatives to Neo-liberal Globalization", attended by Ferdinand Lacina, former Austrian Minister of Finance, who then was at the head of BAWAG Bank and now supervises the National Bank of Austria, Ewald Nowotny and me. The discussion was held within the framework of "Vienna Lectures", during the Dellinger Symposium in the Chamber of Labor (Vienna, Austria, May 21, 2005).

Keywords: globalization, neoliberalism, alternative, autochthonous societies, world capitalist system

References

Altvater E. Das Ende des Kapitalismus, wie wir ihn kennen. Eine radikale ... Heilige Schriften der Menschheitsgeschichte. Aschendorff. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2005. S. 133–159.

Altvater E., Chossudovsky M., Roy A., Serfati C. Globalisierung und Krieg // Getriebe, Internationaler deutschsprachiger Rundbrief der Attasc-Bewegung, 2003, No. 17. Sonderausgabe zu den Anti-Kriegs-Demonstrationen. February 15.

Altvater E., Mahnkopf B. Grenzen der Gloablisierung // Ökonomie, Ökologie und Politik in der Weltgesellschaft. Münster, Westfälisches Dampfboot, 1996. S. 146–175.

Anders G. Die Antiquiertheit des Menschen. Bd.1. Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution. München, Beck, 1994. 580 s.

ARTE. US-Firmen patentieren Nutzpflanzen und wollen traditionellen Anbau verbieten. Телеканал. Передача от 15.11. 2005.

Bales K. Die neue Sklaverei. München, Kunstmann, 2001. 526 s.

- Barlow M. The Last Frontier. *The Ecologist*, 2001, February, pp. 38–42.
- Barlow M., Clarke T. *Blaues Gold. Das globale Geschäft mit dem Wasser.* München, Kustmann, 2003. 336 s.
- Beiträge zu sozialistischer Politik, Agrobusiness. Widerspruch 47. Hunger und Recht auf Nahrung. Zürich, 2004, No. 47.
- Bennholdt-Thomsen V., Holzer B., Müller Ch. (Hg.). *Das Subsistenzhandbuch. Widerstandskulturen in Europa, Asien und Lateinamerika.* Wien, Promedia, 1999. 249 s.
- Bennholdt-Thomsen V., Mies M. *The Subsistence Perspective. Beyond the Globalised Economy.* London, Zed Books, 1999. 288 p.
- Bennholdt-Thomsen V., Mies M., Werlhof C. *Women. The Last Colony.* London–New Delhi, Zed Books, 1988. 185 p.
- Chomsky N. *Hybris. Die endgültige Sicherstellung der globalen – Vormachtstellung der USA.* Hamburg – Wien, Europaverlag, 2003. 329 s.
- Chossudovsky M. *Global Brutal. Der entfesselte Welthandel, die Armut, der Krieg.* Frankfurt, Zweithausendeins, 2002. 305 s.
- Chossudovsky M. *War and Gloablization. The Truth Behind September 11th.* Ottawa, Global Outlook, 2003. 158 p.
- Chossudovsky M. *America's «War on Terrorism».* Montreal, Global Research, 2005. 365 p.
- Chossudovsky M. *Nuclear War Against Iran.* Global Research. Center for Research on Globalisation. Ottawa, 2006, No. 13.1. URL: http://911review.org/Wget/www.rense.com/Nuclear_War_Against_Iran.html [date of visit 16.07.2015].
- Clarke T. *Der Angriff auf demokratische Rechte und eiheiten // Mies M., von Werlhof C. (Hg.). Lizenz zum Plündern. Das Multilaterale Abkommen über Investitionen MAI. Globalisierung der Konzernherrschaft – und was wir dagegen tun können.* Hamburg EVA, 2003. S. 80–94.
- Creutz H. *Das Geldsystem. Wege zur krisenfreien Marktwirtschaft.* Frankfurt, Ullstein, 1995. 464 s.
- Dräger K., Hammer B. *Projekt Dienstleistungsbinnenmarkt 2010 // Infobrief gegen Konzernherrschaft und neoliberale Politik, 19: Täter EU – Raubzüge in Ost und West,* Köln, 2005. S. 17–22.
- Ehrenreich B. *Arbeit poor. Unterwegs in der Dienstleistungsgesellschaft.* München, Kunstmann, 2001. 380 s.
- Esteva G. *Mexico: Creating Your Own Path at the Grassroots // Bennholdt-Thomsen V., Faraclas N., von Werlhof C. “There is an Alternative: subsistence and worldwide resistance to corporate globalization.* London, Zed Books, 2001. S. 155–166.
- Frank A. G. *Die Entwicklung der Unterentwicklung. Kritik des bürgerlichen Antiimperialismus.* München, Wagenbach.
- Frank A. G. *Orientierung im Weltsystem. Von der Neuen Welt zum Reich der Mitte.* Wien, Promedia, 1969. 2005. 160 s.
- Frauenetz ATAC (Hg.). *Dienste ohne Grenzen? GATS, Privatisierung und die Folgen für Frauen. Dokumentation des Internationalen Kongresses vom 9–11.5.03.2003.* in Köln. Frankfurt.
- Fröbel F., Heinrichs J., Kreye O. *Die neue internationale Arbeitsteilung. Strukturelle Arbeitslosigkeit in den Industrieländern und die Industrialisierung der Entwicklungsländer.* Reinbek, Rowohlt, 1977.
- Galtung J. *Eurotopia, Die Zukunft eines Kontinentes.* Wien, Promedia, 1993. 215 s.
- Genth R. *Die Bedrohung der Demokratie durch die Ökonomisierung der Politik. Radioo очерк для радиостанции «Saarländischer Rundfunk».* 04.03.2006.
- George S. *Treffen von Gegnern und Befürwortern der Globalisierung. Presentation Presentation at the conference of World Economic Forum.* Salzburg, 2001.

Glöckner G. Der Genmais und das große Rindersterben // Attac. URL: http://gentechnik-im-wendland.blogspot.com/2008/02/blog-post_2475.html [date of visit 22.07.2015].

Gothe I. W. Faust. Transl. from German by N. Holodkovsky. Moscow.: Detckaja literature, 1977. 352 p.

Grössler M. (Hg.). Gefahr Gentechnik. Irrweg und Ausweg. Experten klären auf. Graz. Concord, 2005. 244 s.

Gruen A. Der Verlust des Mitgeföhls. Über die Politik der Gleichgültigkeit. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. 304 s.

Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, Harvard Univ. Press, 2001. 478 p.

Hendersen H. Building a Win-Win World. Life Beyond Global Economic Warfare. San Francisco, 1996. 403 p.

Hepburn J. Die Rückeroberung von Allmenden – von alten und von neuen. Немецкий перевод доклада на конференции “Other Worlds Conference“, университет Пенсильвании; 28/29.04. 2005.

Hofbauer H. Osterweiterung. Vom Drang nach Osten zur peripheren EU-Integration. Wien, Promedia, 2003. 212 s.

Isla A. Women and Biodiversity as Capital Accumulation: An Eco-Feminist View // Socialist Bulletin, 2003, Vol. 69, Winter, pp. 21–34.

Isla A. The Tragedy of the Enclosures: An Eco-Feminist Perspective on Selling Oxygen and Prostitution in Costa Rica. Ontario, Canada, Man., Brock Univ., Sociology Dpt., St. Catherines, 2005.

Karg J. Trügerische Schönheit // Global News. Das Umweltmagazin von global 2000. 2005.

Kennedy M. Geld ohne Zinsen und Inflation. Steyerberg, Permakultur, 1990. 119 s.

Klare M. T. Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict. New York, Henry Holtand Company, 2001.

Korten D. When Corporations Rule the World. San Franzisco, Berret-Koehler, 1996. 385 p.

Krieg P. Septemberweizen, Freiburg. 1980. Документальный фильм.

Lietaer B. Das Geld der Zukunft. Über die destruktive Wirkung des existierenden Geldsystems und die Entwicklung von Komplementärwährungen. München, Riemann, 1999. 477 s.

Lietaer B. Jenseits von Gier und Knappheit. Interview mit Sarah van Gelder. URL: <http://www.transaction.net/press/interviews/lietaer0497.html> [date of visit 14.06.2015].

Luxemburg R. Nakoplenie kapitala [Capital Accumulation]. Vol. 1 and 2. Moscow – Leningrad, Socekiz, 1934. 508 p.

Marx K. Capital. Transl. from German. Saint-Petersburg, 2013. 384 pages.

Mies M. Globalisierung von unten. Der Kampf gegen die Herrschaft der Konzerne. Hamburg, Rotbuch, 2001. 255 s.

Mies M. Krieg ohne Grenzen. Die neue Kolonisierung der Welt. Köln, PapyRossa, 2005. 428 s.

Mies M. Patriarchy and Accumulation on a World Scale. Women in the International Division of Labor. London, Zed Books, 1986. 280 p.

Mies M., von Werlhof C. (Hg.). Lizenz zum Plündern. Das Multilaterale Abkommen über Investitionen MAI. Globalisierung der Konzernherrschaft – und was wir dagegen tun können. Hamburg, EVA, 2003. 245 s.

Milani B. Designing the Green Economy. The Postindustrial Alternative to Corporate Globalization. Lanham, Rowman& Littlefield, 2000. 264 p.

Norberg-Hodge H. Local Lifeline: Rejecting Globalization – Embracing Localizaion // Bennholdt-Thomsen V., Mies M. 1999. The Subsistence Perspective. Beyond the Globalised Economy. London, Zed Books, 2001. S. 178– 188.

- Raggam A. Klimawandel, Biomasse als Chance gegen Klimakollaps und globale Erwärmung. Graz, Gerhard Erker, 2004.
- Reiter G. GEN OZID“, Flugblatt der bioBauern Schärding. Pro Leben Oberösterreich, November. Листовка эконофермера Шердинга. 2005.
- Richter W., Schmähling E., Spoo E. (Hg.). Die Wahrheit über den NATO-Krieg gegen Jugoslawien. Schkeuditz: Schkeuditzer Buchverlag. 300 s.
- Rodriguez S. 2005. The Zapatista Approach to Politics. Interview with Miguel Romero. Viento Sur, 2000, No. 83.
- Salzburger A. Zurück in die Zukunft des Kapitalismus, Kommerz und Verelendung in Polen. Frankfurt – New York, Peter Lang Verlag, 2006. 408 p.
- Sassen S. Machtbeben. Wohin führt die Globalisierung? Stuttgart-München, DVA, 2000. 196 s.
- Sennett R. Alternativen zur neoliberalen Globalisierung. Zit.: In Einladung zu den Wiener Vorlesungen, 22.11.2005. Alternativen zur neoliberalen Globalisierung.
- Shiva V. Trading our Lives Away. An Ecological and Gender Analysis of „Free Trade“ and the WTO. New Delhi, Research Foundation for Science, Technology and National Research Policy, 1995.
- Shiva V. Der Kampf um das blaue Gold. Ursachen und Folgen der Wasserverknappung. Zürich, Rotpunktverlag, 2003.
- Shiva V. Geraubte Ernte. Biodiversität und Ernährungspolitik. Zürich, Rotpunktverlag, 2004. 179 s.
- Shiva V. From Doha to Hong Kong via Cancun. Will WTO Shrink or Sink? URL: web-mail2.uibk.ac.at/horde/imp/message.php?index=22627 [date of visit 16.07.2015].
- Südwind. Nicaragua: Ausverkauf auf Kosten der Menschen // Flugblatt (Flyer). 12.11.2003.
- Thaler B. Biopiratie und indigener Widerstand. Frankfurt a. Mein – New York, Peter Lang Verlag, 2004. 242 p.
- Topitas (Hg.). “Ya basta!”. Der Aufstand der Zapatistas. Hamburg, Libertäre Assoziation, 1994. 346 s.
- Vaughan G. (Ed.). The Gift, Il Donno // Athanor, 2004, Anno XV, Nuovaserie, No. 8.
- Vaughan G. (Ed.). A Radically Different World View is Possible. The Gift Economy Inside and Outside Patriarchal Capitalism. Inna Press, 2006.
- Vaughan G. For-Giving. A Feminist Criticism of Exchange. Austin, Anomaly Press, 1997. 432 p.
- Verhaag K. Leben außer Kontrolle. München, 2004. Документальный фильм.
- von Werlhof C. Was haben die Hühner mit dem Dollar zu tun? Frauen und Ökonomie. München, Frauenoffensive, 1991.
- von Werlhof C. Globale Kriegswirtschaft oder Earth Democracy? Bildungswerkstatt G. (Hg.). Die Gewalt des Zusammenhangs. Neoliberalismus – Militarismus – Rechtsextremismus. Wien, Promeida, 2001. S. 125–142.
- von Werlhof C. 2001. Loosing Faith in Progress: Capitalist Patriarchy in an “Alchemical System” // Bennholdt-Thomsen et.al. (Ed.). There is an Alternative. P. 15–40.
- von Werlhof C. MAInopoly: Aus Spiel wird Ernst. Mies M., von Werlhof C. (Hg.). Lizenz zum Plündern. Das Multilaterale Abkommen über Investitionen MAI. Globalisierung der Konzernherrschaft – und was wir dagegen tun können. Hamburg, EVA, 2003. S. 148–192.
- von Werlhof C. Frauen und Ökonomie. Reden, Vorträge 2002–2004, Themen GATS, Globalisierung. Mechernich, Gerda-Weiler-Stiftung, 2004.
- von Werlhof C. Speed Kills! Dimmel, N., Schmee, J. (Eds.) Politische Kultur in Österreich 2000–2005. Wien, Promedia, 2005. P. 284–292.

von Werlhof C. Vom Wirtschaftskrieg zur Kriegswirtschaft. Die Waffen der Neuen-Welt-Ordnung. Mies M. Krieg ohne Grenzen. Die neue Kolonisierung der Welt. Köln, Papy Rossa, 2005. S. 40–48.

von Werlhof C. Utopia of a Motherless World. Patriarchy as “War-System“ // Heide G.-A. (Ed.). Societies of Peace. Contributions to the 2nd World Congress of Matriarchal Studies. Toronto, Inanna, 2006. P. 29–44.

von Werlhof C. Capitalist Patriarchy and the Negation of Matriarchy: The Struggle for a „Deep“ Alternative“. Vaughan G. (Ed.). Women and the Gift Economy. A Radically Different World View is Possible. Toronto, Inanna, 2007. S. 139–153.

von Werlhof C. Questions to Ramona // Corinne Kumar (Ed.). Asking, We Walk. The South as New Political Imaginary. Vol. 2. Bangalore, Streelekha, 2007. P. 214–268.

von Werlhof C. The Interconnectedness of All Being: A New Spirituality for a New Civilization // Kumar C. (Ed.). Asking, We Walk. The South as New Political Imaginary, Vol. 2. Bangalore, Streelekha, 2007. P. 379–386.

Wallerstein I. (Ed.). The Modern World-System in the Longue Durée. Boulder/London, 2004. 256 p.

Wallerstein I. Aufstieg und künftiger Niedergang der kapitalistischen Weltsystems // Senghaas D. Kapitalistische Weltökonomie. Kontroversen über ihren Ursprung und ihre Entwicklungsdynamik. Frankfurt, Suhrkamp, 1979.

Welt J. Die grüne Kriegsfront. USA verordnen dem von ihrem Militär besetzten Irak den Anbau von genmanipuliertem Getreide. Millionen Kleinbauern droht der Ruin. 29.11.2004.

Ziegler J. Das tägliche Massaker des Hungers. Widerspruch, 2004, No. 47. S. 19–24.

Социальная активность в современной России

Реализация кластерной политики в регионах РФ (семинар по результатам исследования)

Тихонов Александр Васильевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: alvast@isras.ru

Мерзляков Андрей Александрович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: merzliakov@mail.ru

Богданов Владимир Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: valarf@mail.ru

Реализация кластерной политики в регионах РФ (семинар по результатам исследования)

Аннотация

В данной статье излагаются основные положения, обнародованные на методологическом семинаре Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН, посвящённом исследованию в рамках Программы Президиума РАН «Прогноз технологического развития России с учетом новых мировых интеграционных процессов, технологические, экономические и институциональные аспекты». Целью упомянутого исследования была разработка и апробация социологического инструментария дистанционного контроля осуществления кластерной политики. Работа проводилась авторами в три этапа: 1). Разработка методологии анализа и методики дистанционного сбора первичной информации (2012). 2). Анализ исходной базы данных по 83 регионам страны и по нефтегазовой отрасли (2013). 3). Проверка полученных данных и выводов на основе онлайн-опроса экспертов (2014). В статье представлены основные результаты каждого этапа этой работы, делается вывод о возможности использования данной методологии не только в научных, но и в практических целях.

Ключевые слова: инновационная модернизация, кластерная политика, типология кластеров, дистанционный анализ, социотехническая технология, блок-схема исследования, базовые переменные, уровень освоения кластеров, барьеры кластерного развития, интенциональность виртуального позиционирования, латентные связи кластеризации, картирование регионов и отраслей

25 марта 2015 г. в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН состоялся семинар «Кластерная политика в РФ и её реализация в регионально-отраслевых аспектах: проблемы и перспективы». Организатором мероприятия выступил Центр социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН.

Основной темой семинара стало подведение итогов трёхлетней исследовательской работы по оценке реализации кластерной политики в регионах в рамках программы Президиума РАН № 43 «Прогноз технологического развития России с учётом новых мировых интеграционных процессов». Исследовательской группой Центра были доложены результаты дистанционного исследования проблем кластерного раз-

вития (2011–14 гг.), проведённого в рамках комплексной программы научных исследований Президиума РАН «Прогноз технологического развития России с учётом новых мировых интеграционных процессов (технологические, экономические и институциональные аспекты)».

Научно-теоретической основой исследования стала концепция инновационной индустриализации, разработанная В. В. Ивантером и Н. И. Комковым, в рамках которой на основе анализа общемировых тенденций были определены перспективы и механизмы технологического развития РФ на основе кластерного подхода [Прогнозирование перспектив...]. Как показывает мировая практика, такой подход является наиболее эффективным инструментом стимулирования региональной экономики, средством достижения целей промышленной политики, повышения её конкурентоспособности. По М. Портеру, кластеры «лучше согласуются с самим характером конкуренции и источниками достижения конкурентных преимуществ» [Портер 2000: 148]. Для подтверждения выдвинутых концептуальных положений требовалось проведение комплексного исследования. Решение данной задачи взял на себя научный коллектив Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН. Основная цель исследования: оценить степень и механизмы влияния социально-организационных факторов на создание конкурентоспособных инновационных производств (кластеров) в отраслях и регионах и, в конечном итоге, обосновать создание системы мониторинга осуществления кластерной политики.

Методологической базой исследования стали принципы социально-организационного и социально-технологического зонирования. Оказалось, что такого рода зонирование способно демпфировать авторитарные амбиции высокоресурсных групп и снимать напряжения в отношениях между участниками в цепочке технологических переделов при разработке и апробации новых идей производства и реализации продукции. Этот опыт, как представляется, может оказаться чрезвычайно полезным и при создании самодостаточных холдингов и инновационно-технологических кластеров при реализации концепции инновационной индустриализации. В этой связи исследование проблемы влияния социально-организационного фактора на потенциал инновационной индустриализации страны можно рассматривать как актуальную научную и практически значимую задачу.

В 2011 г. руководством программы Президиума РАН «Прогноз технологического развития России и учёт новых мировых интеграционных процессов (технологические, экономические и институциональные аспекты)» было принято решение о разработке проекта непрерывного мониторинга реализации кластерной политики в стране на основе совре-

менных информационных технологий (с учётом результатов предшествующих исследований Центра социологии управления и социальных технологий). Преимуществом такого мониторинга является то, что все его этапы могут быть осуществлены дистанционно. Работа осуществлялась в три этапа: на первом (2012 г.) были разработаны методология анализа и методика дистанционного сбора первичной информации, создана и проанализирована исходная база данных по всем участникам кластерного движения (83 региона); на втором (2013 г.) эта методика была опробована на материалах нефтегазовой отрасли; на третьем (2014 г.) был проверен вариант оценки сложившейся проблемной ситуации в осуществлении кластерной политики на основе онлайн опроса экспертов.

Сбор и анализ данных осуществлялся при помощи метода «электронный респондент». В его основу положен классический в социологии метод контент-анализа. Источниками информации являлись веб-сайты организаций, причастных к осуществлению кластерной политики. Для достижения цели исследования была разработана специальная информационная карточка учёта с фиксацией фактических и аналитических данных. На первом этапе проанализировано 149 сайтов: всех правительств регионов – 83 ресурса; 54 сайта министерств, вовлечённых в реализацию кластерной политики региона; центров кластерного развития, которых всего оказалось 12.

На втором этапе исследования была повторно проведена апробация методики дистанционного анализа в доминирующей нефтегазовой отрасли. В качестве информационных объектов изучения были взяты те же самые 149 сайтов, а также порталы 25-ти крупнейших нефтегазовых компаний России по версии рейтинга «Эксперт-400» (за 2012 г.).

На основе данных первых двух этапов был разработан инструментарий экспертного онлайн-опроса, который позволил уточнить собранную информацию по проблемам реализации кластерной политики в отраслях и регионах. В итоге в опросе приняли участие 108 экспертов из 27 регионов: из них более половины (54%) – из 10 регионов, где при поддержке государства реализуются программы инновационно-территориальных кластеров по версии Минэкономразвития, а остальные – из 17 регионов, где были разработаны проекты ИТК, не получившие господдержки.

Обобщённые результаты 1-го этапа исследования

Для оценки самих сайтов как эффективного инструмента виртуального позиционирования субъектов управления мы обратились к их виртуальному целепологанию (к их интенциональности). Оказалось, что чётко обозначенная цель

имеется только на 20% отобранных сайтов. Практически 84% официальных порталов правительств регионов не формулируют и не указывают свои цели и задачи, которые они планируют достичь при помощи «электронного инструмента управления». Похожая ситуация и с профильными министерствами в регионах РФ. Что касается центров кластерного развития, то и тут лишь 50% сайтов чётко декларируют цель создания центра и сайта. Напрашивается вопрос, а для чего же были созданы остальные сайты центров кластерного развития?

Подобным образом обстоят дела с декларированием деловых намерений и указанием конкретных мероприятий в области кластерной политики. Только половина (51%) сайтов ссылаются на подготовку и реализацию конкретных решений в рамках реализации кластерных проектов. Практически 67% сайтов шаблонно транслируют информацию для вышестоящих государственных органов власти, не отображая реального положения дел, используя неудобные сервисы навигации по сайту, скрывая и ограничивая формы и средства обратной связи для посетителей сайта. Только 26% электронных ресурсов имеют дорогой индивидуальный дизайн с встроенной флеш-анимацией, видеорепортажами, видеообращениями и другими мультимедийными средствами подачи информации, а также качественные и понятные сервисы для связи с конкретными ответственными лицами.

При изучении интенциональности виртуального позиционирования субъектов реализации кластерной политики зафиксировано, что не во всех регионах имеются сайты профильных региональных министерств, отвечающих за подготовку и реализацию кластерных проектов. Достаточно информативными в возможностях сбора поисковой информации оказались сайты центров кластерного развития регионов, отвечающие за мероприятия по разработке и координации проектов кластеров, а также за кооперационное взаимодействие его участников. Но таких сайтов было найдено всего двенадцать. В большинстве регионов, в которых зафиксировано их наличие, наблюдалась повышенная активность в реализации мероприятий кластерной политики. Так, в девяти регионах, где были созданы сайты Центры кластерного развития (ЦКТ), удалось зафиксировать функционирование различных отраслевых кластеров: как получивших поддержку государства, так и финансируемых за счёт средств и ресурсов государственно-частного партнёрства.

В ходе общего исследования была внедрена методика сетевого измерения (Градосельская Г. И.), а именно проведён сетевой анализ зонтичных брендов в кластерной политике на основе изучения 443 сайтов, владельцы которых включены в процессы реализации кластерных стратегий как на федеральном, так и на региональном уровнях [Градосельская,

Просьянюк 2014: 416]. Метод сетевого анализа зонтичных брендов – это дистанционный способ изучения позиционирования региональных инновационных кластеров посредством разработки сетевой модели организации властно-управленческой иерархии реализации кластерной политики и учёта влияния на неё лидеров двух типов: «персоны» и «организации».

Формально принято считать, что инновационные бизнес-кластеры должны соответствовать производственному и/или ресурсному потенциалу региона, на настоящий момент они скорее соответствуют потенциалу топ-менеджеров и чиновников региона. Основной, резюмирующий вывод исследования заключается в следующем: в России наблюдается перепроизводство менеджерских элит. В течение последних 10–15 лет происходило целенаправленное возвращение поколения технократов, от которых ожидалось эффективное управление страной и восстановление промышленного потенциала. Об этом говорит, прежде всего, то, что у всех на слуху громкие имена и эпатажное поведение, но при этом практически отсутствуют истории успешного промышленного прорыва. Получив кредит доверия от руководства страны, это поколение технократов не преобразовало его в конкретный осязаемый результат. Вместо этого было изобретено несколько способов продления своего «кредитования». И одним из них является создание и эксплуатирование различных терминологических вбросов (например, «нанотехнологии», «инновации», «модернизация»), красивых идей, под которые происходит продление кредита доверия, периода формальной безответственности, а также текущая монетизация этих идей. О том, что в данном случае мы имеем дело с прямой цепочкой «идеи–термины–финансы», говорит то, что социальный тренд на утечку мозгов из страны и восстановление промышленности так и не был изменён, несмотря на вложение значительных государственных средств. Поэтому совершенно всё равно, кто займёт тот или иной ответственный пост – у современных государственных менеджеров нет специализации. Его фамилия – его бренд. Можно сказать – «зонтичный бренд», который может распространяться на любую сферу деятельности. Поэтому один и тот же человек равно может руководить как образованием, так и промышленностью. Можно говорить об искажении, смещении фокуса государственного внимания с того менеджерского уровня, на котором оно действительно необходимо (средний уровень производителей, которые занимаются решением реальных проблем), на элитарный уровень. Точнее – посредством государственных мега-проектов создаются и поддерживаются элитарные менеджерские слои, которые одновременно могут участвовать во всех «актуальных» государственных проектах по принципу «зонтичного бренда». Именно оторванность от производства, включение в созидательную, продуктивную дея-

Посредством государственных мега-проектов создаются и поддерживаются элитарные менеджерские слои, которые одновременно могут участвовать во всех «актуальных» государственных проектах по принципу «зонтичного бренда».

тельность (менеджеры участвуют в выработке идей и стратегий, но не в производстве как таковом) позволяет современным менеджерским элитам участвовать во всём, одновременно не обременяя себя практической отдачей. Нынешнее положение молодых учёных и инженеров в стране имеет двойственную природу. С одной стороны, их число явно недостаточно, с другой стороны, они не получают необходимого признания и поддержки, которые способствовали бы длительному вовлечению в производственную деятельность. Поскольку все места в элите уже заняты средним поколением, молодёжи остаётся самореализовываться за рубежом, чему очень рады западные корпорации.

По результатам первого этапа удалось выйти на новое обобщение относительно возможностей дистанционного мониторинга, и, в частности, на возможности использования информационных ресурсов в осуществлении кластерной политики. Опыт регионов, обладающих высокими рейтингами инвестиционной привлекательности, убеждает, что грамотное виртуальное позиционирование при помощи информационных ресурсов (сайтов и интернет-порталов) создаёт предпосылки и условия для развития различных региональных структур и создания саморегулирующейся региональной инновационной системы для всех участников кластерной политики, а также позволяет выработать для них эффективные коммуникационные механизмы управления, сформировать стабильные конкурентные позиции территорий. Создание собственного информационного ресурса, привлекательного (с точки зрения содержательного наполнения и удобства поиска необходимой информации) и эффективного (с точки зрения продвижения преимуществ кластерных организаций), может стать необходимой составляющей деятельности субъектов кластерной политики регионов.

Если говорить об уровне готовности регионов к реализации кластерной политики, то здесь ситуация такова: среди 83 регионов, сайты которых проанализированы, только в 30-ти, по имеющимся сведениям, созданы и функционируют инновационно-технологические кластеры. По степени их готовности они распределились следующим образом (в %):

- высокий уровень готовности – 9;
- выше среднего уровень готовности – 13;
- средний уровень готовности – 7;
- ниже среднего уровень готовности – 8;
- низкий уровень готовности – 63.

В типологическом отношении, по степени вовлечённости регионов в инновационный процесс сложилось следующее распределение: промышленные кластеры – в 62 регионах; кластер технологических инноваций и высоких технологий –

в 38 регионах; биотехнологический и медико-химический кластеры – в 32-х; топливно-энергетические кластеры – в 29-ти; агропромышленные кластеры – также в 29 регионах; профессионально-интеллектуальные кластеры – в 11-ти; транспортно-логистические – в 13-ти; туристическо-рекреационный кластер – в 37 регионах.

Обобщённые результаты 2-го этапа исследования

1. Запуск кластеров нефтегазовой отрасли состоялся.

Кластеры и контуры кластеров нефтяной отрасли зафиксированы в 41 регионе восьми федеральных округов РФ:

- Потенциальная концентрация кластеров нефтяной отрасли прослеживается в Приволжском федеральном округе (16 кластеров). По два кластера – в республиках Татарстан и Башкортостан, Нижегородской, Кировской, Оренбургской и Саратовской областях и в Пермском крае. Прослеживаются контуры организации в Самарской области и Удмуртской Республике (по одному).

- Наименьшая активность функционирования и развития нефтегазовых кластеров (НГ-кластеров) в Северокавказском федеральном округе (3 кластера).

В результате агрегации собранной информация по 63-ём НГ-кластерам (функционирующим и потенциально возможным) обозначены 4 основных направления:

- Нефтегазовый кластер – 37 кластеров.
- Нефтехимический кластер – 16.
- Нефтегазохимический кластер – 9.
- Кластер инновационной переработки топлива – 1.

В 11-ти регионах зафиксированы удачные стартапы, реализуемые на принципах государственно-частного партнёрства, где подготовлена нормативно-правовая база кластерной политики, есть документы, подтверждающие деятельность кластеров, имеется информация о результатах их работы и выпуске специализированной продукции. Ещё два региона реализуют программу по созданию нефтегазохимического (в Республике Татарстан) и нефтехимического кластера (Тюменская область) при помощи государства (на сайте имеется документ). Также 18 проектов по созданию кластеров находятся на предпроектной стадии разработки и проходят согласовательные и организационно-консультационные процедуры. Зафиксировано 9 заявлений от регионов о будущих проектах кластеров по различным направлениям отраслевого назначения. Только на четырёх сайтах – «Газпрома», «Роснефти», НГК «Итера»,

АК «Транснефть» – удалось обнаружить информацию о включённости этих компаний в процессы организации и функционирования региональных нефтегазовых кластеров.

2. Заметную роль в развитии кластеров играют филиалы и дочерние структуры зарубежных транснациональных корпораций. На этой основе можно выделить следующие типы кластерных партнёров – «корпорации», «инвесторы», «банки», которые по сути делают основные материально-технические вливания для запуска инновационных и технологического-производственных процессов на базе НГ-кластера. Можно выделить четыре основных типа корпоративных партнёров: российские нефтегазовые корпорации, зарубежные компании, банки, иностранные инвесторы.

3. Зафиксированы основные барьеры при подготовке и реализации проектов НГ-кластеров: недостаточное финансирование, недостаток кадров, низкая восприимчивость к инновациям, крайне низкая модернизация отрасли, отсутствие грамотных организационно-управленческих механизмов, неразвитость инфраструктуры.

4. По оценкам конкретных мероприятий региона в области кластерной политики и реализации кластерных проектов в нефтегазовой отрасли, сделанных интервьюерами-экспертами на основе изучения контента отобранных сайтов, можно сказать, что чуть больше половины сайтов убедили их в том, что регион реально включён в подготовку и реализацию кластерных проектов, разрабатывает программы отраслевых и инновационных кластеров при поддержке государства или силами ГЧП, планирует активно реализовывать уже наработанные проектные решения по различным направлениям отраслевой специфики на основе имеющихся заделов производственной и научно-исследовательской инфраструктуры.

5. По степени готовности НГ-кластеры распределились следующим образом (в %):

- высокий уровень готовности – 17;
- выше среднего уровень готовности – 17;
- средний уровень готовности – 26;
- низкий и ниже среднего уровень готовности – 40.

Обобщённые результаты 3-го этапа исследования

1. В пилотных регионах (по версии Минэкономразвития РФ) больше готовы к реализации инновационного типа – от разработки идей до освоения технологий и массового производства отраслевых товаров и услуг. Этот факт подкрепляется оценками экспертов из регионов, где уже пройден

стартап инновационных территориальных кластеров. Именно в этих регионах наиболее значимыми для региональной модернизации и продвижения становятся кластеры инновационного развития (53%), получившие поддержку со стороны государства. На один более высокий уровень по значимости ставится развитие IT-кластеров (27%) и кластеров инновационного развития (27%). Большое значение уделяется биофармацевтическому направлению (22%).

В регионах, не включённых в список пилотных, чаще заявляют о готовности к реализации кластеров промышленного типа – для развития уже имеющихся отраслей за счёт организационно-структурной кооперации и модернизации научно-производственной базы отраслевых объектов регионов.

2. Требуется более активная работа региональных и федеральных структур в части доработки законодательства для эффективной реализации кластерной политики на местах.

3. Население и органы местного самоуправления могут быть включены в социально значимые региональные проекты только в соответствии с экономической целесообразностью проектных мероприятий. Социальная ответственность кластеров на уровне региона до конца не определена.

4. Были выделены следующие типы взаимодействия и институциональные формы партнёрства. Первое, это геополитические связи и отношения между участниками кластеров и представителями конкретных стран и регионов, заинтересованных во включении в процессы от разработки идей до освоения технологий и массового производства отраслевых товаров и услуг. Среди зарубежных стран-партнёров чаще упоминаются Германия, Италия, Китай и Финляндия. Если говорить о региональном взаимодействии и организации партнёрских отношений, то чаще всего называется Москва.

5. Необходимым и значимым эксперты считают организацию лоббирования поддержки кластеров на федеральном и региональном уровнях, надеются на включение их в различные государственные целевые программы, среди которых программы поддержки разработок и создания инновационных и наукоёмких производств; конкретные отраслевые госпрограммы («Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности», Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации до 2020 г.; оборонные программы технологической модернизации отраслей РФ), а также в программы развития территорий и туризма, поддержки предпринимательства.

6. Проблемы и препятствия реализации кластерных проектов начинаются ещё на предпроектной стадии, и большая часть проблем связана с невнятной политикой и решениями региональных и федеральных структур, не создающих (или недостаточно

создающих) адекватных условий в части финансирования и организации мероприятий по формированию научно-образовательных и производственных парков регионов, способствующих интеграции региональной науки, образования и промышленности. Серьёзные препятствия возникают и из-за отсутствия практики стратегического планирования развития кластера в условиях комплексного развития территорий регионов.

В целом оценить масштаб проделанной работы кластеров на сегодняшний день достаточно сложно, ещё сложнее оценить эффективность их работы, т. к. некоторые проекты кластеров до сих пор тормозятся по причине организационных проволочек на уровне регионального управления, а также на уровне организации кластеров.

При фактическом отсутствии эффективных механизмов включения субъектов управления кластерной политикой в реальные организационно-управленческие процессы прослеживается деформация управленческих решений, наблюдается неслаженное взаимодействие в ходе согласования интересов всех участников кластерной организации, тормозится выработка общих стратегических решений в рамках подготовки и реализации проектов кластера. Требуется незамедлительное подключение специалистов для диагностики управленческих процессов и организационно-управленческой структуры, выработки эффективных механизмов и технологий взаимодействия органов управления кластерами со всеми субъектами и организационными структурами, включёнными в процесс кластерных решений.

Некоторые содержательные выводы по исследованию в целом

В результате обобщения данных по трём этапам нашего исследования можно сделать некоторые предварительные выводы о состоянии работы в стране по реализации кластерной политики на основе дистанционного сбора и анализа данных. Перечислим наиболее важные из них:

1. Инновационные кластеры России уже представляют собой единую сеть, которая выстраивается «сверху» при поддержке государства и в интересах государства.

2. Тем не менее наблюдается разрыв между государственными задачами, которые должны решаться создаваемой сетью бизнес-кластеров, и целями спонтанного самовоспроизводства менеджерских элит, из которых состоит эта сеть.

3. Вся общероссийская коммуникативная сеть инновационных кластеров на самом деле замыкается на весьма небольшом количестве элитарных ресурсов и организаций.

4. Приращение коммуникаций происходит прежде всего за счёт больших мероприятий. А их организация возможна только при поддержке ряда мощных игроков – федеральных структур, региональных правительств и пр.

5. Хотя формально предполагается, что инновационные бизнес-кластеры должны соответствовать производственному и/или ресурсному потенциалу региона, на настоящий момент они скорее соответствуют потенциалу и компетентности топ-менеджеров и чиновников региона.

6. Опыт старшего поколения промышленников был бы крайне полезен и востребован современными элитами, если бы их деятельность была направлена в практическую плоскость. Концентрация опыта старшего управленческого поколения происходит в РАН и создаёт платформу для критической позиции по отношению к деятельности современных элит. Последние негативные выступления современных управленцев в сторону РАН связаны именно с этим «генетическим» противоречием.

7. Реально руководит процессом кластеризации оторванная от производства группа менеджерских элит, сложившаяся в последние 15 лет. Именно они сейчас показывают наибольшую активность, которая пока не даёт желаемых результатов, а сконцентрирована в большей степени на проблемах самовоспроизводства.

Исследование в Башкортостане

В ходе реализации исследовательского проекта в качестве партнёра выступили Башкирский филиал Института социологии РАН и Институт социально-политических и правовых исследований Академии наук Республики Башкортостан, которыми было проведено социологическое исследование, в ходе которого были получены экспертные оценки более 100 представителей науки, региональной власти, бизнес-сообществ и организаций, ответственных за продвижение и развитие кластерной политики в Республике Башкортостан.

Руководитель башкортостанской части проекта кандидат социологических наук Р. М. Валиахметов рассказал участникам семинара о проблемах реализации кластерной политики на региональном уровне и четырёх группах взаимосвязанных факторов, препятствующих, с точки зрения экспертов, развитию кластеров в республике. По его мнению, существующее позиционирование кластерной политики в виртуальном пространстве не привело в конечном итоге к реальным действиям в данном направлении. Этому способствовало отсутствие налаженного взаимодействия между элементами модели «государ-

ство–бизнес–наука»: отсутствие общей, объединяющей цели; отсутствие партнёрских отношений, слабое стимулирование к развитию; низкая подготовка кадров; слабое финансирование; отсутствие системы контроля реализации заявленных целей и задач; рассогласованность между федеральной и региональной властями в вопросах финансирования; нецелевое использование средств; высокий уровень коррупции.

Помимо общих трудностей, были озвучены препятствия и слабые стороны каждого из выделенных элементов (субъектов) кластерной политики. Для *региональных властей* – это плохое представление о том, как должна будет функционировать кластерная политика в регионе, отсутствие заинтересованности в её развитии, отсутствие квалифицированных кадров, рычагов влияния на крупный и средний бизнес, схем «налоговых каникул».

Для *бизнеса* – это прежде всего отсутствие рынка интеллектуальной собственности, отработанных механизмов соинвестирования, слабая ориентированность бизнеса на социальную и научную сферу, неготовность сотрудничества с государственными и региональными органами власти.

Для *науки* – практическое отсутствие идей, имеющих практическое, прикладное значение; низкий уровень инвестирования в исследования кластеров; невовлечённость научных организаций в создание кластеров; отсутствие механизмов внедрения научного знания; неразработанность научной базы исследования кластеров.

Н. М. Лавренюк, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник БФ ИС РАН поделилась экспертными оценками перспектив реализации кластерной политики в Башкортостане, связанных с решением стратегических задач социально-экономического развития республики. Результаты опроса экспертов показали, что существует разрыв в институциональном развитии (примерно 5 лет). Компенсация в недостатке финансирования на реализацию кластерной политики осуществляется за счёт федерального и регионального бюджетов. В настоящее время разработана модель кластерной политики в регионе, но нет механизма её реализации на практике. Велика необходимость в «выращивании» профессиональных кадров, а также во включении и участии бизнес-структур на всех уровнях кластеров (федеральных, региональных, муниципальных). Однако в настоящее время происходит нарастание противостояния создаваемых кластеров существующим корпорациям. Назрела потребность в проведении научных исследований по данной проблематике. Основной целью научных исследований может стать построение кластерных стратегий (разработка перспективных стратегических направлений кластерного развития), а возможной формой финансовой помощи науке – выделение грантов, в том числе за счёт привлечения бизнеса.

Присутствовавшая на семинаре Л. Ю. Подольская, кандидат социологических наук, начальник отдела стратегического планирования Министерства экономического развития РБ, рассказала о предпринимаемых мерах по социально-экономическому развитию региона и стратегической роли кластеров в этом процессе. В 2011–12 гг. разработка стратегии кластерной политики проходила на голом энтузиазме, но за данный период была создана соответствующая нормативная база. За последние три года был создан единственный действующий кластер по «малотоннажной химии». К 2015 г. деятельность в данном направлении существенно затормозилась. Однако перспективы развития кластеров в регионе очень хорошие. В настоящее время есть семь перспективных направлений, в которых может быть успешно использована стратегия кластерной политики, особенно для развития территориальных и муниципальных кластеров.

Основным препятствием является отсутствие соответствующего финансирования: 90% выделяемого бюджета тратится на поддержку социальных проектов, свободные средства отсутствуют. Под вопросом остаётся и дальнейшая деятельность Центра управления кластерным развитием. Центр был создан в 2011 г., но реализация запланированных действий была прекращена. Важной проблемой остаётся смещение центров кластеризации из регионов на федеральный уровень. Ключевым аспектом развития кластерной политики в регионе должна стать разработка стратегии, в которой необходимо зафиксировать основные акценты:

- создание инновационного блока (совместно с Министерством промышленности Республики Башкортостан);
- развитие других отраслей социально-экономического развития (необходимо задействовать, кроме промышленности, другие отрасли, например вторичную переработку нефтепродуктов, авиастроение и т. д.).

В ближайшей перспективе необходимо осуществить социальное зонирование (преимущественно на основе анализа сложившихся социально-экономических связей). Это является важной предпосылкой кластерного развития. Кроме того, должны проводиться научные исследования, включающие в себя разработку механизма реализации полученных результатов в практическую плоскость с чётко выраженной прогностической функцией, необходим прикладной характер таких научных разработок. Очень важна и разработка системы мониторинговых показателей учёта общественного мнения при принятии управленческих решений касательно развития кластеров в регионах.

Перспективы применения дистанционных исследований в области изучения кластеров и кластерной политики

В качестве возможных направлений дальнейшего исследования на основе дистанционно-сетевой методологии на семинаре были выделены следующие:

- Дополнение предмета исследования более подробной информацией о сайтах: регион, отрасль, период активности и др.
- Расширение списка сайтов за счёт дополнения следующих субъектов: региональные правительства, федеральные структуры, иностранные агенты, персоны влияния.
- Дальнейшая типологизация сетевых связей, что позволит разделить общую сеть на несколько уровней по типу ресурсов – информационные, организационные, репутационные и пр.
- Разработка показателей текущего контроля эффективности работы региональных инновационных кластеров.
- Выяснение обоснованности того или иного типа кластеров в регионе по социально-экономическому профилю его развития.
- Картирование регионов страны по разным аспектам деятельности кластеров, в том числе по степени соответствия реальным перспективам регионального развития.

Препятствия в реализации кластерных проектов начинаются ещё на предпроектной стадии в связи с отсутствием эффективных механизмов включения субъектов управления кластерной политики в реальные организационно-управленческие процессы и структуры региона.

На сегодняшний день установлено, что учёт частных и государственных интересов в деятельности управляющих компаний кластеров, в том числе малых и средних предприятий, соблюдаются при помощи восьми механизмов организационно-управленческой деятельности:

1. Управляющая компания назначается органами местного самоуправления.
2. Сотрудники управляющей организации выбираются или согласовываются с участниками кластера.
3. Руководитель управляющей компании выбирается с учётом мнения участников кластера.
4. Наблюдательный совет кластера (совет кластера и пр.) назначает управляющую компанию кластера.

5. Управляющая компания представляет ежегодный отчёт на общем собрании участников кластера, по результатам которой принимается решение.

6. Управляющая компания назначается региональными органами государственной власти.

7. Руководитель управляющей компании назначается органами государственной власти.

8. Управляющая компания определяется на общем собрании участников кластера.

Однако пока, без влияния единого центра координации кластерной политики в стране, ни один из них не способен организовать грамотное, консолидированное взаимодействие всех субъектов, уже включённых в реализацию программных мероприятий кластера.

Как видно из материалов семинара, существующие механизмы не способны воспроизвести эффективную организацию коммуникативного пространства для адекватной кооперации всех хозяйствующих субъектов на территории с последующим включением их в системную реализацию программных инициатив и мероприятий.

Серьёзные проблемы возникают и из-за отсутствия практики стратегического планирования определённого типа кластеров с учётом комплексного развития территорий регионов, хотя более половины экспертов видят перспективы регионов именно в сочетании кластерного подхода в развитии промышленности и комплексного развития всей территории. В этом отношении безусловно ценным для реализации потенциала кластерной политики в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока является опыт Республики Башкортостан. Считаю необходимым поддержать его на уровне Правительства РФ.

Предложенная Центром социологии управления ИС РАН методика дистанционного мониторинга кластерной политики, если её использовать на постоянной основе, позволяет создать современную информационную базу для контроля процесса инновационной индустриализации страны не только в научных, но и в практических целях. Президиум РАН на основе совокупности исследовательских данных за последние годы и с учётом нашей совместной работы по Программе Президиума РАН № 12 на 2015–17 гг. мог бы инициировать создание Межведомственного совета для подготовки согласованных решений по координации кластерной политики в стране на основе контроля процесса кластеризации с помощью дистанционного мониторинга и других способов.

По итогам обсуждения принято решение о дальнейшем сотрудничестве между научными коллективами и органами исполнительной власти Республики Башкортостан с Центром социологии управления и социальных технологий Института

социологии РАН и Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН по реализации основных направлений Президиума РАН на 2015 –17 гг. Очередной совместный семинар о проблемах и перспективах развития кластерной политики предложено провести в Уфе с участием Министерства экономического развития и Академии наук Республики Башкортостан.

Библиографический список

Прогнозирование перспектив технологической модернизации экономики России / Под ред. В. В. Ивантера, Н. И. Комкова. М.: МАКС Пресс, 2010. 816 с.

Портер М. 2000. Конкуренция / Пер. с англ. М.: Вильямс. 495 с.

Градосельская Г. В., Просянюк Д. В. 2014. Экспликация «зонтичных брендов» как способ обнаружения латентных механизмов управления в создании инновационных кластеров // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация». С. 416–431.

Тищенко А. Н. 2009. Кластеры: признаки, диагностика и формирование // Проблемы экономики. Харьков. Вып. 4. С. 21–28.

Realization of Cluster Politics in the Russian Federation Regions (Workshop on the Research Results)

Tikhonov Alexander Vassilievitch

Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Email: alvast@mail.ru

Merzliakov Andrey Alexandrovitch

Cand. Sci. (Soc.), senior research fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: merzliakov@mail.ru

Bogdanov Vladimir Sergeevitch

Cand. Sci. (Soc.), senior research fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: valarf@mail.ru

Abstract. The article outlines the main provisions of the Methodological Workshop in the Center of Sociology of Management and of Social Technologies within the Sociology Institute of the Russian Academy of Sciences. It was dedicated to the research within the framework of the RAS Presidium Program “Forecast of Russia’s Technological Development in View of Innovated World Processes of Integration: Technical, Economic and Institutional Aspects”. The above mentioned study was aimed at the elaboration and testing of sociological tools of remote control over the cluster policy. The authors conducted this work in three stages: 1. The development of analysis methodology and methods of

remote collection of primary data (2012). 2. Analysis of the source database in 83 country regions and in oil and gas industry (2013). 3. Verification of data and findings based on the experts' on-line poll (2014). The article presents the main results of each stage and makes a conclusion about the possibility of this methodology use not only for scientific but also for practical purposes.

Keywords: innovative modernization, cluster politics, cluster typology, remote analysis, socio-technical technology, basic variables, level of cluster development, barriers of cluster development, mapping of regions and industries

References

Prognozirovanie perspektiv tehnologicheskoy modernizacii jekonomiki Rossii [Forecasting the prospects for technological modernization of the Russian economy]. Pod red. V. V. Ivantera, N. I. Komkova. Moscow, MAKS Press, 2010. 816 p.

Porter M. Konkurencija [Competition]. Transl. from English. Moscow, Williams, 2000. 495 p.

Gradosel'skaja G. V., Prosvianiuk D. V. Eksplikacija «zontichnykh brendov» kak sposob obnaruzhenija latentnykh mehanizmov upravlenija v sozdanii innovacionnykh klasterov [Explication of “umbrella brand” as a way to detect latent governance mechanisms in the creation of innovation clusters]. Sociologija upravlenija: fundamental'noe i prikladnoe znanie. Ed. by A. V. Tihonov. Moscow, Kanon+; ROOI «Reabilitacija», 2014. Pp. 46–431.

Tischenko A. N. Klasteri: priznaki, diagnostika i formirovanie [Clusters:symptoms, diagnosis and formation]. Problemy ekonomiki. Karkov (Ukraine), 2009, V. 4, pp. 21–28.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:

Владимир Александрович Ядов

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>